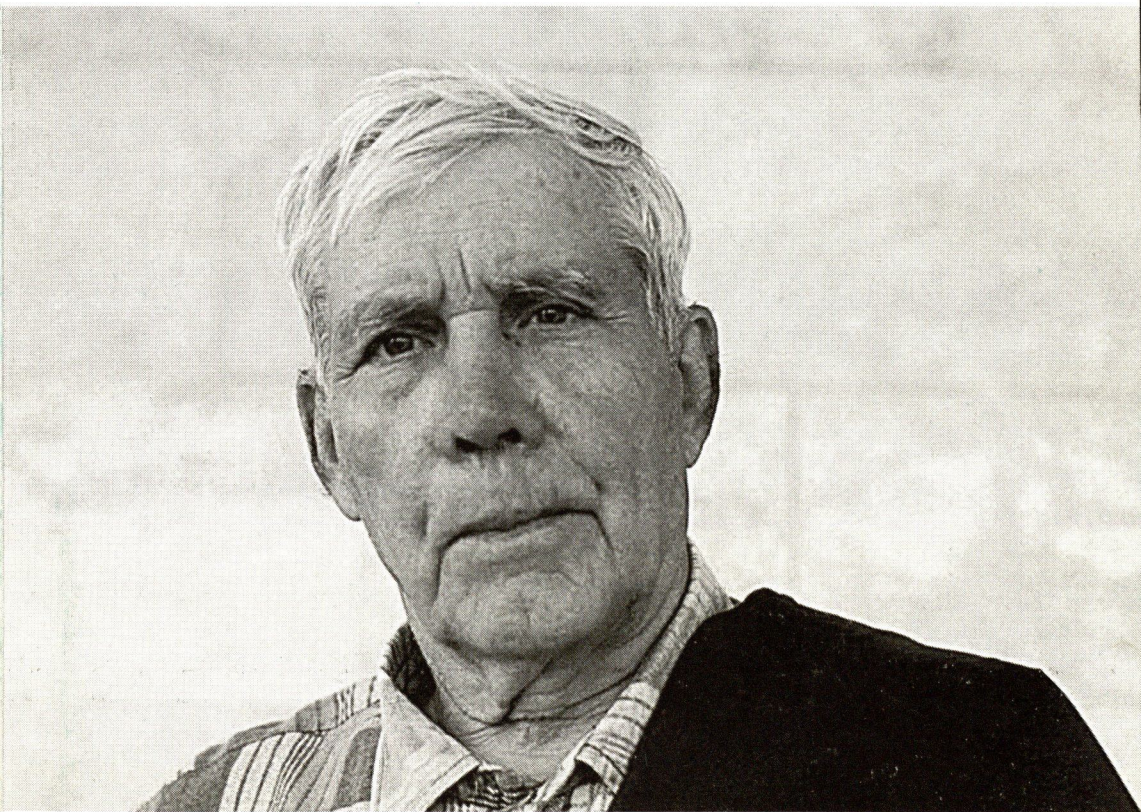

Государственный музей-заповедник А.С.Пушкина
«Михайловское»

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 28

М.Е. Васильев

Из истории земли Псковской
(исследования, поиски, находки)

2003

Памяти одного из старейших сотрудников
Пушкинского заповедника
Михаила Ефимовича Васильева

**Васильев
Михаил Ефимович**
(8.11.1920–6.06.2003)

Михаил Ефимович Васильев родился 8 ноября 1920 года в д.Мишево Резекненского уезда (Латвия) в многодетной крестьянской семье, где было пятеро сыновей и две дочери. Отец, Ефим Савельевич, ходил на заработки, чтобы обеспечить безбедное существование. Дети учились и помогали родителям трудиться в поле. Отец, имея трехклассное образование, любил читать, покупал часто книги, они бережно хранились в деревенском доме в старинном большом сундуке. В дом Васильевых всегда приходило много соседей, беседы нередко завершались чтением Ефимом Савельевичем любимых произведений. Он-то и познакомил подрастающих сыновей с произведениями Достоевского, Гоголя, Пушкина.

Окончив начальную школу, М.Е.Васильев учится в семилетней школе в г.Резекне, затем — в Резекненской русской гимназии, в которой в то время среди преподавателей было немало эмигрантов из России, это были профессора, офицеры. Самые яркие воспоминания об этой поре у М.Е.Васильева были связаны с уроками по всемирной и русской истории, латинского и русского языка, музыки...

В гимназии и определился, по сути на всю жизнь, глубокий интерес к отечественной истории и культуре. После войны М.Е.Васильев продолжил заочное обучение в Государственном латвийском университете в Риге.

В годы оккупации 1941–1944 гг. М.Е.Васильев, работая на железной дороге, со старшим братом Василием, подпольщиком, помогал партизанам. В 1942 году брат был арестован и посажен в тюрьму в г.Даугавпилсе, Михаилу Ефимовичу удалось бежать, вначале он скрывался на территории Латвии, потом ему помогли уйти в Белоруссию к партизанам. Все это время семья Васильевых преследовалась оккупационными властями.

С сентября 1944 года после освобождения Латвии М.Е.Васильев в течение почти 20 лет работал в Каупатской и Граверской средних школах учителем русского языка и истории, директором школы. В это время М.Е.Васильеву приходилось руководить школьным хором, который на республиканских смотрах занимал призовые места.

В течение долгой педагогической работы М.Е.Васильев часто приезжал с учащейся молодежью и коллегами из Латвии на псковскую землю, в музей-заповедник А.С.Пушкина.

С 1962 года он становится научным сотрудником музея. В 1969 году директор Пушкинского заповедника С.С.Гейченко переводит его на должность заведующего филиалом музея-заповедника «Святогорский монастырь». Михаил Ефимович очень много сделал для сохранения этого памятника XVI века на Псковской земле, активно занимался изучением историко-археологических проблем.

Громадная подвижническая, причем на общественных началах, работа проделана М.Е.Васильевым по охране исторических памятников в Псковской области, в последние годы он возглавлял местное отделение Российской организации по охране памятников.

В 1979 году он защитил кандидатскую диссертацию в Ленинградском государственном госуниверситете, и ему была присвоена степень кандидата исторических наук.

После возвращения Святогорского монастыря Православной Церкви М.Е.Васильев возглавил историко-археологический научный отдел. Им подготовлено много публикаций, проведено множество экскурсий, осуществлялись поиски документов в архивах.

За многолетнюю плодотворную работу М.Е.Васильеву было присвоено звание заслуженного работника культуры России.

Михаил Ефимович активно работал до последних месяцев жизни. Скончался он шестого июня — в день рождения Пушкина, гению которого преданно служил.

*Министерство культуры Российской Федерации
Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С.Пушкина
«Михайловское»*

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 28

М.Е. Васильев

**Из истории земли Псковской
(исследования, поиски, находки)**

ББК 83.3 (2Рос-Рус)

Михайловская пушкиниана. Выпуск 28: М.Е.Васильев. Из истории земли Псковской (исследования, поиски, находки). — Пушкинские Горы—М., 2003. — 208 с.

ISBN 5-94595-032-7

В очередной выпуск сборника «Михайловская пушкиниана» вошли основные работы Михаила Ефимовича Васильева (8.11.1920–6.06.2003), около 20 лет проработавшего в школе и более 40 лет отдавшего служению в Пушкинском заповеднике «Михайловское», изучению истории Псковской земли, приумножению наших знаний о связях творчества Пушкина с псковским краем.

В сборник включены ранее не печатавшаяся научная монография «Этапы развития обороны псковско-литовского рубежа в XIII–XVII вв.» (подготовлена в 1978 г. на базе архивных и натурных исследований автора), исправленные и дополненные научно-исторические очерки «Минувшее проходит предо мною...» (издавались в 1997 и 2000 гг.), доклады на научных конференциях, научно-популярные статьи, научно-художественные очерки и эссе, публиковавшиеся в периодической печати и хранящиеся в архиве автора (предоставлены вдовой автора Л.А.Васильевой, сыновьями Андреем и Глебом, которые активно участвовали в подготовке к печати всех работ М.Е.Васильева).

Публикуемые материалы рассчитаны как на специалистов-историков, краеведов, преподавателей, музейных работников, так и на широкий круг читателей, интересующихся историей России, в частности историко-археологическими аспектами изучения Псковщины, и творческой биографией заслуженного работника культуры России Михаила Ефимовича Васильева — знатока псковских древностей.

ББК 83.3 (2Рос-Рус)

ISBN 5-94595-032-7

© Текст, Государственный музей-заповедник
А.С.Пушкина «Михайловское», 2003.
© Оформление, оригинал-макет,
ООО «ПрофИнтер», изд-во «Кириллица», 2003.

П а м я т и

Михаила Ефимовича Васильева

Одновременно они учатся различать колокола по их звучанию: по тому, как ударяет язык колокола, по той особой радости перезвона, что свойственна каждому звонарю.

Альфредо Конде. Синий кобальт

Звон сорвался и полетел, как испуганная птица...

Первый за многие годы молчания звон колоколов Святогорского монастыря, хранителем древностей истории которого он был многие годы. Не давая угаснуть, вслед за первым звонарь послал второй удар. Большой колокол подхватил расправивший крылья звук, заговорили колокола поменьше, полилась дивная, давно желанная сердцу, давно не слыханная божественная серебряная песня.

Вспомнилось детство. Вот так же звучали колокола, созывая к службе. Он, тогда еще совсем мальчишка, один из многих в хоре, торопился, ускорял шаг по улочкам маленького латышского городка, спешил в православный храм. Там он пел, так к музыке колоколов, исполнявших роль камертонов жизни, присоединялась музыка сердца, музыка души. Ее возносил его голос, голоса детей-сверстников, мужчин и женщин. И эти мгновения, эти колокола, эти голоса сегодня вновь ожили в нем здесь, на колокольне, на ветру, с первым ударом вновь зазвучавшего над Святогорьем колокольного звона.

Сплетая воедино, в тонкую звуковую ткань, разноголосие больших и малых колоколов, звонарь шептал про себя слова молитв. И как знаковые строки пушкинских стихотворений, старых летописей и сказаний, молитвы были плотью его души. Слова прошений мира дальнего миру горнему, Богу посылались им с детства из глубины самого его существа. В этот первый за многие годы молчания разговор колоколов с небом он вкладывал всего себя. Он вспоминал дорогие имена близких: родителей, друзей, знакомых. Их образы сплетались со звуками, поднимаясь вверх, к солнцу, небу, к Богу. Все, что происходило сейчас,

каждое мгновение, было знакомо и ново, долгожданно и неожиданно, страшно и прекрасно.

Над Пушкиногорьем лилась забытая за десятилетие другой жизни музыка колоколов. Михаил Ефимович Васильев, хранитель Святогорского монастыря-памятника, сам, своими руками творил это чудо пробуждения давно знакомой мелодии. Происходящее было тем прекраснее, что до последнего мгновения душу терзали сомнения — возможно ли? Будет ли? Но с первого удара, с первого звука, взлетевшего над пушкинской могилой, над старыми липами, над домами и долами, сомнение отступило.

Пришла великая радость, чувство праздника, Божьего дара, данного не по заслугам, по великой Его, Бога, отеческой любви. Изменяя мир, жизнь, землю, воду, небеса пели святогорские колокола. Они возвещали нерушимое единство времен, непрекращающуюся Пасху Господню, бессилие смерти, бессмертие души.

Михаилу Ефимовичу Васильеву когда-то, теперь уже в прошлом веке, в свершившейся в нем жизни, довелось стать тем, кто вернул голос старым колоколам, а всему Святогорью — их неземную песню. И, может быть, именно этим событием нужно мерить всю глубину жизни, его, человеческой, и музея, сохранившего Святогорский монастырь как величайшую духовную святыню Отечества.

Светлой памяти нашего товарища, учителя, друга мы, музейные работники Пушкинского заповедника, посвящаем эту книгу. Посвящаем с просьбой к каждому, кто знал и любил Михаила Ефимовича Васильева, молиться о его светлой душе.

Г. Василевич,
директор Пушкинского заповедника

Ученый, педагог, просветитель М.Е.Васильев

Знакомство Михаила Ефимовича с псковским краем, по его собственным словам, началось в далекие 1960-е годы, когда он как педагог сопровождал школьников в Пушкинский заповедник. Ехали той самой дорогой, по которой неоднократно по делам ездил из Михайловского и обратно и сам Пушкин. Ночлег предстоял в деревне Велье, у могучих стен древней земляной крепости XIV века, на берегу озера дивной красоты. Прошлое жило здесь вполне осязаемо и зримо. Велье помогло молодому учителю воспринять историю эмоционально и лично. И в дальнейшем памятники былого не просто обращали к прошлому, они помогали переживать события былого как события личные, важные для постоянного отбора подлинных ценностей бытия. Решение о работе в Заповеднике стало для Михаила Ефимовича естественным.

Главным делом его жизни стало хранение и изучение Святогорского монастыря, его прошлого, организация его посещений. Немало сделано им для сохранения выдающегося памятника XVI века. О монастыре М.Е.Васильевым написаны статьи, две книги, прочитаны лекции, проведено множество экскурсий. Во многих случаях они положили начало многолетним дружеским отношениям с учеными, педагогами, артистами. Признание необычайно расширило круг его знакомых и друзей. И то обстоятельство, что в 1960-х — начале 1970-х годов Михаил Ефимович по необходимости даже жил в одном из монастырских зданий, кажется сегодня не случайным.

Святогорский монастырь — своеобразный символ богатой истории края, сыгравшего важную

М.Е.Васильев у братского корпуса Святогорского монастыря (1970-е гг.)

роль в период формирования Русского государства. События прошлого изучались в конце XIX века. Позже — они интересовали пушкинистов. Но еще в 1927 году известный историк, академик С.Ф. Платонов замечал, что история края не может быть восстановлена «с желаемой полнотой».

Михаил Ефимович в послевоенные годы стал одним из первых ученых-практиков, на долю которого выпало вести научно-исследовательскую работу в полевых условиях — условиях деревни, в отрыве от документальной, архивной базы. Но жизнь в провинции открывала возможность вести натурные исследования. В разные годы М.Е. Васильев принимал участие в архивных раскопках, которые проводили В.Д.Белецкий, А.Н.Кирпичников, впоследствии он сам организовал раскопки в посаде Воронича. В целях изучения и наблюдения за организацией охраны памятников им исхожена и изучена практически вся Псковская земля. Ради документирования и фотофиксации, замеров он добирался до самых глухих уголков, где находятся древние городища, курганы, древние кресты, загадочные культовые камни. Результаты этих исследований легли в основу уникального в своем роде труда, где рассматриваются причинно-следственные связи, которые обусловили появление оригинальной системы обороны на западных рубежах России. 27 декабря 1979 года М.Е.Васильев защитил диссертацию и решением совета в Ленинградском государственном университете ему была присуждена ученая степень кандидата исторических наук. Труд Михаила Ефимовича остается сегодня важнейшим источником по истории края. Как явление истории и культуры Васильев рассматривал и старинные дворянские усадьбы псковского края, собирал, изучал соответствующие данные. При этом памятники наблюдал по многу лет. И в этом оказался близок известному псковскому архитектору Б.С.Скобельцину, с которым его связывали многолетние дружеские отношения. Вместе с тем важнейшей составляющей во всех его передвижениях была эмоциональная сторона: он любил беседы со старожилами, тщательно документировал их рассказы, умел вызвать собеседника на непринужденный разговор, метко схватывал особенности характеров и речи. Так появились заметки, эссе, наброски, которые также предлагаются вниманию читателя.

Оставаясь педагогом не только по профессии, но и по натуре, Михаил Ефимович постоянно искал способы связи истории и нравственного мира своих современников, и прежде всего детей. То он организо-

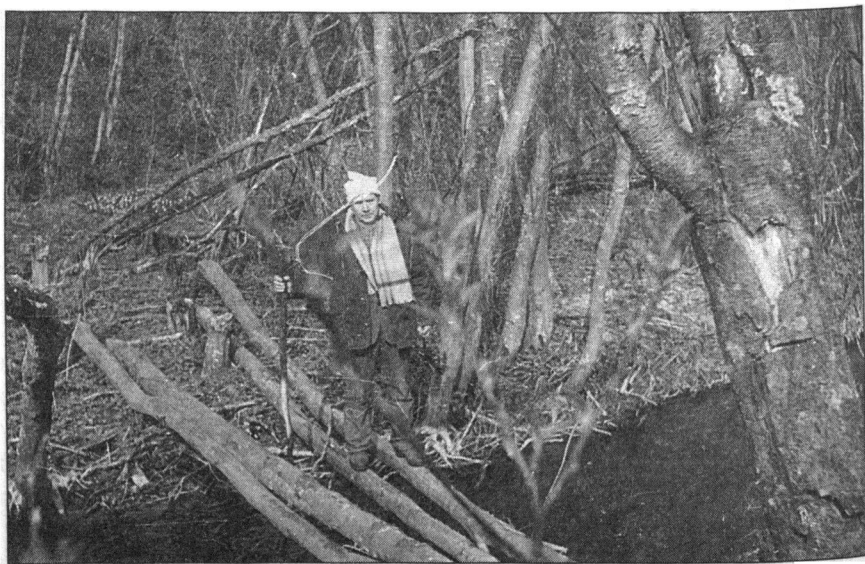
Субботник на городище Воронич (1998 г.)

Краеведческий кружок средней школы им. А.С.Пушкина
на городище Воронич (октябрь 1995 г.)

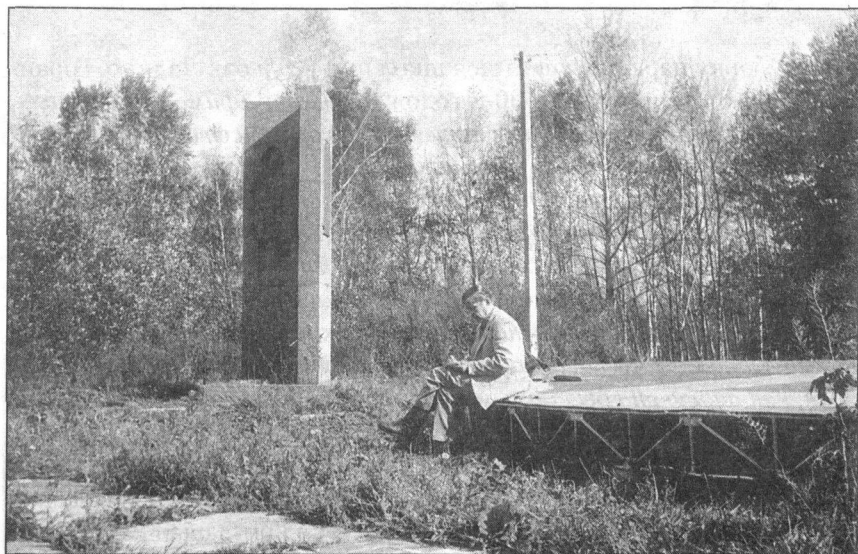
С группой научных сотрудников Заповедника. Усадьба Бороздиных
Костыжицы в Дновском р-не (1987 г.)

Полевые исследования городища Коложе (1986 г.)

Вышегород (Дедовичский р-н). С группой научных сотрудников Заповедника.
М.Е.Васильев (второй слева) беседует с настоятелем
Михайло-Архангельского монастыря о.Серафимом (1987 г.)

На усадьбе В.А.Жуковского в Мишенском (1986 г.)

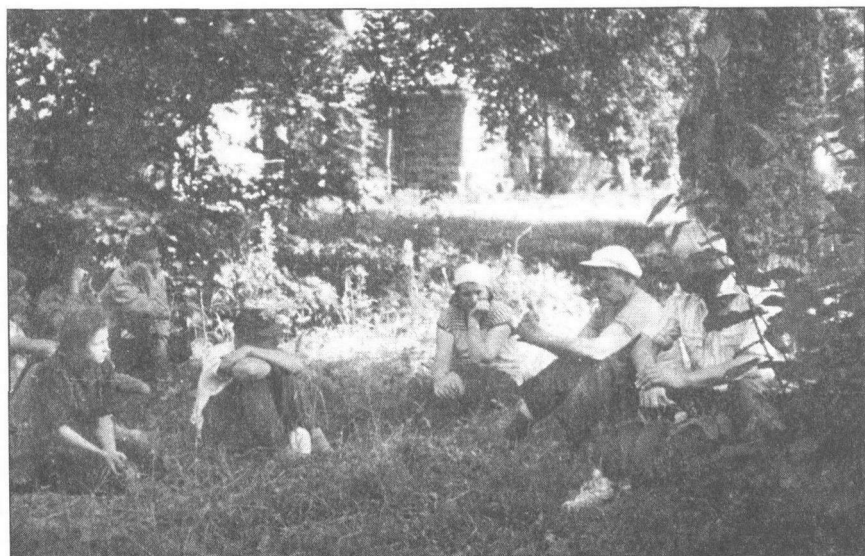

М.Е.Васильев, Г.Н.Василевич — директор музея-заповедника А.С.Пушкина «Михайловское», о.Георгий и матушка Валентина, с.Теребени, храм Воскресения Словущего, В.И.Ермоленко, г.Минск (1995 г.)

ывал уборку парков учащимися школ при усадьбах Ладино, Горай. Вспоминают доброты 1990-х годов: *«Михаил Ефимович Васильев почти каждое утро приходил к нашей добротской стоянке у Тригорского и как-то нестрого, без нажима давал задание на работу. Ее всегда хотелось сделать хорошо. Он за плохо сделанную работу не ругал, а как будто жалел нас и от этого расстраивался. А вечером у костра он обстоятельно объяснял, что мы сделали. Если дорогу почистили, то объяснял значение этой дороги в войне со Стефаном Баторием, если с поляны сено убрали, то, оказывается, на ней еще Пушкин играл в горелки с барышнями. Однажды мы нашли ржавую дверную петлю, так он обрадовался ей, как будто она была из золота. Сказал, что эта железка начала XIX века, выкована кузнецом здесь же, в Ворониче, а значит, должна помнить поэта. Мы его между собой любя называли Ефимычем. Давно это было. И как будто вчера»*. Михаил Ефимович легко отзывался на приглашения выступить в школах и вузах. То приглашал к себе в небольшой деревенский домик, и тогда, в ответ на вопросы, велись нескончаемые беседы. И слово его пользовалось неизменным авторите-

В Ладино на субботнике (1990-е гг.)

М.Е.Васильев с учащимися Пушкиногорской гимназии в Ладино (август 1996 г.)

И.И.Лагунин (второй слева) — искусствовед, заместитель генерального директора «Псковреконструкция», М.Е.Васильев, В.А.Костин — художник музея-заповедника (конец 1990-х)

М.Е.Васильев (крайний слева) с коллегами и гостями в Тригорском (2000 г.)

М.Е.Васильев (справа), сторож усадьбы и гости из Эстонии (во втором ряду) в Ладино (2001 г.)

том, так как за ним всегда угадывались искренность и выверенные жизнью убеждения.

Слова Пимена из пушкинской трагедии, «да ведают потомки православных земли родной минувшую судьбу», можно было бы поставить эпиграфом ко всей творческой биографии М.Е.Васильева. По его инициативе уже в 1974 году Пушкиногорское бюро путешествий и экскурсий впервые разработало и начало проводить экскурсии «Древние крепости Велье и Опочка», в 1982-м к ней прибавилась другая — «Усадьбы пушкинской поры псковского края». Они обрели популярность и стали своеобразной школой изучения края.

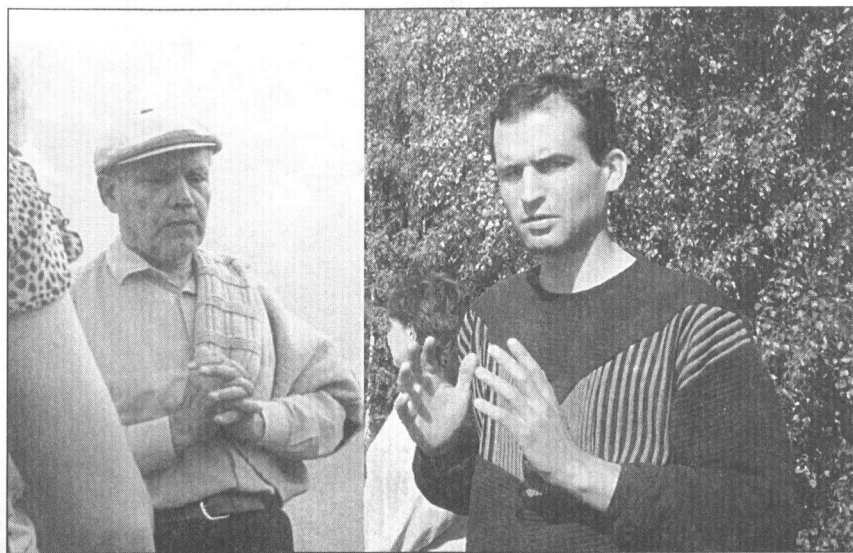
М.Е.Васильев у дома в Ладино — бывшее имение Бороздиных. Новоржевский уезд (2000 г.)

Врев (1999 г.)

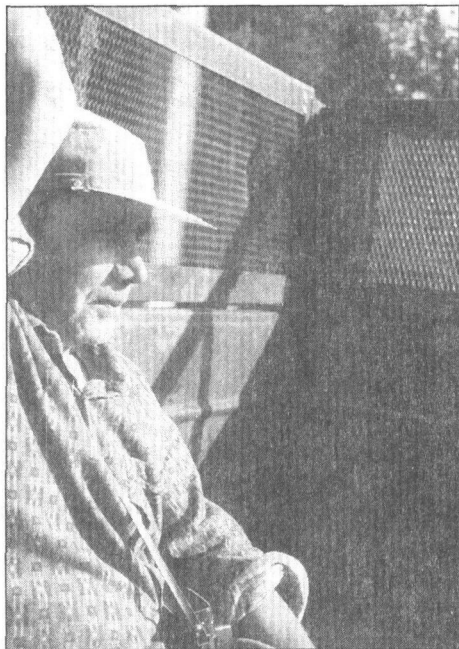
Врев (1999 г.)

1998 г.

2003 г.

Михаил Ефимович и Андрей Михайлович Васильевы
на экскурсиях в Велье

М.Е.Васильев в кузове самосвала
на пути к озеру Камено
Опочецкого уезда (1989 г.)

На погосте Рождество (2000 г.)

На Воронице после литии в память о С.С.Гейченко
(2 августа 2001 г.)

Выступление в библиотеке Пушкинского заповедника (2002 г.)

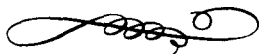
Многозначителен сам факт «выхода» научных и просветительных интересов Михаила Ефимовича за пределы Заповедника, границы которого были расширены в 1995 году. Знаменательно, что в новые границы Заповедника вошло и его любимое старинное псковское село Велье.

В 1996 году Михаилу Ефимовичу было присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

Предлагаемая вниманию читателя книга наиболее полно отражает круг интересов М.Е.Васильева — историка, педагога, музейного работника и ученого-подвижника. Она значительно расширяет представление о своеобразии Псковской земли, в историю которой во многом уходят корни творчества А.С.Пушкина.

Будьлин Иосиф Теодорович, ведущий научный сотрудник Государственного музея-заповедника А.С.Пушкина «Михайловское», кандидат педагогических наук, академик Российской академии естественных наук

Васильева Людмила Андреевна, зав. экспозицией музея истории Пушкинского края, вдова М.Е.Васильева

Хранитель музея*

Мы предчувствовали радость и тайну, еще когда приблизились к тихому, без туристов, монастырю и стукнули железным кольцом в узкую дверку Анастасьевских ворот.

Повсюду было пусто, и сюда привел нас неторопливый человек с добрым лицом. И он тоже был частью этой удивительной земли и удивительной ночи.

К нему тянутся молодые: он кажется им посредником между временами, хранителем тайн ушедшего мира и поверенным тех, чьи тени скользят в стенах древнего монастыря. В его негромком скупом слове оживают тени минувшего: нищих на каменных ступенях и монахов в темных одеяниях. Мы представляем, как нарядной толпой спешили на ярмарку крестьяне, подъезжали помещицы коляски. Шумели зазывалы в торговых рядах. Потом звонили колокола к вечерне -- и притихали прихожане в соборе, склоняли головы, внимая проповеди, возносящейся через голосники над монастырским подворьем.

Мы слушаем -- и видим. Девушки-студентки в черных рабочих халатиках похожи на юных послушниц. Как внимали настоятелю, так внимают они наставнику, бережно хранящему историю родного народа. С почтением разглядывают они похожую на келью комнату под низкими белеными сводами братского корпуса с большим столом, заваленным книгами. Обитель летописца...

Потом они вместе мыли обелиск, чистили щеткой цоколь и ступени, протирали ограду. Бережно и любовно, как памятник на родительской могиле.

Есть люди -- хранители очага. Это их заботами передаются новым поколениям лучшие традиции, завещанные отцами, и понимание красоты. Памятники русской старины их заботами становятся очагами культуры.

Неформального слова ждут молодые о том лучшем, что давало людям свет и надежду во все времена и что нужно сеять и взращивать сегодня. Будущим летом исполнится 25 лет, четверть века, как служит в Святогорском монастыре Михаил Ефимович Васильев. Глубокая работа историка сочетается с просветительской деятельностью, серьезные знания -- с живым интересом и вниманием к людям.

* Пушкинский край, 26 августа 1986 г.

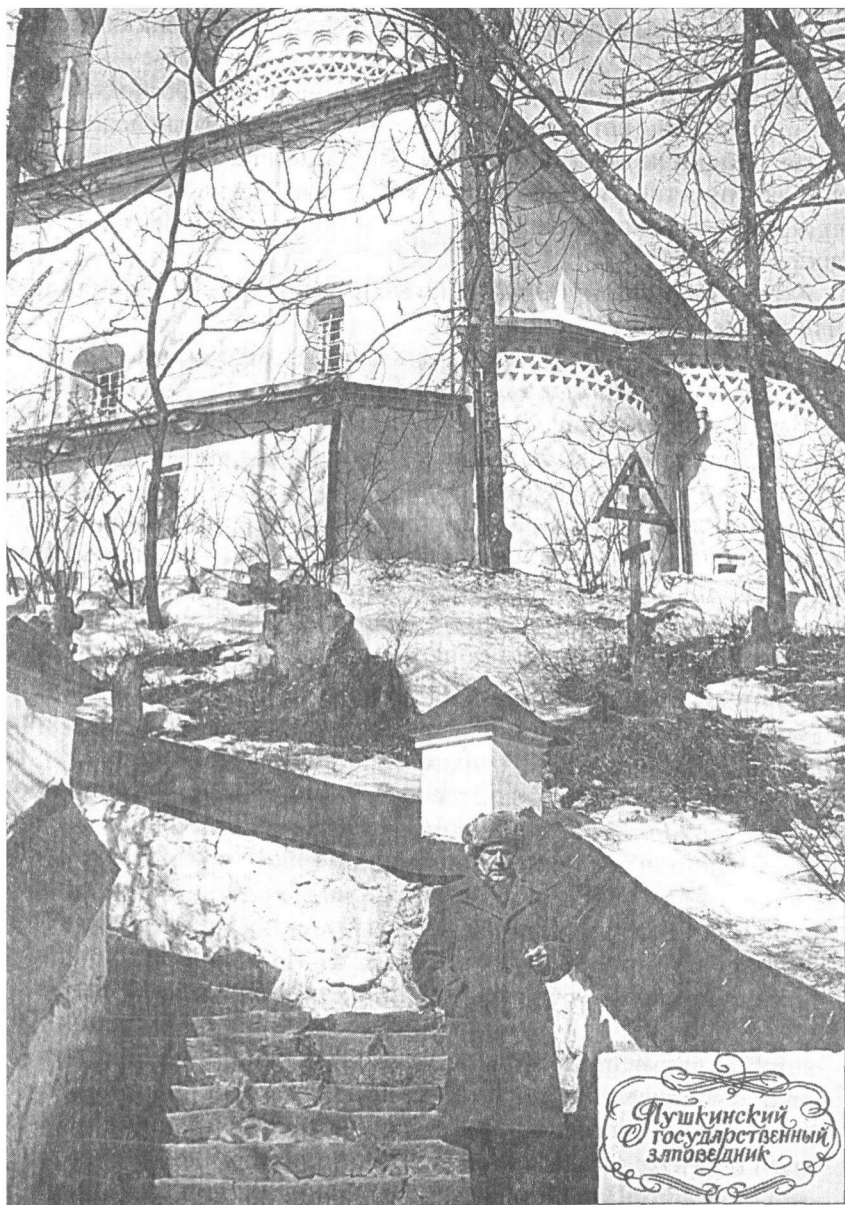
Километрах в трех за поселком, на краю деревни стоит над склоном дуга бревенчатая, как бы игрушечная изба, тянется по горизонту густые леса, светится среди поля осиновый перелесок. Печурка с железной трубой. По узкой тропке с полным ведром поднимается хозяин. Приветливо протягивает руку, усаживает. Здесь он другой: босоногий, благодостный, крестьянский. Присаживается на пенек у костерка, колдует над грибами. Всем есть место в избе, где на бревенчатых стенах сохнут ароматные травы, а на большой сковороде шипит, поджаривается картошка.

Темнеет. Зажигают свечи. Неспешный разговор о старине и о сегодняшних делах. Меньше всех говорит хозяин, хотя именно его присутствие и немногословные речи держат и направляют беседу. Немудрено, что общение с прекрасной природой, с талантливыми людьми вызывает ответное движение чувства и мысли. Люди стосковались по такому общению, когда течет разговор как сложится, когда открываются заслонки и смягчают сердца, когда чужие быстро становятся своими — и жаль расставаться.

Меж ими все рождало споры
И к размышлению влекло:
Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло

Как все же странно, что за сто шестьдесят лет не изменились темы, что вечными оказались проблемы, названные поэтом... При Михаиле Ефимовиче стыдно болтать. Своим серьезным вниманием он требует весомого слова, глубокой мысли. И эта чудная манера псковского медленного говорения, когда будущая речь обдумана и подносится как результат и венец работы ума. О чем же? О чем толкуют и спорят? Почему люди так нетерпимы? Как мигрировали и возникали народы? Отчего так живуче невежество? Что делать, чтобы изменилась школа?

Хозяин слушает вдумчиво, угощает, следит, чтобы никто не был обойден вниманием. А сам притулился на краешке в темноте. Все ждут его слова. Ему есть что сказать, ибо история богата примерами самой страшной жестокости и самой высокой доброты. Это уже к разговору о нашей нравственности, о том, как часто изменяет она человеку в неконтролируемых ситуациях. Слово хозяина соединяет гостей — и тульскую учительницу, и московского историка, и ленинградского школьника.

Михаил Ефимович Васильев,
хранитель Святогорского монастыря-музея (1980 г.)

А потом все выходят во двор и садятся на самодельную скамью. Хозяин укутывает гостей одеялами. Темно. Прямо над домом — звездный коврик. На деревянные козлы поставлен березовый чурбачок. Это попитр. Разложены ноты. Рядом слабо горит трехрожковый подсвечник. И тихую нежную мелодию выводит флейта, несет к нам из средневековья бесхитротный напев: «В эти светлые дни». В эти светлые дни, поет она, когда все радуется жизни, давайте попробуем жить светло и радостно.

Хозяин сидит на ступеньке, руки его устало опущены, и глаза добры и печальны. Любит музыку.

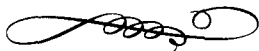
А потом никак не проститься с хозяином. А у него уж глаза слипаются от усталости: день был тяжел и серьезен.

Вдруг жаль всем становится, что так мало говорил Михаил Ефимович. Вот заспорили, раззадорились — и ушли минуты, а могли бы просто его послушать, да уж не вернешь.

Идем, взявшись за руки, большой дорогой к поселку. Сердцу легко и празднично. Девушки поют пушкинские стихи — когда и песнями стали? Да так ладно, так свежо и сердечно.

От вас беру воспоминанье,
А сердце оставляю вам...

В. Рымарчевская

Этапы развития обороны псковско-литовского рубежа в XIII–XVII веках (монография)

Характеристика военной ситуации на западных границах Русского государства

Предметом исследования настоящей работы являются крепостные сооружения на литовском рубеже Псковской земли в XIII–XVII веках.

Работа построена на опубликованных письменных и графических источниках, архивном материале ЦГАДА и данных, полученных в результате археологических разведок и раскопок.

Только сочетание всех видов источников дает возможность изучения проблемы.

В работе рассмотрены поэтапно земляно-деревянные укрепления городов на псковско-литовском рубеже в XIII–XVII веках, выявлены новые оборонительные пункты, не упомянутые в письменных источниках, определена их взаимосвязь с известными городами-крепостями, время построения и планировка крепостей и прекращение их функционирования, уточнен список городов на литовском рубеже с учетом вновь выявленных, рассмотрены эволюция оборонительных систем городов, их боевая история и роль в обороне Пскова, Новгорода и Русского государства.

Главное внимание в работе обращено на изучение истории крепостей псковского этапа обороны, в первую очередь Велья и Опочки, которые в числе других главных опорных пунктов на юге Псковской земли в пору независимости ее занимали ведущее место в обороне на юго-западе. Отдельная глава посвящена крепости Заволочье, сыгравшей значительную роль в борьбе с Баторием.

Возникновение и развитие оборонительного строительства на Псковской земле привлекало и привлекает внимание исследователей. В последние годы интерес к нему возрос, что обусловлено той ролью, которую играли города-крепости в защите не только Пскова, но и всей Руси.

Систематическое изучение укреплений древнего Пскова и его пригородов позволяет представить более ясную картину возникновения и развития оборонительных сооружений Пскова и его пригородов, чем

это было до недавнего времени. Однако, несмотря на определенные успехи, достигнутые в этой области, некоторые вопросы обороны Псковской земли остаются недостаточно изученными. Особенно много слабо исследованных памятников находится в юго-западных районах Псковской области.

В понятие «южный участок границы Псковской области», или «литовский рубеж», входит территория, по которой проходила граница Русского государства с Литвой в XIII–XV веках. По современному территориально-административному делению — это земли Бежаницкого, Пустошкинского, Опочецкого, частично Красногородского, Новоржевского, Пушкиногорского районов Псковской области. Все они входят в зону нашего археологического исследования [69].

На основании сообщений письменных источников [4–7; 56, 63] можно сделать вывод, что эта граница на юго-западе в XIII–XV веках была относительно стабильной и проходила в верховьях р. Великой и по ее притокам: Чернице, Алоль, Иссе, а также по линии озер Подцо, Камень, Себежское, Верято, Бардовское, Але и др. и по верховьям реки Ловать (рис. 1). Пограничными городами на юге Новгородской земли считались Великие Луки и Ржева [1, С.92], а на юге Псковской — Коложе или Коложо, Черница и Велье, позднее Опочка и Удриха — Новое Коложе (рис. 2). Южную границу Псковской земли пересекал путь, связывавший Западную Европу с Востоком и проходивший через псковские города Черницу, Коложе, Опочку, Велье, Воронич и шедший далее на Псков, Новгород, Москву [2, С.86–87] (рис. 3).

Территория Псковской земли простиралась с юга на север узкой полоской от верховьев реки Великой до реки Наровы [1, С.92]. Южные пограничные псковские крепости стояли в начале водного пути, на реке Великой, новгородские — на реке Ловать и на Ржевско-Пусторжевской земле [3, С.123]... После присоединения Пскова к Московскому государству граница значительно отодвинулась на юг, в глубь бывших литовских владений. В XVII веке в ходе войн с Речью Посполитой (до 1569 года — Великое княжество Литовское), которые велись Москвой за возвращение русских земель, утраченных в XIII–XV веках, южная граница постепенно еще более отодвинулась в глубь земель, некогда захваченных Литвой. В XVII веке многие русские земли Москва вернула [77].

Для того чтобы противостоять агрессии, исходившей от Литвы и Ливонии, в пограничных районах создавались города-крепости, образовавшие вместе с естественными преградами защитную полосу, хотя

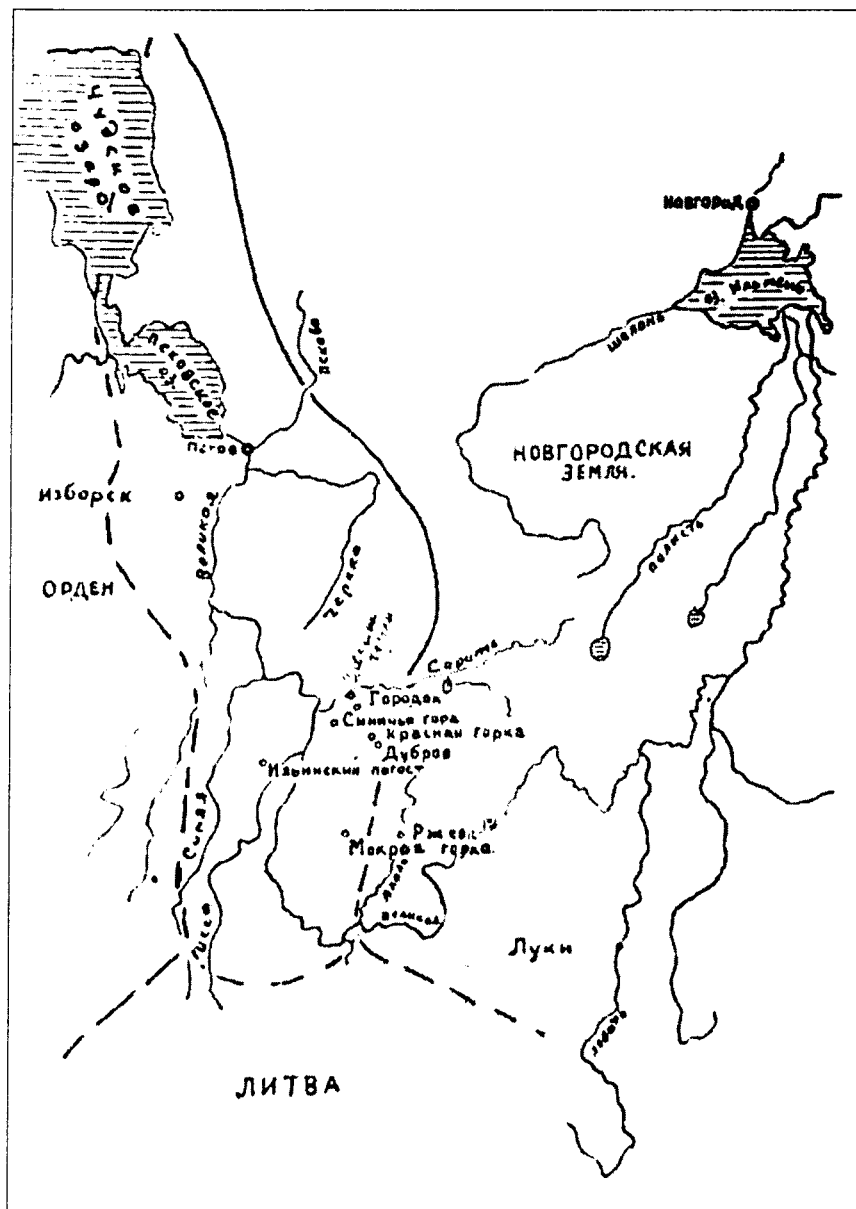

Рис. 1. Карта укреплений на псковско-литовском рубеже (до середины XIV века)

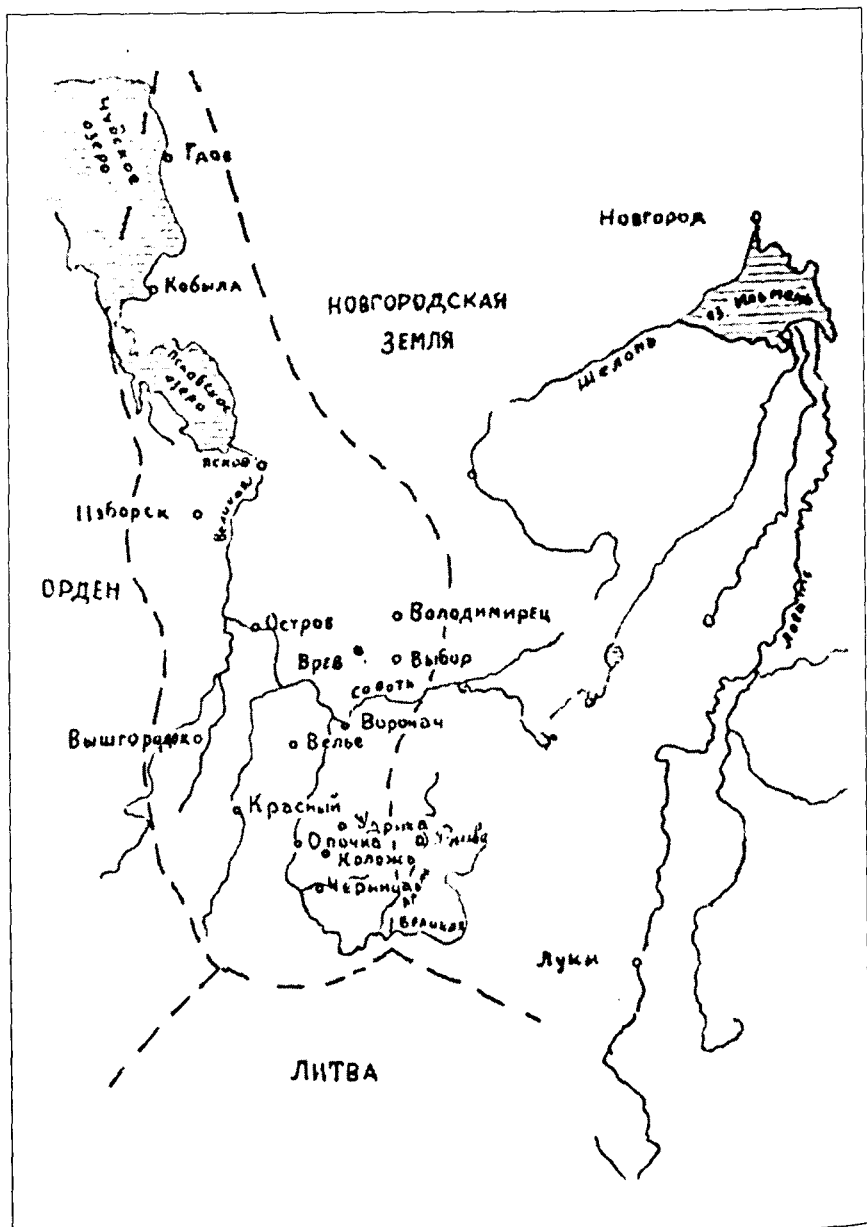

Рис. 2. Карта юго-западных укреплений Псковской земли во время ее независимости (XIV–XV века)

Рис. 3. Карта городов-крепостей на псковско-литовском рубеже (XVI-XVII века)

установить точно границу в XIII–XIV веках нельзя, ибо сплошной линии границы не существовало, ее составляли отдельные пункты.

Начало обороны «литовского рубежа» было положено еще Новгородом. С середины XIV века, во время независимости Псковской земли, благодаря неустанным заботам и усилиям, граница с Литвой была укреплена значительно лучше, а после присоединения к Москве оборона пограничных городов получила дальнейшее развитие.

Всю историю развития оборонительных систем городов можно подразделить на три периода: новгородский, псковский, московский. Новгородский период охватывает время от образования Новгородской земли и до середины XIV века, псковский — с середины XIV века (1348 год) и до конца XV века, московский — с 1510 года, со времени присоединения Пскова к Москве [78].

В зоне нашего исследования к крепостям новгородского этапа обороны, упомянутым в летописи, относятся Ржева и Синичья Гора (первая находится в Бежаницком районе, вторая — в Пушкиногорском), Мокрая, или Екатерининская Горка (Опочецкий район), Савкина Горка, расположенная на территории Пушкиногорского заповедника, два городища в Новоржевском районе: Дубровы и Красивая, или Красная, Горка и одно — Городок — в Пушкиногорском. В письменных источниках они не упоминаются.

Изучение памятников всех трех периодов: новгородского, псковского и московского в южной части Псковской области, на бывшей границе с Литвой, представляет такой же интерес, как и исследование оборонительных пунктов на северо-западном участке границы. В ходе исследования отдельных укреплений на юге Псковской земли более отчетливо выявлена взаимосвязь между ними, найдены новые пункты обороны, не упоминавшиеся в письменных источниках, прослежена эволюция крепостей. К сожалению, городища в южной части области, бывшие крепостями на «литовском рубеже», пока оставались менее обследованными, чем на северо-западе. К малоизученным городам на юге Псковской области относятся Заволочье, Ржева, Коложе, Черница, Велье, Красный. Не намного лучше обстоит дело с изучением письменных источников.

Особое значение для изучения проблемы имеют псковские летописи, включающие текст Псковской второй летописи — Синодальный список [4], текст Псковской третьей летописи по Строевскому и Архивскому 2-му спискам [5; 63], свод Псковской летописи 1469 года и

свод Псковской летописи конца 80-х годов XV века, а также Новгородская первая летопись старшего и младшего извода [6], Новгородская четвертая летопись [5]; Хроника Литовская и Жмойтская [53], Летопись Баркулабовская, Аверки и Панцирного.

Хотя сообщения в псковских летописях, как правило, весьма лаконичны, но охватывают они огромный и разносторонний круг вопросов экономической, политической и военной истории Псковской феодальной республики. В них приводятся сведения о решениях псковского вече, классовая и внутриклассовая борьбе, деятельности посадников, делах судебных, торговле, ценах на хлеб, эпидемиях, состоянии посевов, пожарах, строительстве, военных делах, взаимоотношениях с Новгородом Великим, Москвой, а также с соседствующими Литвой и Ливонией.

Сведения, сообщаемые летописями, позволяют составить полную картину экономического, военного и политического положения в Псковской феодальной республике [79].

Известия псковских летописей, касающиеся боевой истории Пскова и его пригородов, и в частности юго-западных — Воронича, Велья, Опочки, Красного и других, отличаются подробностью, яркостью рассказа, проникнуты глубоким патриотизмом.

Хотя летописи, собранные в Пскове, в основном имеют местный характер, по сравнению с летописями других крупнейших центров Руси, они все же отражают события и общерусского значения.

На основании известий псковских летописей можно составить список наиболее значительных городов-крепостей, построенных в эпоху независимости Пскова, на бывшем псковско-литовском рубеже. Сведений же об оборонительных пунктах, относящихся к домонгольскому периоду, в летописи не находим. Псковская вторая летопись доведена до 80-х годов XV века, третья — до 50-х годов XVII века. Расцвет летописания во Пскове падает на период его независимости.

Хроника Литовская богата сведениями из истории юго-западных пригородов. Она восполняет пробелы Псковской второй летописи, особенно в части, относящейся к событиям времен Ливонской войны. Так, в псковских летописях не говорится о захвате Баторием крепости Заволочье и решении короля не осаждать Опочецкую крепость во время похода на Псков, но это решение Батория отмечено Хроникой Литовской и Жмойтской [53].

Богатую информацию о псковских порубежных крепостях в XVI веке содержат иностранные источники. Среди них выделяется труд

Р.Гейденштейна «Записки о Московской войне» [8]. В нем автор знакомит с военно-политическими планами Стефана Батория и дает подробное описание русских пограничных крепостей: Заволочья, Воронича, Острова. Упоминает он и о Велье, Красном, Себеже и др. Особенно подробно Р.Гейденштейн описывает крепостную систему и осаду Заволоцкой крепости, отмечает героизм гарнизона и воеводы В.Ю.Сабурова. Труд Р.Гейденштейна является ценнейшим источником для исследования крепостной системы пограничных городов и их боевой истории.

Дневник личного секретаря Батория С.Пиотровского [9] рисует картину древнего Пскова, знакомит с крепостными сооружениями, героизмом псковичей, содержит много разносторонних сведений о псковских пригородах, и в частности о Ворониче и Заволочье, а также включает сведения экономического характера.

Большой интерес для исследования представляет «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков» [10].

Автор «Записок о московских делах» барон Сигизмунд Герберштейн дает описание города Пскова в первой половине XVI века. По мнению Герберштейна, измена некоторых духовных лиц облегчила присоединение Пскова к Москве. Как положительное в характере псковитян он отмечает их искренность, честность, простодушие [11, С.120–121].

В нашем исследовании использованы архивные материалы. Сведения, извлеченные нами из письменных источников ЦГАДА* и ЦГВИА**, позволяют проследить эволюцию оборонительных систем городов на псковско-литовском рубеже в XVII веке. Анализ ряда документов (описи городов, переписка воевод с московским правительством и др.) дает полное представление о крепостной системе в Заволочье и Опочке XVII века, а также знакомит с отдельными деталями крепости: башнями, воротами, въездными дорогами, тайниками, водоснабжением и пр.

Наличие описей городов XVII в. дает возможность восстановить их архитектурный облик, определить уклад жизни горожан.

Архивные материалы предоставляют возможность познакомиться с составом гарнизона, вооружением, запасами продовольствия и

* ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ. Новгородский стол, Дела разных городов. Книга № 33 и № 63.

** ЦГВИА СССР, ВУА № 18965.

боеприпасов, а также выяснить роль крепостей «литовского рубежа» в общих планах обороны Русского государства на юго-западной границе.

К сожалению, в документах, извлеченных из ЦГАДА и ЦГВИА СССР, нет сведений о городах XIII–XV веков, поэтому приходится довольствоваться лишь краткими летописными сообщениями и данными, полученными в результате археологических изысканий.

Важное место занимают археологические раскопки и разведки, проведенные автором исследования на 12 городищах «литовского рубежа»: Чернице, Коложе, Удрихе, Опочке, Велье, Красном, Заволочье, Городке, Ржеве, Дубровах, Красивой (Красной) Горке, Синичьей Горке. Кроме проведения разведок на городищах, нами изучалась вся территория юго-западных районов Псковской области с целью выявления укрепленных пунктов, не упомянутых в письменных источниках.

Проведенные нами археологические изыскания привели к важным открытиям. К наиболее существенным из них следует отнести выявление и обследование четырех крепостей доогнестрельной фортификации, не упомянутых в письменных источниках. К вновь открытым оборонительным пунктам относятся: городище Удриха, расположенное на территории нынешней Любимовской сельской волости Опочецкого района, Дубровы и Красивая (Красная) Горка в Новоржевском районе. Во время разведок во вновь открытых городищах была осуществлена съемка планов, обмеры, закладка шурфов, фотографирование отдельных деталей земляных укреплений, сбор подъемного материала и пр.

В результате открытия и изучения ряда новых укрепленных пунктов пополнился список городов-крепостей, относящихся к новгородскому и псковскому оборонительным этапам в данном районе и значительно расширились наши знания о них.

Подробное описание упомянутых выше городищ дано в соответствующих главах данного исследования.

Усилия автора были направлены на продолжение поиска местонахождения псковского пригорода Черницы, начатого еще в 1956 году группой археологов Института археологии АН СССР и его Ленинградского отделения (ЛОИА) [12].

В результате исследований 1956 года, продолженных нами в 1970–1972 годах, появилась возможность выявить место расположения городка Черницы [3, С.123].

Разведки в Бежаницком районе проводились с целью уточнения местонахождения и изучения крепости Ржевы, относящейся к новгородскому этапу. На городище собран и изучен подъемный материал, служащий основанием для определения времени возникновения поселения, снят план городища, произведены обмеры и фотографирование.

Поскольку значительную часть собранного материала составляет лепная керамика IX–X веков, то на этой основе возможна датировка появления поселения на Ржеве.

Исследовались также крепости, относящиеся к псковскому этапу обороны: Коложе, Опочка, Велье, Красный и одна крепость московского периода — Заволочье.

Керамика, добытая в результате закладки шурфов на городище Коложе в 1975–1976 годы, подтверждает возникновение города в XIV веке [14], а найденные на городище куски тигля свидетельствуют о проведении плавок металла.

Археологические разведки на городище Опочке предпринимались не только с целью изучения памятника, но и сопоставления его с планами, извлеченными из ЦГВИА, а также планами, опубликованными в трудах Л.И.Софийского [15] и П.А.Раппопорта [16].

Выводы относительно эволюции планировки крепости в Опочке представлены в главе II.

Городище Заволочье вообще выпало из поля зрения исследователей истории Псковской земли. Не было ни одной археологической разведки, если не считать посещения городища И.Д.Годовиковым в 80-е годы XIX века [17]. В начале XX века на городище побывал Л.И.Софийский, но он ограничился его визуальным обследованием [15].

В результате двухлетнего археологического изучения остатков земляных укреплений крепости в Заволочье, исследования опубликованных источников и материалов ЦГАДА мы располагаем новыми данными по истории этого памятника. Установлено, что крепостная система имела два строительных периода и что крепость сыграла важную роль в борьбе с Баторием.

В результате разведок в Заволочье был накоплен значительный подъемный материал, произведена топографическая съемка плана городища, изучена территория, входившая в состав предградья, определены границы бывшего предместья, сфотографированы некоторые детали укреплений: земляные валы, места башен, остатки моста, соединяв-

шого крепость с предградьем, дороги, тайник, остатки порохового погреба, водосточные трубы и пр.

Во время разведок в Красном был снят план городища, сфотографированы отдельные детали уцелевших крепостных земляных сооружений.

Автор настоящего исследования принимал участие в археологических раскопках, проведенных в 1974–1976 годах на городище Велье ЛОИА под руководством А.Н.Кирпичникова. Исследование остатков каменных и земляных крепостных сооружений позволило определить строительные периоды крепости, число башен, ворот, главных путей, соединявших крепость с предградьем, а также определить время возникновения укрепленного города. Подробно результаты раскопок рассмотрены в главе II.

В сборнике «Археологические открытия 1974 года» помещена статья М.Е.Васильева и А.Н.Кирпичникова о раскопках на городище в Велье [18].

Археологические разыскания автора настоящей работы на юго-западе Псковской области являются продолжением изысканий, проведенных предшественниками.

Главным итогом комплексного исследования проблемы явилось выявление новых крепостей и динамики развития обороны на псковско-литовском рубеже.

В дореволюционное время городища, расположенные в зоне нашего исследования, археологами почти не изучались, если не считать кратковременных посещений некоторыми исследователями памятников истории Псковской земли.

Н.И.Костомаров, побывавший на отдельных южных городищах Псковской земли, ограничился лишь их визуальным осмотром.

К первым исследованиям по истории Псковской земли относится работа Н.С.Ильинского, содержащая сведения из истории южных порубежных крепостей [20].

Есть сведения о южных пригородах в «Географическом лексиконе Российского государства» Г.Миллера [21, С.225].

Краткие сведения о порубежных городах Пскова содержатся в труде Н.П.Барсова [22].

В труде Е.Болховитинова «История княжества Псковского» [23] дан широкий исторический обзор от эпохи вытеснения финских племен и заселения кривичами территории. Это земли, прилегающие к

реке Великой и ее притокам. Главное же внимание в работе Е. Болховитинова уделено периоду независимости Псковской феодальной республики. Он исследовал псковские летописи, а также зарубежные источники. Основу исследования Е. Болховитинова составили летописные сведения. Труд Е. Болховитинова содержит богатый фактический материал из истории городов юго-запада Псковской земли, но в нем есть неточности хронологического порядка.

Во второй половине XIX века было опубликовано исследование Н.И. Костомарова [19]. В нем дано краткое описание городищ, находящихся на юго-западе Псковской земли. В исследовании всесторонне освещены основные проблемы истории псковского края. Заслуга исследователя заключается в том, что он заложил прочный фундамент серьезного изучения истории Новгорода и Пскова. Автор не ставил перед собой цель исследовать крепостную систему городов, а поэтому и обследование им городищ носило визуальный характер. В целом же Н.И. Костомаров занимался только исследованием письменных источников. Для нас несомненный интерес представляет гипотеза Н.И. Костомарова относительно якобы существовавшего в городе Велье передового укрепления за рвом к югу от городища.

Историко-географические сведения о южных псковских пригородах имеются в географическо-статистическом словаре П.П. Семенова [24].

В исследовании Н.Д. Чечулина содержатся сведения о составе и роде занятий населения в пригородах Пскова после Ливонской войны [25, С.94–110].

Единственным изображением городища Заволочье является план, снятый во второй половине XIX века И.Д. Годовиковым. Этот план является важным источником, так как он положил начало топографической съемке городищ на юго-западе псковского края [17, С.32].

Военное значение псковских пригородов, в частности Опочки, в середине XVII в. рассматривает в своем труде Н.Н. Харузин [26].

Истории внутренней жизни древнего Пскова посвящена работа А.И. Никитского [27].

В краеведческой работе Ф.А. Ушакова [28] представляют интерес топографические сведения о памятниках археологии псковского края, ему принадлежит попытка составить подробный план древнего Пскова.

В начале XX века была опубликована работа Л.И. Софийского «Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем» [15]. Исследование Л.И. Софийского посвящено истории города Опочки и тем соседним

городам, которые до XVII века [15] были приписаны к Опочке в качестве пригородов: Заволочье, Воронич, Велье, Красный. В книге Л.И.Софийского дано подробное описание Опочки и ее окрестностей. Одно из достоинств труда Л.И.Софийского заключается в том, что в приложении опубликован план Нижнего и Верхнего города Опочки в XVI–XVII веках, подробная карта Опочечского уезда, а также несколько фотоснимков городищ Воронича, Красного, Велья, Коложе и др. Л.И.Софийский привлек большое количество опубликованных источников, использовал труды Н.С.Ильинского, А.А.Шахматова, Л.А.Травина, Н.М.Карамзина, Е.Болховитинова и других в той части, в которой авторы касаются истории Опочки. Труд Л.И.Софийского — серьезное исследование, но все же некоторые вопросы обороны городов на «литовском рубеже» освещены еще недостаточно или же не затронуты вовсе, как, например, вопрос об эволюции крепостной системы в Опочке, Заволочье, Велье. Это объясняется тем, что исследование Л.И.Софийского носит несколько односторонний характер. Автор привлек только письменные источники, но не занимался археологическим исследованием памятников, поэтому труд его имеет ряд недостатков. Главный недостаток — поверхностное обследование городищ, описание которых он дает в своем труде. Например, в очерке о Заволочье нет плана городища. Обойден вопрос о роли Заволоцкой крепости в защите Русского государства во время похода Батория на Псковскую землю. Он повторяет ошибку Е.Болховитинова о времени взятия Заволочья Баторием. Исследование истории Опочки Л.И.Софийским в основном построено на изучении и анализе письменных источников и исторической литературы [15].

Вопрос о составе городов «литовского рубежа» в XIII–XVII веках, о развитии их крепостных систем исследователями не ставился. В основном они касались лишь военной истории городов [71, 72].

Изучение городов-крепостей «литовского рубежа» в XIII–XVII веках не носило специального характера, а проходило лишь в связи с изучением проблем, относящихся к истории Псковской феодальной республики в целом.

Целенаправленное изучение оборонительных сооружений интересующего нас периода советскими исследователями внесло весьма существенный вклад [73].

Значительно помогало в изучении вопросов истории древнего Пскова и его пригородов исследование псковских летописей А.Н.Насоновым [2].

Труд А.Н.Насонова «Русская земля и образование территории древнерусского государства» содержит весьма ценные сведения о южных пограничных землях Новгорода и Пскова. Несомненный интерес в его исследовании представляет критика им Л.И.Софийского в вопросе о возникновении крепости Опочки [2].

Первые археологические разведки на юго-западных городищах с закладкой отдельных шурфов и снятием планов городищ проведены П.А.Раппопортом. В 60-е годы он провел ряд археологических разведок на некоторых городищах, расположенных на юго-западе Псковской области, и заложенные им шурфы в Велье и Ворониче подтвердили возникновение этих городов в XIV веке [16].

В капитальном исследовании П.А.Раппопорта об оборонном зодчестве в северо-восточной и северо-западной Руси памятникам северо-западной части Псковской области уделено больше внимания, чем юго-западу той же области. Несмотря на это, исследование П.А.Раппопорта содержит глубокий анализ возникновения и развития систем укреплений населенных пунктов и городов X–XIII веков и XIV–XV веков на Руси вообще, и на Псковской земле в частности. Для юго-запада Псковской области исследование П.А.Раппопорта является первым археологическим обследованием городищ, поэтому его труд для исследования вопросов эволюции оборонительных систем городов на псковско-литовском рубеже представляет наибольший интерес. В [16] даны карта крепостей Псковской земли в XIV–XV веках, планы-схемы типов организации обороны древнерусских городов, планы-схемы городищ на юго-западе Псковской области, рассмотрена планировка, тактика осады и оборона крепостей.

В исследовании Н.М.Тихомирова содержатся сведения о занятиях и численности населения в юго-западных пригородах Пскова [29].

Труд В.В.Косточкина рисует общую картину развития оборонительного строительства во всех княжествах и землях Руси [30].

Социальным составом населения в псковских городах периода независимости Псковской земли занимался Л.В.Черепнин. Он указал роль вече во второй половине XV века и подчеркнул обострение классово-борьбы в Пскове, а также отметил роль Пскова и его пригородов в защите Руси от литовско-ливонской агрессии [31].

Присоединение Пскова к Москве рассмотрено Н.Н.Масленниковой [32].

Б.Б.Кафенгауз исследовал некоторые вопросы истории Псковской феодальной республики [74–76] и, в частности, Псковскую судную грамоту, псковское вече и др. [33].

Ценные сведения по истории Псковской земли и отношений ее с Ливонией имеются в книге Н.А.Казаковой [34].

Работа И.К.Галуновой «Историческая топография Пскова», к сожалению, основывается только на письменных источниках [35].

Заслуживает внимания исследование А.Н.Кирпичникова об истории появления огнестрельного оружия и его применения на Руси [36].

Глава I

Крепостные сооружения на псковско-литовском рубеже новгородского этапа обороны

К новгородскому этапу обороны на псковско-литовском рубеже относятся: городище Ржева, Екатерининская, или Мокрая, Горка, Дубровы, Красивая, или Красная, Горка, Савкина Горка, Городок, Синичья Гора.

Из указанного списка городищ только о Ржеве и Синичьей Горе имеются упоминания в летописях. Отсутствие сведений в письменных источниках о крепостях, относящихся к новгородскому этапу обороны, не только затрудняет, но и лишает всякой возможности изучение их военной истории. Значительно больше возможностей в исследовании планировки крепостей: по остаткам земляных укреплений можно не только составить план крепости, но и воссоздать формы ее наземных деревянных укреплений.

Из списка крепостей новгородского этапа обороны выделяются две: Ржева и Дубровы. Крепость Ржева принадлежит к южным оборонительным пунктам Новгорода. Ржева, по-видимому, сохраняла оборонное значение для Новгорода лишь до XV века, а со времени появления огнестрельного оружия значение ее падает, и она стала именоваться Пустой. Но и в XV веке Ржева (Пустая) продолжала оставаться весьма важным территориально-административным центром на юге новгородских владений, граничивших с Литвой.

А.Н.Насонов отмечает, что Ржевская и Великолуцкая волости граничили с литовскими владениями, а на рубеже XIV–XV веков Великие Луки и Ржева платили дань Литве, но Новгород по-прежнему считал их своими [2, С.117]. С присоединением Новгорода к Москве Ржева (или Ржова) становится уездным центром и остается им до построения Заволочья [37]. А.Н.Насонов отмечает, что с подчинением Пскова Новгороду территория Ржевской волости на юго-востоке находилась в верховьях реки Ловать, на юго-западе она шла по реке Великой. Он указывает, что деление Ржевской волости на погосты сложилось во второй половине XI века. Здесь существовали податные единицы (погост, треть, губа), причем, как указывает А.Н.Насонов, древнейшая податная единица – погост. Ржевская волость состояла из двух погостов: Бардовского и Ашевского [2, С.87]. На протяжении всей своей истории ржевские земли граничили с Литвой и владениями Пскова. В летописи Ржева упомянута под годом 1406 в связи с погонею псковичей за Витовтом, разорившим Коложе: «...Семен с изборяны и островичи и вороначаны и вельяне, шедше, повоеваше Ржевою» [4, Вып.2, С.112].

В 1436 году новгородское войско ходило на Великие Луки и Ржеву из-за неуплаты ими дани Новгороду: «Тоа же зимы новгородци ходиша на Великия Лоуки рать и повоеваше, тогда же и Ржевою воеваше своих данщиков: а они не почина дани давати новгородцем» [4, Вып.2, С.132]. Есть и другой вариант летописного сообщения об этом событии [5, С.210]. Историк Опочки Л.А.Травин так писал о причинах замены Ржевы Заволочьем: «Жители Московского государства, усмотря, что город Ржева, построенный близ границы литовской, расположен не в столь удобном месте и крепком, сыскав другое удобнее место, жителей из Ржевы перевели и построили на самой литовской границе город, который Заволочьем наименовали» [38].

Когда был основан город Ржева – неизвестно. Несомненно лишь, что уже к началу XVI века он был заброшен и назывался Ржевой Пустой. Так, в завещании Ивана III (1504 год) говорится: «Да сына своего Василия благословляю своею отчиною великим княженьем Новгородским... даю Ржеву пустую с волостями и погостами...» [39, С.207].

О точном расположении Ржевы у историков не было единого мнения. С.Ф.Платонов предполагал, что Ржева Пустая стояла на месте деревни Орша, на берегу озера, одноименного с деревней, рядом с г. Новоржевом [40, С.21].

Л.И.Софийский придерживался другой точки зрения и считал, что Ржева Пустая находилась в Бардовском приходе Новоржевского уезда [15, С.188]. Он отметил, что в этом районе известна гора Подоржевка, похожая на земляную крепость. В действительности гора эта до настоящего времени называется Ржевой, а Подоржевкой называют деревню, расположенную под горой. На то же место, как местоположение древней Ржевы, указывает и «Карта пятин Новгородских» в книге К.А.Неволина [39, Приложение].

Гора Ржева находится на территории бывшего Бардовского сельсовета Бежаницкого района, близ Бардовского озера, в 4,5 километра от дороги Кудеверь — Бардово. Расстояние ее от сменившего Ржеву Заволочья примерно 40 километров. С южной стороны горы протекает река Алоль — правый приток реки Великой, а с севера под самой горой течет небольшой ручей.

По преданиям, гора Ржева в древности была укреплена, а на ней в недалеком прошлом стояла часовня. В конце XIX века на территории деревни Подоржевки были найдены обломок шейной гривны, бронзовая пряжка, бронзовая булавка и пр. [41, С.164].

Гора представляет собой высокий естественный холм, вытянутый с востока на запад. Склоны ее крутые, пересечены оврагом, заросли лесом. На верхней площадке также растет лес, хотя середина горы безлесая. Кроме того, имеются две чистые площадки — в восточной части горы и в западной. Середина горы волнистая (рис. 4).

Восточная площадка в плане квадратная, ее площадь около 1 гектара. Здесь найдены тигель, шлак, черепки лепной керамики, которая относится к IX—X векам. Найденные фрагменты лепной керамики на восточной площадке городища позволяют сделать вывод, что в IX—X веках Ржева была заселена. На западной площадке подъемного материала не найдено. Здесь имеются остатки фундамента каких-то более поздних построек, а также следы колодца и большая яма, заполненная водой и заросшая ивняком. Возможно, что на месте этой ямы было когда-то небольшое озерко, которое упоминает Л.И.Софийский [15, С.188].

Примерная высота горы 20–25 метров. В центре заметны остатки валов. Очевидно, гора Ржева представляла собой крепость, в полной мере использующую защитные свойства рельефа местности и лишь в незначительной степени укрепленную искусственными оборонительными сооружениями. Крепости такого типа были характерны для Псковской земли XIII—XIV веков [16, С.79].

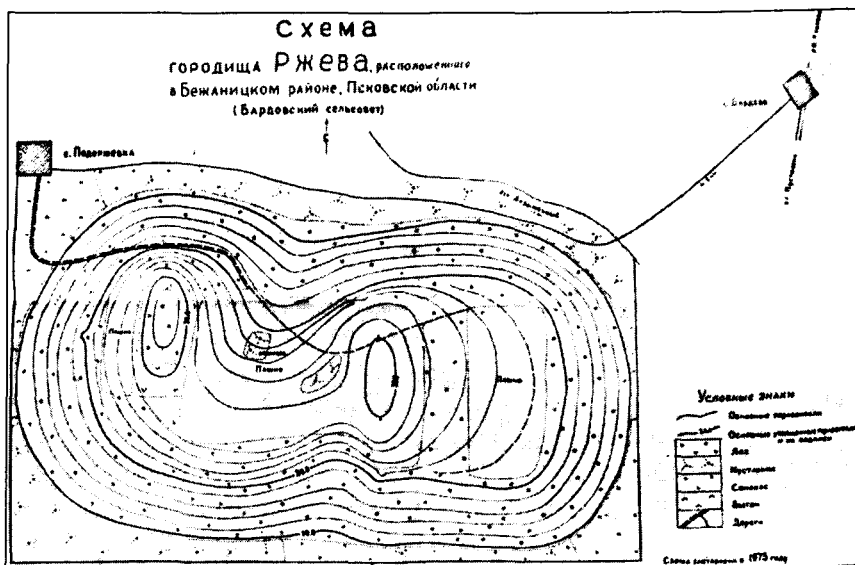

Рис. 4. План городища Ржева

На огородах деревни Подоржевки найдено много керамики, относящейся к XV–XVI векам. Вероятно, основное население города Ржевы жило на территории современной деревни, т.е. не в крепости, а у подножия горы (рис. 5).

Рис. 5. Вид городища Ржева с восточной стороны

В 1976 году в результате археологических разведок в Новоржевском районе на территории бывшего Дубровского сельсовета было найдено и обследовано безымянное городище, не упоминаемое в летописи. Поскольку городище расположено в 500 метрах от села Дубровы, то

мы условно назвали его также Дубровы. Городище расположено на краю песчаной гряды, состоящей из нескольких холмов. По краю площадки городища проходит земляной насыпной вал, высота которого от 1 до 3 метров. Два входа с южной и западной стороны ведут на городище. Площадь его составляет около 0,15 гектара.

Городище отделено от гряды двумя параллельно расположенными рвами. Причем ров, расположенный ближе к городищу, значительно шире и глубже второго. Приблизительная высота городища 15–20 метров над уровнем болота. Городище имеет округлую форму, центральная часть площадки его значительно выше краев. Возможно, это понижение уровня площадки к краям объясняется тем, что земля с нее использована для построения валов. Культурный слой на площадке весьма незначительный. Вдоль всего вала, разрезая его на две части, проходят траншеи, следы Великой Отечественной войны.

Шурф, заложенный в восточной части вала, обнаружил угли — остатки каких-то сгоревших деревянных конструкций. Возможно, что это остатки крепостных стен.

На огородах села Дубровы подобрана керамика, относящаяся к XIV–XV векам, что свидетельствует о существовании здесь населения. На сельском кладбище имеются каменные кресты XIV–XV веков. Поскольку на площадке городища подъемного материала не обнаружено, то можно предположить, что город Дубровы служил для жителей соседних поселений лишь убежищем на случай опасности (рис. 6).

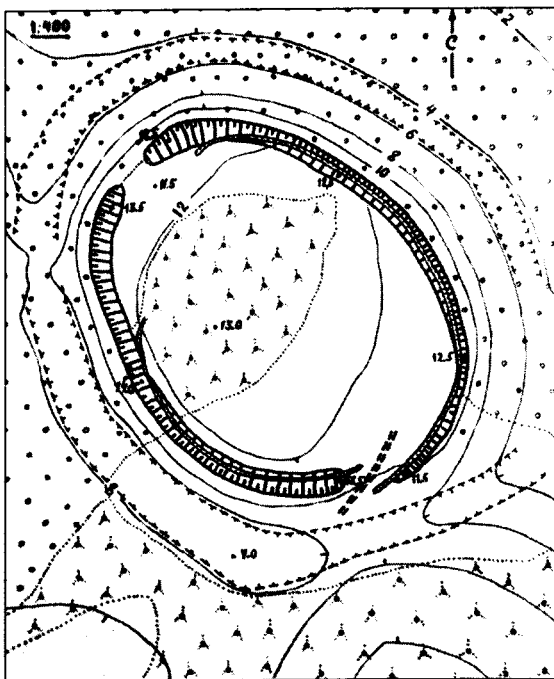

Рис. 6. План городища Дубровы

Второе городище в том же районе, имеющее округлую форму, находится к северо-западу, примерно в 2 километрах от Дубровы — Красивая, или Красная, Горка. Площадка этого городища 55×25 квадратных метров. Холм вытянут с востока к западу. Насыпных валов на городище нет. На площадке имеется культурный слой — следы древнего поселения. Склоны городища очень крутые и имеют следы эскарпирования.

О городище Мокрая, или Екатерининская, Горка летописных сведений нет, но Л.И.Софийский высказал предположение, опираясь на местные предания, что оно в древности служило укреплением в борьбе с литовцами. Название Мокрой Горки, по мнению Софийского, объясняется тем, что у подножия ее имеется родник [15, С.8].

Городище находится у дороги Опочка — Камено и имеет округлую форму. Археологические изыскания на городище показали, что культурный слой на площадке почти не сохранился, отсутствует и подъемный материал. По южному краю площадки проходит земляной насыпной вал, протяженность его 22 метра, высота от 0,5 до 1 метра. В северной части также сохранился вал протяженностью 18 метров, высота его 0,5 метра. Холм продолговатый, 50×38 квадратных метров. Склоны, поросшие деревьями, очень крутые, края площадки тоже поросли деревьями и кустарником. Примерная высота городища 12–18 метров. Поскольку на площадке культурного слоя нет, можно предположить, что данное укрепление служило лишь местом укрытия для жителей близлежащих селений, а если и существовало здесь поселение, то весьма короткий срок (рис. 7).

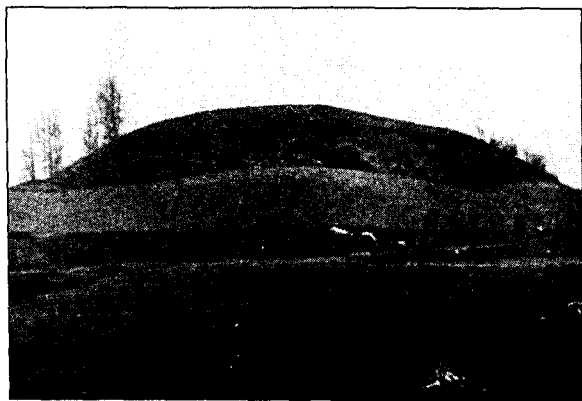

Рис. 7. Вид городища Екатерининская (или Мокрая) Горка

Судя по всем признакам планировки, Екатерининская, или Мокрая, Горка принадлежит к ранним укрепленным пунктам — к доогнестрельному периоду.

Савкина Горка названа Л.И.Софийским древним укреплением, бывшей крепостью [15, С.164]. Следует заметить, что до

археологических раскопок все историки и археологи, занимавшиеся исследованием псковских крепостей, считали Савкину Горку форпостом Воронича и датировали XIV–XVI веками.

С напольной стороны площадку городища опоясывал земляной вал, остатки которого были обнаружены во время археологических раскопок 1969–1972 годов [42, С.28]. По западному склону холма проходит дорога — въезд в городище. У подножия городища заметны остатки рва (рис. 8).

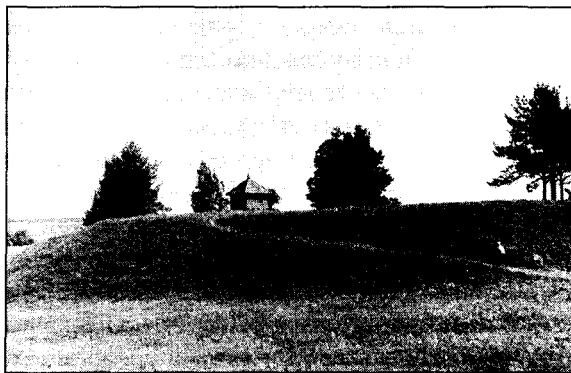

Рис. 8. Вид городища Савкина Горка с юго-запада

Археологические материалы, полученные в результате раскопок, позволили В.Д.Белецкому сделать вывод, что городище имеет следы жизни на нем с IX по XIII век и вновь с XV по XVI век [42, С.28–29].

Таким образом, Савкина Горка как крепость относится к новгородскому этапу, а не к псковскому, как предполагалось раньше. Савкина Горка старше Воронича, она как крепость предшествовала Вороничу. Можно предположить, что, когда оборонительная система Савкиной Горки устарела, было найдено новое место, более удобное для обороны. Там возникла крепость Воронич, впервые упомянутая в летописи в 1349 году [4, Вып.2, С.27], которая и заменила Савкину Горку. Воронич защищал водную переправу на реке Сороть [40, С.24].

Городище Городок находится на территории бывшей Крыловской сельской волости Пушкиногорского района. Это городище никем не изучалось, в письменных источниках не упоминается. Городище — это естественный, с очень крутыми сторонами холм, имеющий округлую форму. Наиболее крутая сторона — северная, обращенная к озеру Белые гули (Белогуль). На холме непролазные заросли, что затрудняет проведение раскопок.

Это городище, по местным преданиям, служило в древности крепостью. Искусственных земляных укреплений на городище нет.

Городище Синичья Гора упомянуто в Псковской летописи под годом 1566: «Того же лета явися в Воронащине, на Синичьих Горах, на

городищи проща именем пречистые Богородицы, и многое множество прощение человеком всяким недугом начася» [4, Вып.2, С.248]. В 1569 году здесь был построен Святогорский монастырь [43, С.4–5].

Городище относится к укрепленным пунктам раннего периода, к XIII–XIV векам. Поскольку на городище находятся родовое кладбище Ганнибалов-Пушкиных и Успенский собор, археологические раскопки здесь исключены. Упоминание в летописи Синичьей Горы дает основание предположить существование здесь крепости, возможно, с насыпными валами, которые, по-видимому, при постройке Успенского собора были уничтожены. Дорога, проходящая на Новоржев у северо-западной стороны Святогорского монастыря, является, видимо, остатками древней дороги-всхода на городище (рис. 9). На склонах холма заметны следы земляных работ.

Крепости, относящиеся к новгородскому этапу обороны, в основном имели следующие отличительные черты.

Определяющим фактором при выборе места построения оборонительного пункта являлся рельеф местности. План площадки крепости определялся конфигурацией того места (холма, мыса, острова), где она строилась (например, Ржева, Дубровы).

Единой системы обороны на юго-западной границе в XI–XIII веках не существовало. Отдельные оборонительные пункты не были

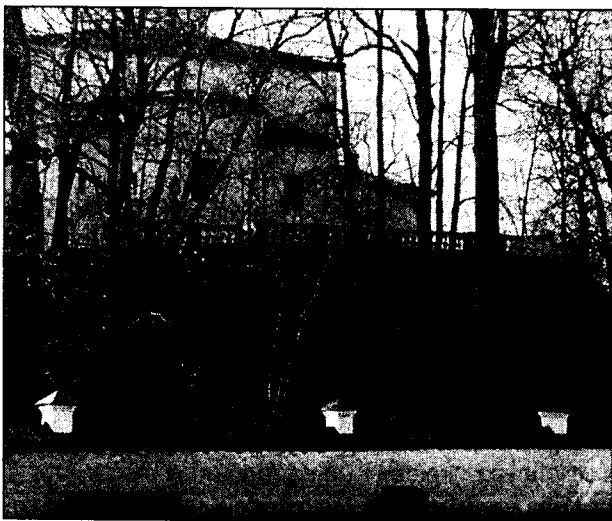

Рис. 9. Вид городища Синичья Гора с востока

связаны между собой общими военными задачами. Каждая крепость охраняла лишь местность, находящуюся в непосредственной близости от укрепленного пункта, а чаще всего служила убежищем непосредственно для жителей близлежащих поселений. Таким образом, оборонительные пункты

играли лишь локальную роль в обороне. Они являлись территориально-административными и экономическими центрами своих районов [33, 79].

Самым распространенным типом были крепости на холмах: Ржева, Синичья Гора, Екатерининская (или Мокрая) Горка, Красная (или Красивая) Горка. Менее распространенными в данном районе были крепости мысового типа: Дубровы, Савкина Горка.

Не все городища, относящиеся к новгородскому этапу, имеют насыпные валы и рвы. К городищам с валами относятся: Ржева, Мокрая (Екатерининская) Горка. К городищам с валами и рвами принадлежат Дубровы, к городищам без валов и рвов — Красная, или Красивая, Горка, к городищам с утраченными валами относятся: Ржева, Савкина Горка, Синичья Гора. Отсутствие земляных валов и рвов у некоторых городищ новгородского периода объясняется, по-видимому, меньшим их значением в обороне своего района.

Все городища, относящиеся к новгородскому этапу, можно подразделить на две группы: городища, имеющие культурный слой, и те, где он отсутствует. К городищам, имеющим культурный слой, относятся: Савкина Горка, Ржева, Красная, или Красивая, Горка, Дубровы, Синичья Гора. Без культурного слоя — Мокрая (Екатерининская) Горка, Городок. Городища, не имеющие культурного слоя, очевидно, служили лишь местом убежища для окрестного населения. Наличие же культурного слоя на некоторых городищах позволяет сделать вывод об их заселенности.

Все крепости новгородского этапа в районе «литовского рубежа», как показали археологические обследования городищ, были безбашенными и не имеют признаков огнестрельной фортификации.

Площадки городищ, относящихся к новгородскому периоду, имеют сравнительно небольшие размеры. Например, площадка, занимаемая городищем Дубровы, составляет 0,15 гектара, Мокрая (или Екатерининская) Горка — 0,12, Савкина Горка — около 0,75, Синичья Гора — 0,5, Ржева — около 1,0, Красивая (или Красная) Горка — около 0,15, Городок — около 0,9 гектара.

Ржева просуществовала дольше других укрепленных пунктов, относящихся к новгородскому этапу обороны, поскольку была важным территориально-административным и экономическим центром территорий, граничивших с Литвой и Псковской землей.

Глава II

Крепости псковского этапа обороны

Южные пограничные псковские крепости Черница, Коложе и Удриха (Новое Коложе)

Из всех трех периодов обороны псковский этап по значению его в борьбе с иноземной агрессией, а также по масштабам крепостного строительства на псковско-литовском рубеже занимает ведущее место.

Среди псковских пригородов самым южным был городок Черница. Он стоял на литовской границе у начала пути из Литвы на Псковскую землю. Крепость Черница относится к городам, построенным в XIV веке [3, С.123].

В «Списке русских городов дальних и ближних» упоминается городок Черница (или Черниця) [44]. «Список...» опубликован в Новгородской летописи старшего и младшего извода [45]. Исследователь «Списка...» И.Б.Греков относит составление его к 1390–1396 годам [46].

Таким образом, упоминание в «Списке...» города Черницы дает полное основание отнести время его возникновения к XIV веку.

Судя по порядку перечисления в «Списке...» это был один из псковских городков. Местоположение его не вызывает особых сомнений: он, очевидно, был расположен в южной части Псковской земли на реке Чернице, в Черницкой губе, в Опочецком уезде. Однако при археологической разведке в районе, проведенной в 1959 году, обнаружить остатки древних укреплений не удалось. Обследование, выполненное нами в 1969–1970 годах, позволяет уточнить место расположения древней Черницы.

Единственным местом во всем бассейне реки Черницы (ее протяженность около 15 километров), которое могло быть в древности укреплено, является территория самого Черницкого погоста (рис. 10). Теперь здесь расположено кладбище, а вплотную к нему примыкает деревня Алексино. До 30-х годов XX века на кладбище стояла деревянная Покровская церковь. Следует отметить, что на кладбище до сих пор сохранились старинные каменные кресты очень архаичной формы (рис. 11). На других, соседних кладбищах подобных крестов нет. На территории, примыкающей к кладбищу, удалось собрать фрагменты

средневековой русской керамики, в том числе несколько обломков, относящихся к XVI веку.

Территория деревни Алексино и кладбища занимает северо-западную оконечность плато, наиболее высокая точка которого (на месте бывшей церкви) поднимается на 21 метр над уровнем речки. Вокруг вся местность сильно за-

болочена, по словам старожилов, болотистая низина здесь не просыхала даже летом и делала местность настолько труднопроходимой, что подъезд был возможен только с одной стороны — с юго-востока.

Рис. 11. Каменный крест XIV–XVI веков (Черницкий погост)

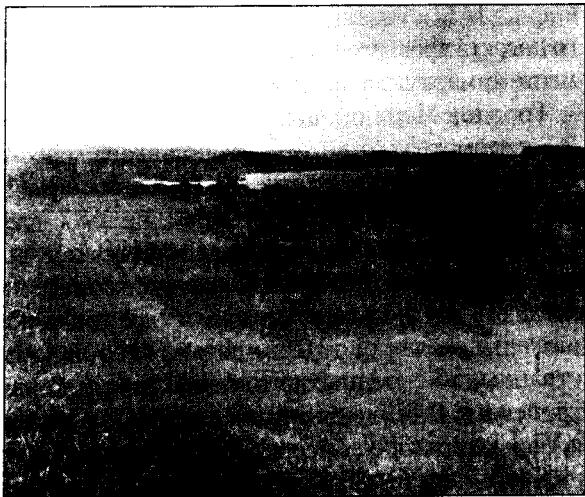

Рис. 10. Вид Черницкого погоста с северо-западной стороны

С северо-запада и запада плато ограничено рекой Черницей и озером Черным, с юго-запада и юга — маленькой безымянной речкой, а несколько далее — рекой Великой. С северо-западной стороны плато обращено к реке крутым обрывом. Эта территория легко могла быть укреплена, хотя никаких следов искусственных укреплений в настоящее время не заметно, а поэтому определить размеры площадки, которую занимала крепость, невозможно. По-видимому, были земляные и деревянные укрепления, но они не сохранились.

Косвенным свидетельством существования на месте Черницко-

го погоста древнего городка может служить традиция собирать на этом месте ярмарку, державшаяся вплоть до 30-х годов XX века [81].

Городок Черница находился почти на самой литовской границе. В 6 километрах от погоста расположена деревня Ржевки, которая делится на две части, до сих пор сохраняющие названия — польская и русская сторона [3, С.123].

Время разрушения Черницы остается невыясненным. Но поскольку Псковская летопись ни разу не упоминает этот городок, в то время когда все другие псковские пригороды неоднократно упоминаются, не находим сведений о Чернице и во второй половине XVI века в иностранных письменных источниках, в частности в польских (у С.Пиотровского, Р.Гейденштейна), следовательно, можно заключить, что в XVI веке пригород-крепость Черница уже не существовала.

Другой псковский пригород, Коложе, находился севернее Черницы. С 1406 года Коложе — это городище, расположенное в двух километрах к югу от Опочки, вправо от дороги Опочка — Камено. Упомянут в летописи в связи с осадой и разрушением его войском Витовта в 1406 году: «В лето 6914... Прииде поганый отступник правыя веры христианския и отметьник божи, сын диаволь, наверхник правде ни крестному целованию, князь литовский Витовт с множеством ратных, а миру не отказав, ни крестного целования сложив, а разметную грамоту псковскую отсла к Новоугороду, а сам изгоном пришед град Коложе взя. А люди соушая в граде и по волостем, овых изсече, а во плен сведе всех дуц II тысящ, месеца февраля в 5 день, на Черкисове недели в пяток, и много зла оучивше отгыдоша прочь» [4, Вып.2, С.31–32]. Есть и другой вариант летописного сообщения об этом событии: «В лето 6914 индикта в 14 прииде поганый отступник правыя веры христианская, наверхник правде, ни крестному целованию, князь Витовт Литовский, и повоева Псковскую волость и город Коложе взя на миру... на память святыя мученицы Агафьи, первое прииде на Коложскую волость на Фарисееве недели в пяток: овых изсече, а иныя поведе во свою землю и всего полону взяше 11 тысящ мужей и жен и детей опроче сеченых» [5, С.196–197].

Первое описание городища Коложе дано Л.А.Травиным и опубликовано Л.И.Софийским в его исследовании. Л.А.Травин отметил земляные валы на вершине холма, въезд на городище с левой стороны, часовню св. Ильи на площадке городища, ежегодный крестный ход, совершавшийся из города Опочки, и многолюдные ярмарки, приуроченные к крестному ходу на городище.

В начале XX века исследованием Коложе занимался Л.И.Софийский. В его монографии дано довольно подробное описание городища [15, С.5–8]. В частности, указана высота валов и холма, а также размеры площадки. При этом Л.И.Софийский отмечает, что крестьяне деревни Городище давно уже произвели распахку и сеют по склонам городища и на его площадке хлеб. Автор труда высказал предположение, что на месте ямы, находящейся в восточной части площадки, стояла Борисоглебская церковь, разрушенная во время литовского нашествия. В подтверждение своей гипотезы Л.И.Софийский упоминает о деревянном кресте, найденном крестьянами в той яме [15, С.8].

На наш взгляд, гипотеза Л.И.Софийского относительно местонахождения Борисоглебской церкви на городище не убедительна.

В своем исследовании Л.И.Софийский приводит данные из описания городища Коложе, составленного в 1789 г. В этом описании отмечена высота валов — 1 сажень, а высота городища — 10–15 сажень, в окружности — 110 сажень [15, С.7].

Автор исследования замечает, что городище с каждым годом теряет вид бывшей крепости, что земляные валы сохранились лишь на отдельных участках. Колодец, упоминаемый Л.А.Травиным, не сохранился. Л.И.Софийский отмечает, что северо-западная сторона городища и западная, обращенная к реке Кудке, поросли лесом. В его исследовании помещены два фотоснимка городища Коложе (рис. 12),

Рис. 12. Вид городища Коложе с южной стороны (по Л.И.Софийскому)

которые подтверждают, что южный и восточный склоны городища распаханы [15, С.8].

Недостатком исследования Л.И.Софийского является отсутствие плана городища Коложе.

В работе В.В.Косточкина дан план городища и высказано предположение, что земляные валы были только на тех участках городища, где склоны холма наиболее пологие, а именно на южной и северо-западной, что и отмечено на плане [47, С.112]. На плане В.В.Косточкина не отмечен небольшой отрезок вала на западной стороне.

В исследовании П.А.Раппопорта [16, С.80] дан план городища Коложе, на котором отмечены земляные валы и яма, по-видимому, на месте бывшего порохового погреба. Высота земляных насыпных валов на городище Коложе, по П.А.Раппопорту, составляет от 1 до 2,5 метра [16, С.80].

В ходе изучения этого памятника нами было проведено тщательное обследование городища Коложе и составлен его план.

Вся площадь городища (без склонов) составляет 2 гектара, весь периметр площадки — около 230 метров. Земляные валы имеются на северной, западной и южной сторонах, а высота валов составляет от 0,75 до 2 метров. Были ли валы по всему периметру площадки или же только с упомянутых сторон — неизвестно. Средняя высота городища — от 20 до 35 метров. На северном склоне городища, менее крутом, заметны следы земляных работ, склон холма эскарпирован, в результате чего образовались террасы (ступени).

По восточному склону холма древняя дорога приводит к въезду на городище с южной стороны. Западную часть площадки занимает древнее кладбище, на котором обнаружено несколько каменных крестов, относящихся к XIV–XV векам. Рядом с кладбищем, на северо-восточной стороне, заметны остатки какой-то бывшей постройки (камни, сложенные рядами, и пр.). Возможно, что на этом месте стояла часовня св. пророка Ильи, упоминаемая Л.И.Софийским [15, С.7].

На восточной окраине площадки находится глубокая и круглая (в плане) яма. У западной стороны, приблизительно в 400 метрах от городища, протекает река Кудка — правый приток реки Великой. Никаких следов башен на городище не обнаружено. Это позволяет предположить, что крепость Коложе башен не имела.

Подъемный материал с городища Коложе (фрагменты керамической посуды: горшок для приготовления пищи, венчики, донце кружки или же бокала) относится к XV–XVI векам. На городище также

найлены куски тигля, развалины печки, которая, по-видимому, служила для плавки металла. Культурный слой на площадке неравномерен: от 40 до 70–80 сантиметров.

Площадка городища уже давно не используется под пашню и постепенно зарастает кустарником и деревьями. Все склоны городища, за исключением юго-восточного, поросли лесом.

На первый взгляд, место, где стоял город Коложе, для организации обороны было выбрано удачно. Решающим фактором обороны данного пункта служили естественные преграды: систему холмов, где на среднем из трех стоял город Коложе, окружают овраги, у юго-западной стороны — пойма реки Коложе. Но нам кажется, что положение Коложе было уязвимым, причем слабость оборонной системы города Коложе заключалась главным образом в отсутствии в непосредственной близости от города водных препятствий.

По мнению В.В.Косточкина, отсутствие естественных преград послужило причиной гибели и переноса на новые места псковских пригородов Коложе и Котельно [47, С.80].

Летопись не отметила время возникновения псковского пригорода Коложе, но, поскольку город упомянут в «Списке русских городов», составленном в XIV веке, это означает, что город тогда уже существовал [44, С.2].

П.А.Раппопорт относит основание городка Коложе ко второй половине XIV века [16, С.80]. В.В.Косточкин тоже считает, что Коложе построен в XIV веке [47, С.41].

В исследовании А.Н.Насонова подвергается критике утверждение Л.И.Софийского о том, что крепость Опочка, построенная в 1414 году, — это Коложе на новом месте. По мнению А.Н.Насонова, крепость Опочка, возникновение которой отмечено тремя псковскими летописями под годом 1414, возникла на месте старого укрепленного пункта. Он считает, что Опочка, перестроенная псковичами в 1414 году, никакого отношения к Коложе не имеет. А фразу в Псковской третьей летописи «...город на Опочке над Великою рекою» объясняет построением новых оборонительных сооружений в старой Опочке [2, С.84–85]. Кроме того, он ссылается на летопись, в которой уже в 1330 году Опочка упомянута как городок [2, С.84].

Л.И.Софийский полагает, что после разрушения пригорода Коложе литовцами в 1406 году он перестал существовать на старом месте и с возникновением Опочки возродился, но уже на новом месте. А.Н.На-

сонов убедительно доказал несостоятельность доводов Л.И.Софийского о том, что Опочка — это Коложе на новом месте [2, С.84–85]. Н.И.Костомаров считал, что Опочка построена на месте Коложе [19, С.80]. У В.В.Косточкина аналогичная с Л.И.Софийским точка зрения относительно возникновения Опочки [47, С.93].

Следует согласиться с А.Н.Насоновым, что Опочка возникла как укрепленное поселение, затем (в 1414 году) на его месте была создана новая оборонительная система, способная противостоять огнестрельному осадному оружию. Крепость Опочка существовала независимо от старого и нового Коложе.

Местом старого Коложе, по мнению А.Н.Насонова, была Мокрая, или Екатерининская, Горка [2, С.85]. Мокрая Горка — это древнее городище, находящееся между озером Камено и городищем Коложе, влево у дороги Опочка — Камено.

Л.И.Софийский, опираясь на местные предания и остатки валов, считает, что Мокрая Горка была древней крепостью [15, С.8]. Наше исследование Мокрой, или Екатерининской, Горки подтвердило гипотезу Л.И.Софийского, что Мокрая Горка — городище, относящееся к домонгольскому периоду. Сохранились на городище насыпные земляные валы.

Местом же нового Коложе А.Н.Насонов считает известное городище, упоминаемое в исследовании П.А.Раппопорта и находящееся в двух километрах от Опочки, вправо от дороги Опочка — Камено [16, С.80]. Вопрос о времени возникновения нового Коложе А.Н.Насонов в своем труде не затрагивает.

Возможно, что сообщение Псковской второй летописи под годом 1414 («...псковичи поставиша город Коложе на новом месте на Опочке») следует считать годом построения нового Коложе [14].

Где же находилось старое и новое Коложе? По нашему мнению, старое Коложе находилось на известном городище в двух километрах от Опочки вправо от дороги Опочка — Камено, а не на Мокрой Горке, как полагает А.Н.Насонов. Свою гипотезу о местонахождении старого Коложе А.Н.Насонов обосновывает летописным сообщением под годом 1426, в котором упоминается озеро Камень, расположенное за старым Коложе: «За старым Коложем, на Камене озере, бысть знамение...» [4, Вып.2, С.40].

На наш взгляд, считать Мокрую Горку местом старого Коложе только на основании вышеупомянутого сообщения недостаточно убедительно.

тельно, так как озеро Камень находится не только за Мокрой Горкой, но и за городищем Коложе [14].

Возникновение бывшего пригорода Коложе исследователи датируют XIV веком [16, С.80]. Мокрая Горка же относится к более древним укрепленным пунктам домонгольского периода. Кроме того, все местные легенды и предания о разрушении Витовтом пригорода Коложе связаны с городищем, расположенным в двух километрах от Опочки, а не с Мокрой Горкой.

Таким образом, старое Коложе, по нашему мнению, находилось не на Мокрой Горке, а на городище Коложе, расположенном у реки Кудка, притоке реки Великой.

Где же находится новое Коложе?

По-видимому, новое Коложе было расположено на городище под условным названием Удриха, в 600–800 метрах от деревни Удриха и приблизительно в 8 километрах от старого Коложе. Это городище находится в Опочечком районе Любимовской волости, вправо от дороги Опочка – Новоржев [14].

Городище Удриха — это естественный почти круглый в плане холм высотой от 8 до 15 метров. Площадка городища и его склоны поросли кустарником и лесом. С напольной стороны заметны остатки рва, а также дорога, ведущая на площадку городища с восточной стороны. С юго-западной стороны, у самого подножия городища, образуя излучину, протекает речка Изгожка — приток реки Кудка. С напольной стороны, точнее с юго-восточной, по периметру площадки насыпаны земляные валы высотой до 6 метров и шириной (в верхней части) примерно 2–3 метра, имеющие форму подковы, обращенной концами к реке. Размеры площадки городища Удриха — приблизительно 200×200 метров [14]. Валы на площадке городища насыпаны с учетом оборонительных свойств рельефа данного места. Форма укрепленной площадки точно соответствует конфигурации холма, на котором находится городище Удриха. Склон холма (северо-западный), где недостаточная крутизна их, эскарпирован. Основные черты планировки крепостной системы городища Удриха почти точно повторяют черты старого Коложе. Доказательством, что место нового Коложе было городище у деревни Удриха, могут служить в какой-то степени местные легенды и предания. Жительница деревни Удриха Мария Ефимова передает: «Старики рассказывали, что на этом городище, что у нашей деревни, был город, и у Кудки тоже город. Они соединялись концами.

Это один был город, и оба городища — концы одного города». В письменных источниках сведений о городе Удриха нет. Когда возник город Удриха и как долго он просуществовал, неизвестно. Вероятно, он был построен в первой половине XV века и входил в число порубежных крепостей Псковской земли. Подъемный материал с городища и огородов деревни Удриха относится к XV–XVI векам. Сам план городища Удриха, характер устройства земляных укреплений (например, полукольцевая форма) свидетельствуют о возникновении Удрихи в XV веке; подобные городища в XIII–XIV веках не встречаются (рис. 13).

По-видимому, городище Удриха сопоставимо с городищем Новое Коложе. Следовательно, крепость Новое Коложе находилась на месте городища Удриха.

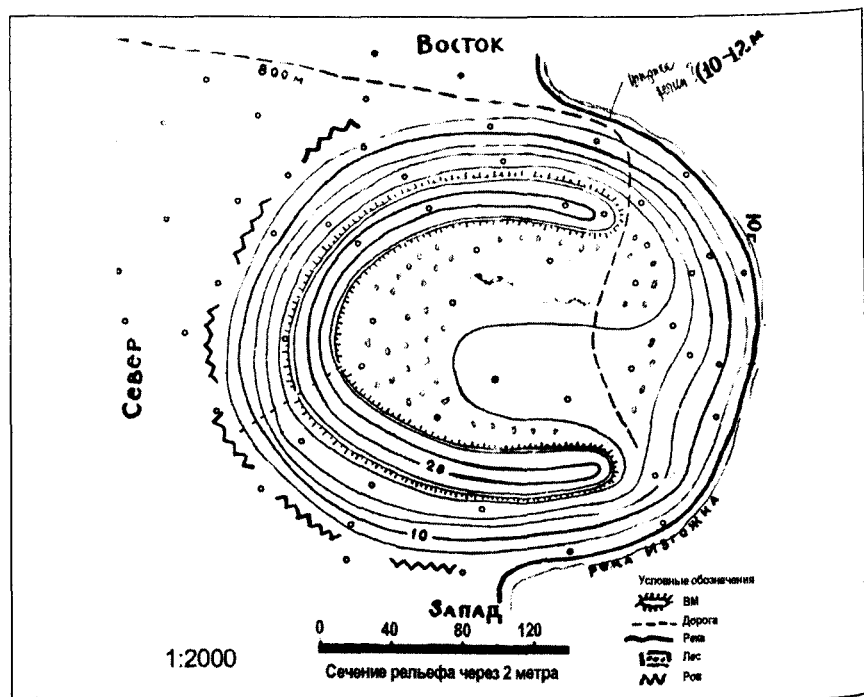

Рис. 13. План городища Удриха

Рассказ записан М.Е.Васильевым 15 мая 1976 года со слов жительницы деревни Удриха Марии Ефимовой (76 лет).

Велье

Велье — один из древних городов Псковской земли и пригород Пскова на юго-западе. Первое упоминание о городе в летописи относится к 1368 г. в связи с военным столкновением с ливонцами под Вельем. В результате войны вельяне понесли значительные потери, о чем и сообщает летопись: «В лето 6876 рать немецкая у Велья из Налесья была, и с погонеею билися; по грехом нашим бысть неспособье Божие, много голов паде и добрых людей» [5, С.192].

Есть и другой вариант летописного сообщения об этом событии: «В то же время иная рать немецкая ходиша тороном около Велья и по Залесью; и неколико мужей совокупившеся, гнашася вслед их, и тамо побиша многих добрых людии» [4, Вып.2, С.27–28].

По-видимому, Велье возникло в середине XIV века, когда Псков обрел независимость и начал интенсивно укреплять свои рубежи. Основание крепости явилось дальновидным шагом, ибо уже с 1368 года Велье упоминается в столкновениях псковичей с немцами и литовцами. Из этих сообщений можно заключить, что Велье уже было военной крепостью.

По мнению П.А.Раппопорта, укрепленное поселение в Велье возникло в XIV веке [16, С.74]. В.В.Косточкин считает, что Велье возникло в 40-е годы XIV века, хотя никаких доказательств этого не приводит [47, С.92]. Однако первые поселения в округе нынешнего городища появились много ранее: в районе нынешнего села Велье нами был обнаружен могильник, состоящий из 50 курганных насыпей, судя по форме курганов, могильник относится еще к VII–IX векам [48]. Этот могильник дает право предположить, что в районе села Велье находилось кривичское поселение. Однако само это поселение не найдено и не установлена его непосредственная связь с будущим псковским пригородом.

В 1406 году летопись отметила участие вельян в погоне псковичей за войском Витовта под Великие Луки и Ржеву [4, Вып.2, С.112]. В том же году, как отмечает летопись, под Велье пришли немецкие рыцари и опустошили окрестности города. Организуя погоню за немцами, стоявшими лагерем в устье реки Синей, крепость выставила «150 муж железной рати», по-видимому, город располагал значительным отрядом конного войска. «Того же лета (6914/1406. — *Прим. ред.*)... А вельяне скопившеся выехали с полтораста человек железной рати... Сражение

государства, что, безусловно, снизило их военную роль. Но главная причина утраты оборонного значения Велья заключалась в том, что крепостная система его к XVI веку устарела и не могла противостоять мощному огнестрельному оружию.

Городище Велье привлекало внимание краеведов по ряду причин, в частности, благодаря наличию интересных печатных материалов о его стенах. Разборка крепостных стен в Велье была начата во второй половине XVII века [16, С.169]. О подробностях дальнейшей разборки крепостных стен в XVIII веке рассказано в «Записках» Л.А.Травина, опубликованных в «Трудах Псковского археологического общества» [41, С.58–59].

В XIX веке разборка крепостных стен на городище продолжалась местными крестьянами. Плита использовалась на строительстве фундаментов под хозяйственные и жилые постройки.

В пятистах метрах к востоку от городища Велье, рядом с бывшей усадьбой купцов Крестовских, находится холм «Спасова гора», на котором, по-видимому, и стоял Спасский мужской монастырь, упоминаемый в исследовании Е.Болховитинова [23, ч.2, С.120]. На Спасовой горе имеются остатки каких-то фундаментов построек и старые заброшенные могилы. Описание велейского городища дано в труде Н.И.Костомарова, но в нем имеется ряд неточностей. Так, например, перепутано местоположение озер Чадо и Черного, начало разборки каменных крепостных стен на городище Н.И.Костомаров относит к первому десятилетию XVIII века. Интересна гипотеза Н.И. Костомарова относительно того, что за рвом, отделяющим городище от гряды, тянущейся в южном направлении, существовало передовое укрепление [19, С.80–81]. Это предположение Н.И.Костомарова имеет реальную основу. При обследовании упомянутого холма нами найдено на северо-западной части гряды много фрагментов керамики, относящейся к XV–XVI векам, что позволяет предположить о существовании там части посада, возможно, имевшего когда-то укрепления.

В шести километрах к югу от городища Велье, на восточном берегу озера Велье, находится погост Ильинский. Погост этот занимает площадку в плане почти круглого холма. Сохранившиеся остатки земляного вала и глубокого рва позволяют предположить, что погост Ильинский, вероятно, относится к городищам домонгольского периода и когда-то, возможно, служил передовым укреплением города Велье. На погосте есть остатки кладбища и деревянная церковь св. Ильи, построенная в 1707 году.

Вполне возможно, что до построения крепостной системы на мысу между озерами Черным, Чадо и озером Велье в 1375–1450 годы вельяне имели укрепленный пункт на другом, менее удобном месте. Таким местом мог служить Ильинский погост, или же «Спасова гора», упоминаемая Е.Болховитиновым [23, С.120]. Перенесение городов-крепостей на новые, более удобные места для XIV–XV веков было явлением довольно частым [2, 79].

План и краткое описание городища Велье дано в исследовании П.А.Раппопорта. На плане обозначены земляные валы, три дороги, ведущие на площадку городища, и прочее.

Городище Велье занимает мыс на оконечности гряды между двумя озерами — Черным и Чадо, последнее полностью заросло и превратилось в топкое болото. В южном направлении от городища находится большое озеро Велье, в недалеком прошлом оно подступало к самому подножию холма, а за последние годы значительно отступило. С западной, южной стороны городища отделено от песчаной гряды (гривы) широким и глубоким рвом, с северо-восточной, со стороны села, ручьем, соединяющим Черное озеро с Чадо (рис. 14). По краю юго-за-

Рис. 14. Общий вид городища Велье
(фото А.Н.Киртичкинова)

падной и юго-восточной части площадки городища проходят земляные валы высотой 3–4 метра, а по стороне, примыкающей ко рву, — до 5–6 метров. Северо-восточная и северо-западная часть городища земляного вала не имеет, в этой части была каменная крепостная стена. Площадь городища около 5 га, высота его от подножия 10–15 метров, весь периметр площадки составляет около 600 метров. Центральная часть площадки занята сельским кладбищем. В центре ее находятся остатки фундамента бывшей церкви Михаила Архангела. Часть площадки городища поросла деревьями и кустарником. Дорога из села Велье на Красногородск раздваиваясь, обходит городище с северо-западной и юго-восточной стороны, в далеком прошлом здесь же проходил путь, соединяющий Южную Ливонию с Вельем, Вороничем и другими городами Псковской земли. Ровно половина крепости Велье, ее северо-восточная и северо-западная часть, со стороны посада была каменная, юго-западная и юго-восточная, обращенная в сторону Ливонии, — земляно-деревянная (рис. 15). Хорошо сохранились земляные валы, на которых стояли крепостные деревянные конструкции, высота валов в среднем от 3 до 6 метров, ширина — 3–4 метра (рис. 16). Протяженность земляного вала равна периметру каменной стены, то есть около 300 метров. На городище в настоящее время ведет несколько всходов. Удалось определить, что древние дороги ведут на городище, одна — с северной и две — с западной стороны. Северная вела от посада в город через ворота с каменной башней. В настоящее время имеется и четвертая дорога, вероятно, проложенная в XVIII или XIX веке велейскими купцами, ведущая на площадку городища по восточному склону холма. По данным, полученным в результате археологических раскопок 1974–1976 годов на городище Велье, сохранившиеся остатки системы велейских укреплений относятся к более позднему времени, чем постройка города, а именно — к 1375–1450 годам. Эта датировка получена в результате работ Псковской археологической экспедиции под руководством А.Н.Кирпичникова на городище Велье [18, С.10].

Каменная крепостная стена имела форму подковы, обращенной концами внутрь крепости, земляная — форму неправильного четырехугольного прямоугольника. Каменная с деревянной стыковались в центре площадки. У основания вала на восточной стороне имеется каменная булыжная отмостка. Поскольку земляной вал трижды насыпался и реконструировался, можно заключить, что земляно-дере-

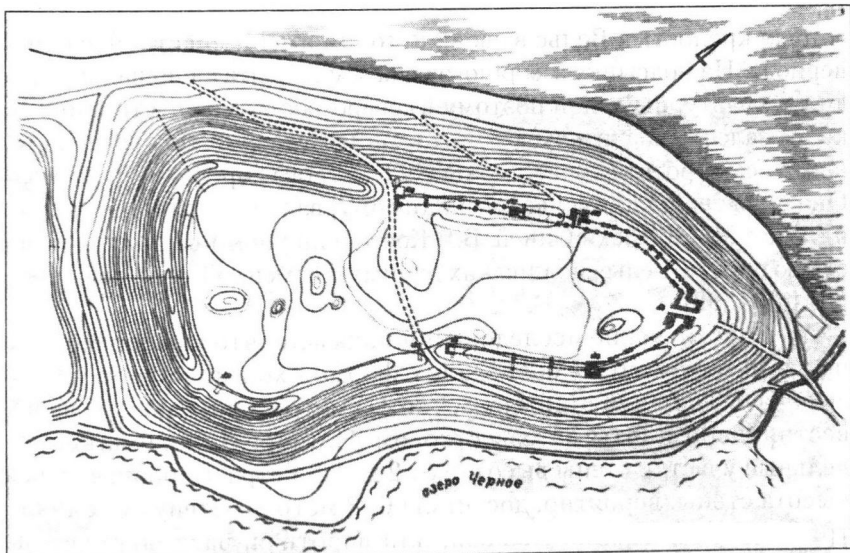

Рис. 15. План городища Велье
(съёмка 1976 г.)

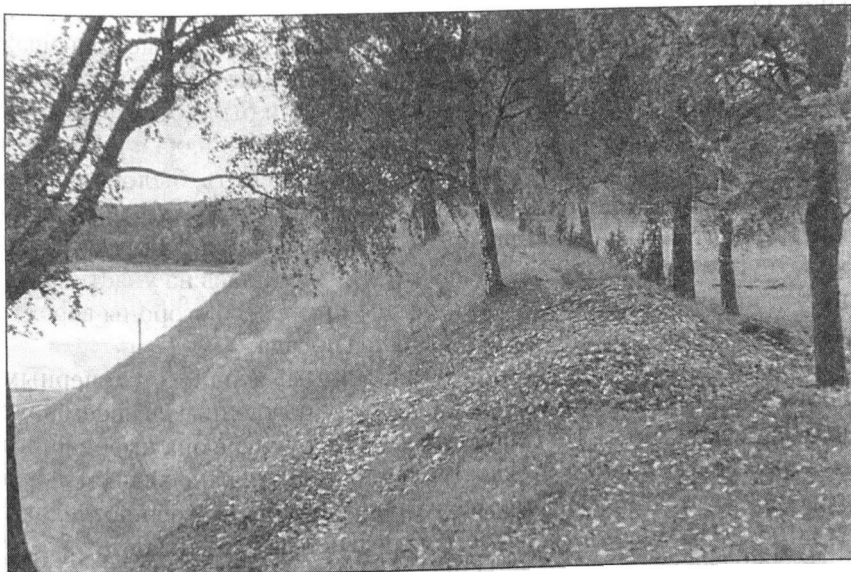

Рис. 16. Валы на восточной стороне городища Велье

вянная крепость в Велье в своей истории имеет три строительных периода. На подсыпку земляного вала земля взята с площадки городища, культурный слой поэтому в северо-восточной части площадки оказался незначительным. Основание каменной крепостной стены на всей протяженности (около 300 метров) хорошо сохранилось. Она сложена из плитняка, по-видимому, взятого в районе Опочки или же с берегов реки Синеи. В.В.Косточкин упоминает одну крепостную стену в Велье, но никаких данных о каменной стене не приводит [47, С.92].

Археологические исследования показали, что каменная стена по своим очертаниям совпадала с формой холма и пролегла по его краю. Толщина стены от 3,5 до 4,5 метра. Она сложена из известняковой плиты на известковом растворе. Сохранились отдельные участки стены высотой от 2 до 2,5 метра. Первоначальная высота стены, вероятно, достигала 6–8 метров. Стену дополняли три каменные башни: главная, или воротная, располагалась на мысу, ее проездная арка, как показали раскопки, в плане достигала 11,5 метра длины и 4 метра ширины. С западной стороны была еще одна каменная, тоже воротная башня, но меньших размеров (рис. 17).

С восточной стороны располагалась глухая башня, выступающая за линию стены на 3 метра, достигающая длины 6 метров, прямоугольная (рис. 18). Особенностью этой башни было отсутствие четвертой, внутренней стены. На стыке земляного вала с каменной стеной (на западной стороне), можно предполагать, было еще одно воротное устройство, на этот раз деревянное. На западной стороне в каменной стене имела прямоугольная камера, по-видимому, для хранения боеприпасов. Каменная стена находилась на участке крепости, менее защищенном естественным путем, со стороны вероятных приступов врага, то есть со стороны посада.

Крепость Велье оказалась уникальным военно-инженерным сооружением из земли, камня и дерева, единственным в своем роде на Псковской земле. По своей плановой структуре она имеет много признаков укреплений доогнестрельной поры, однако значительная толщина ее стен и вала, а также наличие каменных башен позволяют усмотреть в ней черты ранней огнестрельной фортификации.

Велейская крепость, как и Опочечкая, имела замкнутую систему обороны [47, С.88–90].

Рис. 17. Основание западной воротной башни на городище Велье

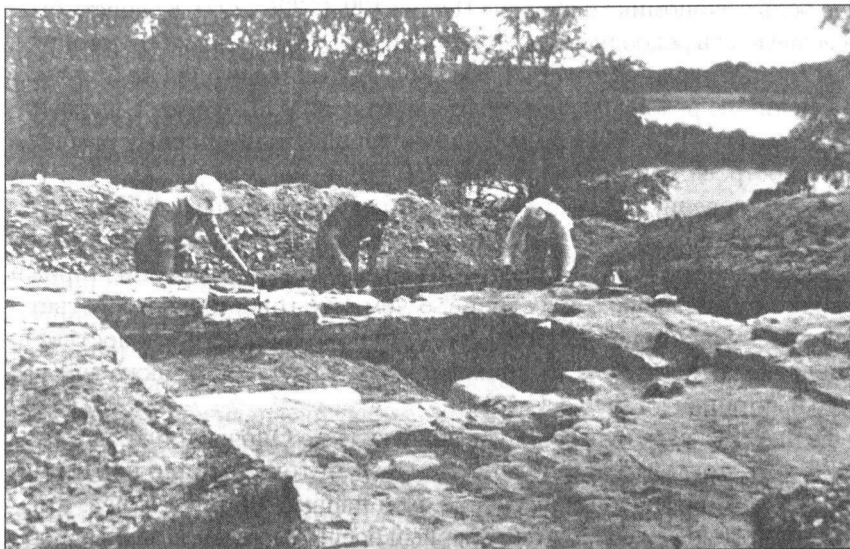

Рис. 18. Восточная глухая башня на городище Велье (в процессе расчистки)

Опочка

Роль Опочечкой крепости в обороне Псковской феодальной республики и Русского государства

Опочка — один из древних псковских пригородов — являлась оплотом Псковской земли на южном рубеже и играла весьма важную роль в обороне юго-запада Псковской феодальной республики, а с XVI века и Русского государства. Город и окрестные земли на протяжении нескольких веков служили ареной военных столкновений с иноземцами.

Опочка возникла в первой половине XV века в период наблюдавшегося общего расцвета жизни на Псковской земле. Именно в это время ведется широкое строительство, причем главное место в нем занимает оборонное [70–72].

Возведение крепости в Опочке было продиктовано военно-стратегическими соображениями, связанными с путями, соединявшими Литву с Псковом, и задачей укрепления юго-западного рубежа. Опочечкая крепость должна была защищать верхнее течение реки Великой — начало главного водного пути на Псковской земле, игравшего огромную роль в экономике и обороне Пскова [29, С.326–327]. Крепость была возведена в рекордно короткие сроки, что подтверждается летописным сообщением: «Лета 6922 псковичи поставиша город на Опочке, над Великою рекою; начаша делати за неделю по Покрове, а зделаша 2 недели весь» [5, С.202]. Есть и другие варианты летописных сообщений о построении крепости [4, Вып.2, С.36].

Возникновению крепости в Опочке предшествовало взятие и разрушение крепости Коложе в 1406 году литовским князем Витовтом [4, Вып.2, С.31–32]. По-видимому, на этом месте до построения города Опочки существовало поселение, о чем уже говорилось в соответствующем параграфе первой главы. Одновременно с крепостью в Опочке была построена и главная церковь Спаса, о чем также упомянуто в летописи [4, Вып.2, С.46].

Первое тяжелое испытание выпало на долю Опочечкой крепости в 1426 году, когда литовское войско князя Витовта напало на Псковскую землю и Опочка приняла на себя первый удар литовцев. Крепость с честью выдержала свой первый боевой экзамен, о чем подробно сообщает летопись: «Прииде прежде к городу Опочке и лезше усер-

дно к городу велми, а опочане с ними бишася искрепка, а Бог им свя-
тый Спас помогаше, а псковичи пришли бяху 50 мужь снастных, много
бо, рече, побиша опочани литвы, и немцы, и тотар, а опочан Бог блюдо-
ше. и он неверный поиде опором к городу, а много голов своая рати
остави, а под Опочькой два дни и две нощи. И в субботу рано поиде к
Вороночю» [4, С.203–204].

Несмотря на неоднократные приступы, врагам не удалось захватить
город. Защитники крепости сами предприняли несколько успешных
вылазок и нанесли значительный урон осаждавшим. После ряда неу-
дачных попыток взять крепость Витовт снял осаду с города. Героизм и
военную хитрость защитников крепости отмечают летописные источ-
ники [5, Вып.2, С.122].

В 1441 году вскоре после безуспешной осады Опочки литовцами го-
род сгорел [5, Вып.2, С.122]. В его возрождении принимало участие не
только городское, но и сельское население. Руководил восстанови-
тельными работами псковский посадник Тимофей, специально для
этого прибывший в Опочку [20, С.33].

В летописи отмечено безуспешное нападение литовцев на Опочку в
1502 году [5, С.275].

С начала XVI века, после присоединения Пскова к Москве (1510),
Опочка не утратила оборонного значения на юго-западном рубеже
Русского государства.

В 1518 году Опочку, как и другие псковские пригороды, вновь осаж-
дали литовские войска, в которых было много наемников: немцев, вен-
гров, чехов, поляков. Летопись сообщает: «Лета 7026 быша Литва под
Опочькой, князь Константинъ Островской со многими силами; да от-
тыдоше посрамлении Богом, а много троудишася» [4, Вып.2, С.226].

Тяжелая осада нашла отражение во многих исторических источни-
ках, а также в русских летописях (Архангельская летопись, Никонова
летопись, ч.7), сказаниях, легендах, например о спасении г.Опочки за-
ступничеством святого Сергия [50].

В одном из вариантов летописных сообщений особо отмечена роль
Москвы и заслуга великого князя Московского: «...Но милосердный
царь, промыслив на православное христианство, на православного ца-
ря нашего Великого князя Василия Ивановича всея Руссии, посла ми-
лосердие свое и соблюде место своею милостию» [5, С.291–292].

По непонятной причине Н.М.Карамзин называет крепость «нич-
тожной», хотя ему было известно значение Опочки в защите юго-за-

падного рубежа Псковской земли и Русского государства. К тому же до нашествия войск Батория на Псковскую землю город ни разу не был взят врагами [51].

Победа над польским войском князя К.Острожского под Опочкою имела большое значение для дальнейшей борьбы Русского государства за возвращение из-под власти Польши и Литвы земель, утраченных в XIII–XV веках. Выстояв в упорной борьбе с врагами, крепость Опочка доказала прочность своей оборонительной системы.

В 60-е годы XVI века окрестности Опочки, Красного и других юго-западных пригородов сильно пострадали от многократных вторжений литовцев [52]. В ходе Ливонской войны Опочка неоднократно подвергалась нападению со стороны ливонцев и литовцев. Город служил местом дислокации, отдыха, базой снабжения московского войска, действовавшего против Ливонии и польско-литовского государства. В 1562 году предпринятая литовцами попытка взять Опочку окончилась неудачей. Большие потери заставили литовцев отступить от города, и они продолжали грабить окрестные селения. За время Ливонской войны особенно сильно пострадали окрестности Опочки, но не сам город, о чем имеются сообщения в летописях [5, С.314]. В 1562 году в Опочке останавливалось, по-видимому, русское войско после удачного похода под Витебск, Мстиславль и Друю [5, С.314].

После захвата в 1580 году польским войском во главе с Замоиским Заволочья (Ржевы Пустой) над Опочкой нависла военная угроза. Однако Баторий решил идти на Псков, минуя Опочку, через Воронич и Остров, так как считал, что крепость Опочка, оставленная в тылу в окружении Заволочья, Красного и Воронича, занятых поляками и литовцами, не будет представлять серьезной угрозы его войску [8, С.157].

В зарубежных источниках (Пиотровский С. [9], Гейденштейн Р. [8]) нет указаний на то, что Баторий взял Опочку, вместе с тем, продвинувшись далеко вперед, он не мог ее не взять. Остается предположить, что защитники крепости, запершись в ней, дождались возвращения русских. Следовательно, указания на то, что Баторий взял Опочку, имеющиеся у Е.Болховитинова [23, ч.1, С.200] и у Р.Г.Скрынникова [52, С.228], являются ошибочными. Хроника Литовская тоже не упоминает о занятии войском Батория Опочки, а о решении короля обойти ее сообщает: «А так дал иным замком покой, яко Собегови и Опонце, которые были на стороне опрочь Острова» [53, С.122]. Сведения, содержащиеся в «Дневнике» С.Пиотровского, позволяют сделать вывод,

что из крепости совершались успешные нападения на транспорты противника, что тормозило нормальное снабжение польско-литовской армии продовольствием и боеприпасами. В «дневнике» от 27 октября 1581 года есть запись о действиях опочан против поляков: «В лесах около Опочки хватают наших курьеров, и проезд в тех местах очень опасен» [9, С.207].

По условиям Запольского мира (1582) Опочка в 1582 году была возвращена России [49, С.494].

В первой четверти XVII века опочечкий гарнизон неоднократно принимал участие в военных действиях против отряда польского воеводы Л.Лисовского. Так, в 1612 году опочане участвовали в освобождении городов Себежа и Заволочье, о чем летопись сообщает: «В то же время казаки себежские и опоченские всякие люди взяша Заволочье у Олисовского» [4, Т.2, С.277–278].

В XVII веке Опочка принимала участие во всех трех войнах, которые вело Московское государство с Речью Посполитой. В 30-е годы XVII века польско-литовские войска вторглись и опустошили псковские юго-западные земли. Ратные люди, присланные Москвой для ведения военных действий против литовцев, останавливались в Опочке. Опочка была местом пребывания штаба русского отряда [5, С.334].

В 1633 году опочане отняли у поляков город Себеж: «...И взяша Опочане Себеж, а Литву достальную побиша» [4, Т.2, С.282; 77].

В 1654 году опочечские ратные люди принимали участие в военных действиях отряда Шереметьева против Полоцкого и Витебского воеводства, а также в освобождении городов Себежа и Освея.

Указ царя Алексея Михайловича 1664 года по случаю замены опочечского воеводы Семена Бешенцева Никифором Семеновичем Кокошкиным обязывал при сдаче города составить список всех жителей города, сделать подробную роспись всех крепостных строений, вооружений и прочего, перевесить и перемерить все хлебные запасы, а также сдать «вершенные и невершенные» дела и казну.

Воеводе предписывалось взять на учет не только военных, но и всяких «жилецких» людей, обязать их к государевой службе, тщательно подготовить город к обороне, в случае прихода неприятеля, а недостаточную казну и продовольственные запасы взыскать с Семена Бешенцева.

Царский указ обращал внимание нового воеводы на то, чтобы караулы были выставлены не только в крепости, но и в других нужных и удобных местах на подступах к городу: «И по острогу, и по воротам, и

по башням, и по стенам, и за городом у крепостей, в которых местах пригоже караулы и сторожки крепкие держать и про приход воинских людей проводить всякими обычаями крепко, чтобы воинские люди к Опочке изгоном, безвестно не пришли и украдом, и обманом, и ночным временем над городом какова дурна не учинили, людей не побили и в полон не поймали»^{*}.

В случае нападения врагов воевода должен был собрать в город жителей сел и слобод с женами и детьми, а каждому воину указать место во время боя. Предлагалось вести беспощадную борьбу с татями, казнокрадами, пьяницами и людьми аморального поведения. К нарушителям указа разрешалось применять различные меры наказания, включая денежные штрафы в пользу казны.

Большое внимание обращалось на противопожарные мероприятия: «Да в летнюю ж пору велеть в городе на амбарах и в рядах и на всех лавках и на дверях и на всех хоромах держать мерники или кадки с водою и веники, чтоб однолично от огня было сбереженье великое»^{**}.

Указ запрещал опочанам продавать заповедные товары литовцам и немцам, вывозить их за рубеж и напоминал воеводе, чтоб он не притеснял напрасно посадских и торговых людей.

По сути дела, царский указ 1664 года был подробной инструкцией правительства воеводе и жителям города в случае нападения врагов.

О положении дел в Опочке в 60-е годы XVII века можно судить по описям псковского воеводы князя Федора Ромодановского, составленным в 1665 году, из которых следует, что всего в городе числилось 400 ратных людей, посадских и прочих — 166 чел.

Успешные военные действия против Речи Посполитой во второй половине XVII века привели, как известно, к подписанию в 1686 году «Вечного мира». Опочка навсегда потеряла значение важной пограничной крепости, оплота Русского государства и Пскова на «литовском рубеже».

В первой половине XVIII века Опочка все же еще значилась в списке русских юго-западных крепостей с содержанием в ней ратных людей и народа.

С середины XVIII века Опочка окончательно перестала быть крепостью, оборонительные сооружения пришли в негодность и разрушились, в 1774 году старый город — остатки бывшей крепости — сгорел [15, С.38].

* ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ. Новгородский стол, стлб. 276, л.137–146.

** ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ. Новгородский стол, стлб. 276, л.145–146.

Как крепость Опочка просуществовала дольше Воронича, Велья и Красного почти на 100 лет. Но даже после прекращения функционирования Опочечкой крепости город жил и развивался, так как оставался на важном пути, соединявшем Санкт-Петербург с югом России. Эта столбовая дорога упомянута в географическом словаре: «Через Опочку главная дорога лежит в наместничества Белорусския» [54].

Об Опочке во второй половине XVIII века дает представление тот же словарь: «Сей город обнесен высоким и весьма толстым земляным валом, в нем церковь и присутственные места каменные, обывательские же дома все деревянные, купечество опочечкое главной свой торг полагает во льну, который в уезде сам весьма хорошо урожается, и для того в ней бывают в году три ярмарки» [54].

В отличие от других пригородов на юго-западе, Опочка, будучи крепостью, стоявшей на важной дорожной магистрали, продолжала сохранять боевую роль, когда другие крепости уже не функционировали [71]. Это обстоятельство предполагает значительную перестройку Опочечкой крепости в XVII веке, вызванную развитием огнестрельного оружия.

Оборонительные сооружения города Опочки

Городище Опочка находится в центре города на острове, который является искусственным и образовался в результате прорытия канала, соединенного концами с рекой.

Городище представляет собой холм, крутые склоны которого большей частью покрыты кустарником и деревьями. На городище хорошо сохранился земляной вал высотой до 5 метров, шириной в среднем 4–5 метров. Вал выше на северо-западной стороне, менее защищенной естественно, ниже — на юго-восточной, где протекает река Великая. Это объясняется тем, что река Великая лучше защищала город с юго-востока, чем ров и ручей с северо-запада.

Территория, прилегающая к городищу, в основном равнинная: это позволяло, по-видимому, защитникам города лучше контролировать подступы к крепости.

В плане городище имеет продолговатую форму, следовательно, и крепость имела первоначальную форму эллипса. Высота городища — от 15 до 20 метров, периметр площадки — около 750 метров.

Заметны места бывших трех глухих башен, сохранились также остатки двух древних дорог, ведущих на городище: одна — с северо-западной стороны, другая — с восточной. Последняя с помощью моста через реку Великую длиной 57 метров соединяла Нижний город с Верхним. Верхний город — главная крепость, Нижний — укрепленный посад. Лучше сохранилась дорога с северо-западной стороны.

В юго-западной части площадки имеется впадина, напоминающая природный амфитеатр. В восточной части городища находится военное кладбище. На площадке городища много бугров и ям.

Планы Опочки, сохранившиеся и опубликованные Л.И.Софийским и другими авторами, а также планы, извлеченные нами из ЦГВИА, дают представление о Нижнем и Верхнем городе в Опочке.

Анализ этих планов позволяет выделить два крепостных комплекса: Верхний город с круговой обороной напоминает планы крепостей XIV–XV веков, а вторая крепость — Нижний город — имела план геометрического очертания, что позволяет датировать ее XVI–XVII веками.

Таким образом, одно сравнение планов позволяет выделить более раннюю крепость — Верхний город и более позднюю — Нижний город. Очевидно, более древняя, основание которой отмечено летописью, возникла в эпоху псковского этапа обороны, а более поздняя построена в пору употребления огнестрельного оружия, под влиянием развития пушечного боя в XVI–XVII веках.

Сопоставление планов городища Опочки XVIII века, извлеченных из ЦГВИА*, с планом того же городища XVI–XVII веков, опубликованным в исследованиях Л.И.Софийского [15, Приложение], позволяет заключить, что планировка крепости претерпела значительные изменения.

Первоначально, то есть в XV–XVI веках, план крепости (Верхнего города), видимо, соответствовал конфигурации холма, имеющего округлую форму. В результате реконструкции крепости, осуществленной, по-видимому, после Ливонской войны, план Верхнего города утратил форму эллипса, приблизившись к форме регулярных крепостей, то есть прямоугольной.

План валов городища Опочки, опубликованный в исследовании В.В.Косточкина (выкопировка из чертежа 1768 года), представляет собой неправильный четырехугольник [47, С.88]. Валы на восточной,

*ЦГВИА, ВУА, № 21575, л.8; ЦГВИА, СССР, ВУА, № 21528-1, л.46.

южной и западной сторонах городища, как это видно на плане, прямолинейны, на северной — линия вала дугообразна. Таким образом, план валов городища не вполне соответствует конфигурации холма, имеющего округлую форму.

Периметр валов опочецкого городища по плану, опубликованному В.В.Косточкиным, представляет собой форму, близкую к прямоугольному четырехугольнику.

Поскольку имеются отклонения в форме плана валов от естественной конфигурации холма, то это обстоятельство позволяет сделать вывод, что Опочечская крепость — Верхний город — имеет два строительных периода: первый от основания (1414) до конца XVI века и второй — с конца XVI века по XVII век включительно.

Реконструкция крепости Верхнего города, весьма вероятно, была проведена под воздействием развития пушечного боя.

План, опубликованный в исследовании П.А.Раппопорта, знакомит с современным состоянием городища в Опочке [16].

На плане П.А.Раппопорта опочечское городище имеет правильную овальную форму. Видимо, под воздействием времени, дождей, ветров и других факторов городище несколько утратило прежнюю форму, ту, которую оно имело в XVI—XVII веках.

Во всех документах архива ЦГАДА, относящихся к XVII в., в Опочке упоминаются две крепости, именуемые Верхний город и Нижний, причем как равнозначные (рис. 19 и 20).

Поскольку в письменных источниках XV—XVI веков ни разу не упомянута вторая крепость, то есть Нижний город, представлявшая собой вторую линию обороны, возникает основание предположить о построении ее («острога») на рубеже XVI—XVII веков.

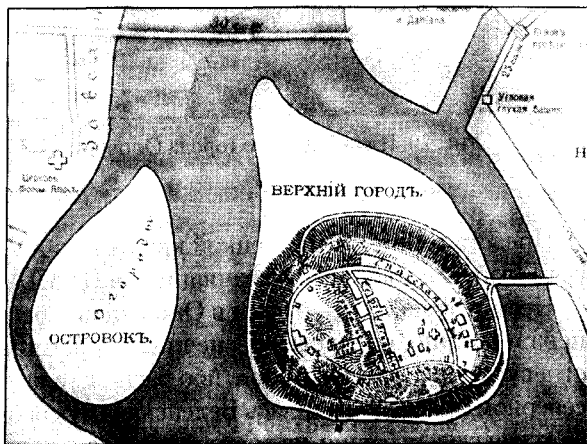

Рис. 19. План Верхнего города Опочки (по Л.И.Софийскому)

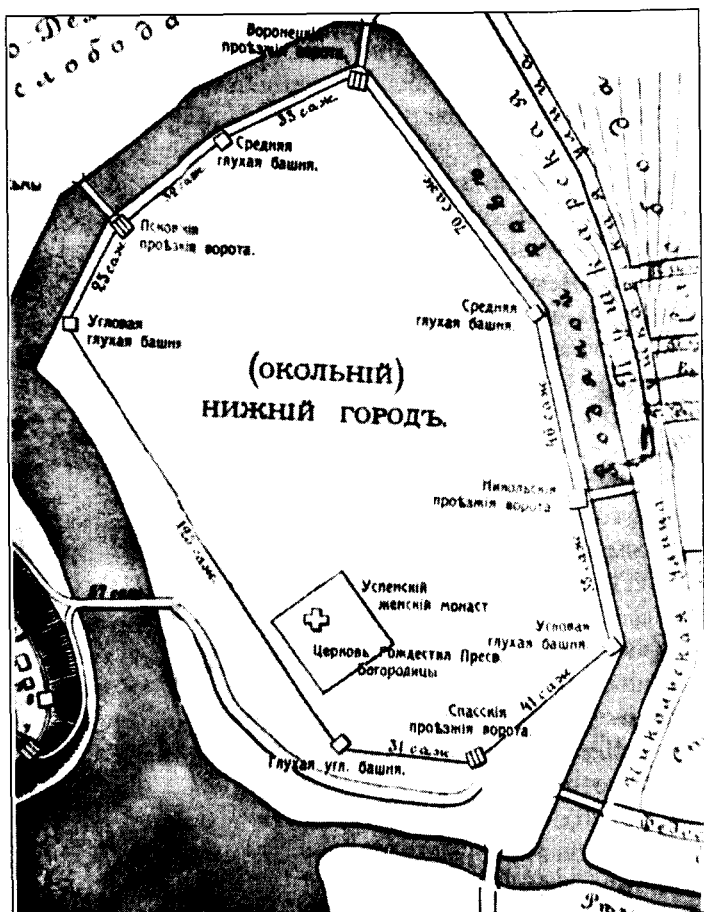

Рис. 20. План Нижнего города Опочки (по Л.И.Софийскому)

Представление об Опочечкой крепости в XVII веке дают описи города и другие документы, хранящиеся в ЦГАДА.

Несмотря на то, что башни в Опочечкой крепости были размещены неравномерно, крепость обеспечивала приблизительно одинаковую огневую мощь со всех сторон, ибо располагала круговой обороной. На северном прясле находилась Велейская глухая башня, на южном — Себежская глухая башня, на восточном — Заволоцкая. Расстояния между башнями были неодинаковы: самое короткое — между Велейской и

Себежской, что объясняется слабой естественной защитой данного участка, наибольшее — между Заволоцкой и Себежской на южном прясле, где протекает река Великая и где участок был защищен посадом, среднее — между Велейской и Заволоцкой. Башни значительно выступали за линию крепостной стены.

В Верхнем городе было двое ворот, а кроме того, водяной тайник. Главные ворота назывались Спасскими городовыми проезжими, находились они на восточном прясле напротив Нижнего, или Окольного, города. Вторые ворота были расположены на северо-западной стороне крепости и назывались «Меньшия городовые ворота» [15, Приложение].

В городе были три улицы: Сергиевская, Спасская, Петровская; три церкви: св. Петра и Павла, преподобного Сергия с приделом Параскевы Пятницы и Спасо-Преображенский собор с приделом Благовещения Пресвятой Богородицы [15, С.92]. Церковь преподобного Сергия была поставлена, как видно, из летописного сообщения, в память благополучного избавления Опочки от литовцев в 1518 году: «В лето 7026... на Опочки две церкви поставиша, Сергия преподобного да Пятницу Святую» [4, С.291].

Площадь, которую занимал Нижний, или Окольный, город, была приблизительно в три раза больше площади Верхнего города. С трех сторон его окружали ров и речка Жидовка, а с четвертой — река Великая. Нижний город был обнесен крепостной стеной с пятью глухими башнями.

Кроме главных, или Спасских, ворот, в Нижнем городе имелись Псковские, Никольские и Воронежские ворота. Возможно, что над всеми четырьмя воротами Нижнего города были какие-то башенные устройства. Принцип размещения боевых башен на крепостных стенах Нижнего города был тот же, что и в Верхнем городе, то есть наибольшее число башен размещено на наиболее уязвимых сторонах крепости. Западная сторона посада, обращенная к реке Великой, защищалась огневой мощью главной крепости.

Оба города — Верхний и Нижний — представляли единую, хорошо продуманную систему укреплений в верховьях р. Великой.

В 1631 году воевода Опочки Василий Туров, вступая в должность, составил согласно царскому указу опись Верхнего и Нижнего города. Опись знакомит с составом войска крепости, рядом и запасами боеприпасов. По прибытии к месту службы Туров сообщал: «Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всяя Руси холоп твой

~ ~ ~ ~ ~

Василий Туров челом бьет. По твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу велено мне, холопу твоему, быти на твоей государеве службе на Опочке на Иваново место Нащекина взяти твой государев город Опочку и городовые ключи на городе наряд... и я холоп твой на твою государеву службу на Опочку приехал в нынешнем во 139 году декабре в 19 день»*. В момент приема Туровым крепости ратных людей в Опочке значилось 333 чел. Данных о посадских и прочих жителях в описи нет.

С состоянием укреплений Нижнего города (или острога) знакомит также документ, составленный опочецким воеводой Василием Туровым в 1631 году на имя царя Михаила Федоровича. Воевода отмечает, что, принимая город у бывшего воеводы Ивана Нащокина, он, Туров, не получил ни чертежей острожных, ни смет, ни указанных грамот. А о состоянии дел острожных сообщает: «И острогу, государь, измерили, поставлено триста шестьдесят сажен, двух наугольных башен. А в остроге, государь, тарасы не дорублены и по тарасом мосты не помещены и бои не поделаны как битца из острогу, и катки не покладены, и около острогу ров не выкопан, и чеснок не побит и надолбы не поставлены»**. Одним из главных недостатков обороны острога было малое число ратных людей и отсутствие порядка, причем воевода замечает, что снять наряд с города для острога нельзя и что городские крепостные сооружения требуют тоже срочного ремонта: «Да в остроге ж, государь, по башням и по воротам и по острогу наряду и пушкарей и воротников нет»***.

С положением дел в городе Опочке в 30-е годы XVII века знакомит также исследование Н.Харузина [26, С.31–33].

О состоянии крепости в 1634 году узнаем из докладной нового воеводы города Ивана Козадавлева на имя царя Михаила Федоровича: «И на Опочке, государь, городовая стена вся опала и у городских ворот прясло выдавилось, и вал в Великую реку отсел»****.

Не лучше обстояло дело с оборонительными сооружениями Нижнего города: ров не копан, надолбы не поставлены и т.д. Козадавлев сообщал тогда же, что, приехав в Опочку, он поднял на строительство все население: ратных людей, посадских, церковнослужителей, крестьян.

* ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Новгородский стол, стлб. 23, л.49–51.

** ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Новгородский стол, стлб. 23, л.47.

*** ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Новгородский стол, стлб. 68, л.46–48.

**** ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Новгородский стол, стлб. 23, л.119–120.

Донесение нового воеводы Опочки Ивана Челичева царю Алексею Михайловичу от 1667 года гласило: «...Я, холоп твой, на твою великого государя службу на Опочку приехал нынешнего 175-го августа и в 3 день и у Никифора Кокошкина принял город Опочку и острог и городовые и острожные ключи...»^{*}.

Далее Челичев сообщал, что наряд города и острога, ядра, свинец, землю и все прочие запасы в крепости он принял по весу и обмеру. По именным спискам ратных людей числилось 417 человек, посадских и прочих — 81 человек. Сведения о наряде, боеприпасах и продовольствии были посланы в Разрядный приказ отдельно. О крепости сообщалось: «А Опочка, государь, мерою меж башен 247 сажень, да городовые ворота, а над воротами роскат, да две башни, да третьей роскат, башня и роскаты до 5 сажень, а третья башня полупяти сажень. Да внутри города водяной тайник введен под стену из Великой реки, а под тайником устроен амбар трех саженьей с кровлею»^{**}.

По словам воеводы, у прясла от Велейской до Себежской башни поломало в 1661 году кровлю бурей, не сделаны от городских ворот к Себежской башне 26 сажень стены, вал во многих местах подмыт водами р. Великой. Длина моста, соединявшего город с острогом, по описи воеводы — 54 сажени, но мост и городни, то есть устои, уже сгорели.

Об остроге в описи говорилось: «Да на Опочке ж, государь, после пожара прошлого 174-го (1666. — *Ред.*) по твоему великому государя указу вновь построено острогу от Великая реки по прежнему чертежу рубленую стеною до обломов с проезжими воротами и з башнями до наугольные башни двести шездесят четыре сажени»^{***}. В донесении сообщалось также о всяких недоделках, по поводу чего воевода замечал: «Неподеланым местам без поделки быть нельзя»^{****}.

Опись города Опочки на имя царя Федора Алексеевича, составленная по случаю смены воеводы, рисует состояние крепости в 1677 году. В описи подробно охарактеризованы крепостные сооружения Верхнего и Нижнего города и выражена тревога в связи с неудовлетворительным состоянием крепостной системы: «А в Опочке, государь, город без башен мерою 147 сажень, да городовые... роскат до пяти сажень, и третья башня полупяту сажени, а городовыми, государь, воротами ро-

^{*} ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Новгородский стол, стлб. 303, л.13–14.

^{**} ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Новгородский стол, стлб. 303, л.15.

^{***} ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Новгородский стол, стлб. 303, л.15.

^{****} ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Новгородский стол, стлб. 303, л.16.

скат в прошлом 184 году покрыт тесом, а на башнях кровли погнили и обвалились...»*.

Согласно описанию 1677 года Верхний город по-прежнему имел три глухие башни, роскат над главными воротами и один тайник. Стены Верхнего города были построены тарасами, пространство между стенами заполнено диким камнем.

В Нижнем городе был острог с башнями, а крепостные стены и башни, сгоревшие в 1648 году, были восстановлены по указу царя Алексея Михайловича.

Описание Опочки в 1685 году дает представление об отношении московского правительства к крепости, о роли ее в военно-стратегических планах Русского государства и знакомит с изменениями, происшедшими в ней к концу XVII века.

Согласно указу царей и великих князей Иоанна и Петра Алексеевичей по случаю смены воевод была произведена подробная опись крепости.

На место бывшего в Опочке воеводы Унковского назначили Ивана Лопухина. Новый воевода прибыл в Опочку 13 января 1685 года, и уже 25 февраля того же года опись города была представлена в Разрядный приказ, а копия описи — псковскому воеводе Борису Петровичу Шереметеву. Указ предписывал дать правительству подробные сведения об Опочке: «Каков на Опочке город и острог мерою и что в них каких крепостей, и каковы в них тайники, и какова в тех тайниках вода»**.

Поскольку Унковский отбыл во Псков, город Лопухину сдавал голова опочецких стрельцов Сергей Трофимов: «Город, государь, Опочку и Острог и ключи городовые и острожные и казенные принял, и на городе и что был на остроге до пожару наряд, в вашей великих государей, казне зелья и свинцу и ядра и всякие пушечные припасы по расписному списку за ево Сергеевою рукою за ответом и за отчетом опочецких пушкарей Ивашки Красногородцева с товарищами да целовальника опоченина посадского человека Куземки Гунтова»***. Далее отмечалось, что все хлебные запасы в государевых житницах перемерены и приняты. Упомянуто, что соли в Опочке нет. По описи 1685 года значилось 430 ратных людей и посадских 96 человек.

* ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Новгородский стол, стлб. 274, л.1056–1059.

** ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Новгородский стол, стлб. 332, л.449–450.

*** ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Новгородский стол, стлб. 332, л.450–451.

Данные о наряде (то есть войске и оружии) и запасах продовольствия, кроме соли, в документе отсутствуют.

О состоянии сооружений Верхнего и Нижнего города говорится: «А Опочка, государи, город мерою меж башен 216 сажен, да городовые проезжие ворота, а над воротами роскат, да глухих три башенки, две башни и роскат до пяти сажен, а третья Себежская башня четырех сажен. Всего башни и роскат мерою двенадцать сажень»^{*}.

От реки Великой, как отмечено в документе, под крепостную стену шел тайник, отремонтированный и вычищенный в 1676 году, над тайником был устроен «анбар» в три сажени с крышею и дверьми.

Протяженность крепостной стены между башнями составляла приблизительно 440–455 метров, под башнями и воротами еще 40 метров. Длина всех крепостных стен Верхнего города составляла около 500 метров.

Из описи 1685 года узнаем о недоделках в крепости и о длине прясел между башнями: «От Велейского роскату до Себежские башня в две стены с обломы и с кровлею 75 сажен, и на той государе, стене во многих местах кровлю бурею повзломало, и та, государи, стена, стоит не покрыта, огнила и обвалилась»^{**}.

Длина прясел от Себежской башни до городских ворот (по валу) составляла 70 сажень (1 сажень по Уложению 1649 года равнялась трем аршинам и составляла 2 метра 133 сантиметра), от ворот до наугольной башни — 10 сажень, от наугольной башни до Велейской — 70 сажень. Всего длина четырех прясел крепостных стен Верхнего города — 225 сажень (около 470 метров). Мост, соединявший город с острогом, был недостроен на 57 сажень.

От дороги, ведущей через мост в Верхний город, по обе стороны существовали дополнительные укрепления: «А от того, государи, городского мосту по обе стороны городского вала обрублено было тарасами и выбито сваем и набрано камнем дичным, и тот, государи, обруб сгнил и обвалился с камнем в Великую реку»^{***}.

Подводя итог изложенному отметим следующее:

В отличие от других псковских пригородов-крепостей, в Опочке от начала и до конца ее истории существовали две крепости: Верхний город и Нижний город, дополнявший, укреплявший этот верхний город, который был основным крепостным сооружением.

^{*} ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Новгородский стол, стлб. 332, л.451–452.

^{**} ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Новгородский стол, стлб. 332, л.452–453.

^{***} ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Новгородский стол, стлб. 332, л.454.

Главная крепость — Верхний город, построенная в 1414 году, и существовавшая приблизительно до 30-х годов XVIII века, коренных изменений в своей планировке не претерпела, при всех работах лишь выравнивались ее стены.

В отличие от соседней крепости Заволочье, крепостные сооружения Нижнего города в Опочке восстанавливались и поддерживались до конца ее существования как крепости, что, по-видимому, объясняется важным значением Опочки в системе обороны Русского государства и главным образом тем, что Нижний город как регулярная крепость мог противостоять мощному огнестрельному оружию.

Наибольшее значение Опочечкая крепость имела в XV веке, в период независимости Псковской земли. В XVI–XVII веках ее роль несколько уменьшилась, но все же, в отличие от псковских пригородов Воронича, Велья, Красного и др., она оставалась важной пограничной крепостью, опорной базой Русского государства на юго-западе, участницей всех войн против Ливонии и Речи Посполитой.

В ходе развития огнестрельного оружия и тактики боя оборонительная система главной крепости Верхнего города в XVII веке совершенствовалась: форма крепости приблизилась к прямоугольной, строго геометрической.

Состав войска гарнизона крепости к концу XVII века несколько изменился: увеличился контингент конного войска, что было, видимо, обусловлено развитием полевого боя.

Наилучшее состояние оборонительной системы крепости отмечается в 60-е годы XVII века, так как в этот период в ходе третьей войны с Польшей правительство проявляло особую заботу о крепости.

Нижний город представлял собой регулярную крепость, что вполне отвечало военно-фортификационным требованиям обороны в XVI–XVII веках. Это, по-видимому, одна из причин того, что Опочка как крепость не утратила своей военной роли до XVII века включительно.

Население Опочки

Можно лишь предполагать о видах занятий населения в поселении Опочка до построения в ней крепости, так как никаких сведений в письменных источниках по этому вопросу не находим. Вероятно, охота, пчеловодство, рыбная ловля, торговля, сельское хозяйство были глав-

ными в жизни древних жителей старой Опочки. Наличие рек, озер, лесов и пашня располагали к этому [23, ч.1, С.55]. Население же окрестных сел с древних времен выращивало лен как главную сельскохозяйственную культуру. Видимо, лен занимал также господствующее место и в торговле, что отмечено в географическом словаре: «Купечество опоченское главной своей торг полагает во льну, который в уезде сам весьма хорош урожается, и для того в нем бывают в году три ярмарки» [54].

Что касается населения города с XV века, то мы располагаем значительными данными, позволяющими судить о составе и занятии населения Опочки в XV–XVII веках. Большую часть территории опоченского края занимали леса, что благоприятствовало занятию жителей охотой и пчеловодством. Псковичи вели широкую торговлю пушной с западными странами [23, ч.1, С.59].

Псковский край, по мнению Болховитинова, по своему местоположению обязывал жителей, кроме занятия хозяйством и торговлей, заниматься еще и военным делом. Ключевое положение крепости Опочки в XV веке в верховьях Великой на южной границе Псковской земли обязывало содержать значительный воинский гарнизон в городе. Наличие же удобных водных и сухопутных путей привлекло сюда на поселение ремесленников и торговцев. Это одна из главных причин довольно большого числа лавочных мест в городе (по старому письму), по той же переписи до Ливонской войны в крепости насчитывалось 197 дворовых мест, а на посаде было 172 тяглых двора (в них жили 174 чел.). Лавок значилось 50, а по новому письму — 31 лавочное место и 19 лавок [29, С.325–326]. Тихомиров отмечает, что о широкой торговле в Опочке до Ливонской войны свидетельствует существование на посаде Жидовского конца, Жидовской улицы [29, С.325–326], то есть там жили еврей-торговцы.

Опочка до Ливонской войны (1558–1583) была не только значительным торговым, но и ремесленным центром. Об этом свидетельствуют ремесленные прозвища владельцев посадских дворов: «На Жидовской улице находились дворы черные, пустые и места порожние. В них жили ранее овчинники (2), тележник, калачники (2), кисельник». Так же в Кузмодемьянской слободе были места бывших владельцев, после «литовского разорения» — пустые, мясника, ведерников, сапожника» [29, С.325–326].

Как и другие юго-западные пригороды Пскова, Опочка сильно пострадала во время Ливонской войны, о чем свидетельствует резкое сокращение числа тяглых посадских дворов, лавочных мест.

После нашествия войск Батория на Псковскую землю на посаде в Опочке стояло 45 нетяглых и 7 посадских «молодых» людей. Следовательно, посад оказался в результате Ливонской войны почти полностью уничтоженным. Такая же примерно картина наблюдалась и в других соседних пригородах на юго-западе. М.Н.Тихомиров отмечает, что в XVII веке Опочка вновь становится крупнейшим городом среди псковских пригородов. Что касается землевладения, то оно в Опочечком уезде было мелкопоместным, еще менее значительным было церковное землевладение [29, С.326]. Псковские пригороды и особенно пограничные были с небольшим количеством посадских людей, города эти в основном были населены военными. В исследовании Н.Д.Чечулина приводятся данные о населении Опочки по переписи 1585–1588 годов. После нашествия войск Батория на Псковскую землю Опочка была разорена. Сильно сократилось число дворов и жителей. Всего жителей в Опочке, по данным Н.Д.Чечулина, было 270 человек, в том числе несколько человек мастеровых [25, С.100–103]. Опочка в XVI–XVII веках — город-крепость. Население Опочки в этот период по социальному составу было весьма пестрое, но подавляющее большинство жителей города — это ратные люди и прочий обслуживающий крепость персонал. Значительный процент населения составляли церковнослужители.

В исследовании М.Н.Тихомирова Опочка в XVII веке названа крупнейшим городом среди псковских пригородов [29, С.326]. По сведениям письменных источников, можно заключить, что Опочка как военный центр в XVII веке занимала одно из первых мест среди других пригородов. На это указывает наличие военных в крепости. В 1667 году в ней значилось 101 казак, 300 стрельцов, 12 пушкарей, 4 воротника, прочих 81 человек*, а в 1685 году в Опочке было 300 стрельцов, 114 конных казаков, пушкарей 12 человек, 4 воротника, всего посадских и прочих 96 человек**.

Многие псковские города, разоренные во время Ливонской войны, например, Врев, Выбор, Велье и некоторые другие, вовсе перестали существовать и стали именоваться городищами [29, С.328].

В 1679–1681 годах в Опочке насчитывается посадских и бобыльских дворов 38 [29, С.328].

* ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Новгородский стол, стлб. 303, л.14.

** ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Новгородский стол, стлб. 332, л.451.

Видимо, рост населения города Опочки особенно усиливается во второй половине XVIII века, когда Опочка как крепость перестала существовать. Росту населения, развитию торговли и ремесел в Опочке способствовала близость города к Западной Европе и прохождение через Опочку важной дороги, связывавшей юг России с С.-Петербургом.

Город Красный

В списке порубежных укрепленных пунктов Псковской земли город Красный относится к наиболее поздним. О построении Псковом новой крепости на границе с Ливонией в 1462 г. летопись сообщает «...Князь Псковской Иван Александрович и посадник степенной Алексей Васильевич заложил град нов деревян на Сини реки, и нарекоша и Красной городец» [75, С.228].

Аналогичное сообщение о постройке Красного имеется в Псковской летописи: «Того же лета князь псковскеи Иван Олександрович и посадник степенный Олексей Васильевич заложил град нов деревян на Сини река, и нарекоша и Красней городец» [4, Т.2, С.159].

С построением городка Красного Велье утратило значение пограничного форпоста с Ливонией. Красный, занимая место пограничной крепости, первым испытывал удары ливонцев, вторгавшихся в юго-западные пределы Псковской земли.

Поскольку до 1502 года нет письменных сообщений о вражеских нападениях на Красный, по-видимому, летописное свидетельство 1502 года об осаде крепости ливонцами следует считать первым. Об этом событии летопись сообщает: «Того же лета (7010/1502. — *Ред.*), месяца марта в 17 день, пришедши немцы к Красному городку, и в Корибору волость взяша и голов посекоша много, а иных поведоша с собою, а в городке велми притужно было, хотеша дом пленити святого Спаса Преображения Господа нашего Иисуса Христа, а людей Бог ублюде и святой Спас, и завещаша церковь поставити святую пятницу... и поставиша красногородцы церковь святую Пятницу» [5, С.275–276]. Хотя красногородцы отстояли свой город, но большой ценой. Особенно сильно пострадавшими оказались окрестности города. В память избавления города и края от врага в крепости построили церковь Параскевы Пятницы [5, С.292].

В начале Ливонской войны Красный упомянут в летописи в связи с приходом ливонцев под город и опустошением посада и окрестностей.

Но поскольку летопись не отмечает взятие крепости немцами в 1559 году, по-видимому, она не была захвачена врагами.

В летописи об этом событии рассказывается так: «О том же времени (в лето 7067/1559. — *Ред.*) приходили немцы от Лужи и от Режицы и ото Влеха под Красный городок псковской и у Красного посады обожгли, а волостей вывоевали немало» [5, С.311].

В 1565 году литовцы приходили под Красный городок, сильно разорили окрестности, но крепости не взяли: «Того же лета (7073/1565. — *Ред.*), на масленицы марта 1, приходиша литовския люди под Красный городок с нарядом, и по городу били, и Бог града не предал» [5, С.335].

Во время нашествия войск Батория на Псковскую землю Красный был захвачен польско-литовскими силами. Уничтожение крепостных сооружений самими русскими перед его оставлением не вызывает сомнений, так как это отмечено в источниках. Сведения о добровольном оставлении и о разоружении Красногородской крепости московскими властями имеются в литовских источниках. Причем литовская летопись добровольное оставление Красного считает ошибкой Грозного, так как Баторий быстро смог восстановить и вооружить крепость против русских и, в первую очередь, против соседних, не занятых литовцами городов: Опочки и Себежа... Литовская летопись об оставлении русскими и использовании Красногородской крепости Баторием в своих целях сообщает: «...А Красный городок, который был на небольшом переходе, сам царь московский казал збурити и людем з него выйти. Доведавшись того, королевские казаки зараз замок той оправили и оттамтоля шкочу великую Москве чинили, що было на руку королевы» [53, С.122].

Гейденштейн о занятии Красного польским отрядом сообщает: «Баторий вооружил Красный, оставленный русскими (без гарнизона и оружия), легкими пушками и тем самым парализовал Опочку и Себеж, так как Заволочье было у Батория» [8, С.182].

По условиям Ям-Запольского мира (1581–1582) Красный был возвращен Русскому государству [49, С.494]. В каком состоянии находилась крепостная система после ухода отряда польско-литовских войск из города — неизвестно.

В Смутное время Красный в числе других псковских пригородов (1607) присягнул «тушинскому вору» [15, С.179]. Это обстоятельство привело к многочисленным столкновениям между сторонниками и противниками самозванцев, в результате чего значительно был разорен красногородский край. По-видимому, после разорения крепости отрядом Лисовского она

потеряла прежнее боевое значение, хотя в городе еще содержались наряд и ратные люди. Занятие Красного отрядом Лисовского отметила летопись: «...А Лисовский Красный взял, а казаков побил многих» [5, С.323].

Переход в 1634 году русских городов Красного, Невеля и Себежа под власть Речи Посполитой летопись отмечает: «В том лете помирился государь с Литвою, а городов отдал 16 и с нарядом их, кои наши имали на Освеи, а на другой отдаша Себеж, и Красное, и Невеле...» [5, С.329].

Когда Красный возвращен России, точно неизвестно, но в 1666 году литовский воевода Цвиговский с отрядом из 1200 человек осадил крепость Красный, но после семидневной осады под давлением великокняжеских войск отступил. После неудачного для русских сражения с литовцами под Вельем отряд Цвиговского вновь появился под городом и разорил Красногородчину [23, ч.1, С.129].

В начале XVIII века Красный — уже городище.

Представление о городе Красном в конце XVII века дает описание его (по сметным книгам) 1699 года, приводимое Л.И.Софийским: «Город Красный над рекою Синею пуст, вал земляной мерою 407 сажень, поперек — 29 сажень. Внутри того вала погреб и тайник обрушились, на церковном месте Спаса Преображения построена часовня деревянная. На том валу и в городе никакого городского и жилецкого строения нет. По другую сторону того вала речка Малосуек под валом впала в Синюю. На Синей реке мост на козьявках складен пешеходный. Против того вала за Синею рекою посад. На посадке две церкви деревянные Михаила Архангела и Николая Чудотворца» [15, С.180].

По сведениям географического словаря Российской империи в Красном проживало 125 душ купеческого сословия [54, С.318].

В другом словаре тоже отмечено, что в Красном в конце XVIII века проживало 125 купцов [20].

Из всех пограничных пригородов, как это видно из исследования М.Н.Тихомирова, Красный был наименее населен гражданскими лицами. Основное население города составляли военные. По старому письму в нем было 20 дворов служилых и духовенства, а черных тяглых — 90 дворов. В городе рынок был беден, не более 20 лавок. После Ливонской войны на посадке появилась слобода в 100 дворов. И еще 23 двора ратных людей, а старых посадских дворов осталось 2. Много было заброшенных дворовых мест, которые использовались под огороды [29, С.326].

В 1585–1587 годах в Красном жили на посадке 100 стрельцов под командованием стрелецкого сотника, а белых нетяглых дворов 23, чер-

ных дворов 2 и «людей тож», оброчных огородов 29. В числе дворов значилось: 15 пушкарских, один двор пономаря, двор проскурницын, дворы попов, дьячковых, двор осадного головы, дворовое место, место наместника пусто [15, С.179].

В Красном до его разорения были следующие постройки: двор наместника, житницы с государевым хлебом, клети, которые принадлежали населению, водяной тайник, церковь Преображения Господня, пороховой погреб, двор городского приказчика и осадного головы.

В труде Н.Д.Чечулина приводятся довольно подробные данные о Красном по переписным книгам 1585–1588 годов. Так, например, после Ливонской войны и нашествия Батория тяглых было всего 2 человека. В городе было 100 стрельцов во главе с сотником, 15 человек пушкарей, 11 человек духовных лиц. В пяти дворах и богадельне проживали старцы. В городе было два места наместника и городского приказчика, один огород безоброчный осадного головы, приезжий немецкий двор, двор кабацкий, городская безоброчная баня [25, С.98–100].

В Красном во время Ливонской войны значительно сократилось число посадских дворов. По старому письму их было 90 и 56 заброшенных мест, белых дворов было 18. Все население жило на посаде, все люди, кроме черных, жили в белых дворах. А в городе стояли житницы и клети, принадлежавшие разным лицам. Пушкарям принадлежало 5 клетей, 1 — сотнику стрелецкому, 3 — духовенству, 3 — посадским людям и крестьянину. В исследовании Н.Д.Чечулина приводятся подробные сведения о лавочных местах, огородах оброчных, оброке и нивах в Красном.

По переписи 1675–1678 годов в Красном насчитывалось жителей 278 человек. Причем в основном это бывшие воины, а по состоянию на день переписи — солдаты без оружия [15, С.182].

Городище Красное расположено на берегу реки Синеи. С южной стороны у самого подножия проходит дорога Опочка — Карсава (Литва). С юго-запада и северо-запада городище ограничено долиной, по которой протекает речка Смородинка, впадающая в р.Синюю. Площадка городища занимает оконечность гряды, которая отрезана с юго-востока от берегового плато рвом шириной до 50 метров. С северо-востока городище защищено рекой Синеи — левым притоком реки Великой. Площадка городища имеет форму четырехугольника, у которого несколько закруглена северная сторона. Длина сторон городища: 150 метров — восточная, 130 метров — западная, 70 метров — южная и северная — 40 метров. По всему периметру площадки проходит хорошо сохранившийся земляной

вал, высота которого колеблется от 3 до 7 метров. Самый высокий отрезок вала находится в юго-восточной части со стороны рва. На площадке кое-где растут деревья, а у внутренней стороны вала и у юго-западной части небольшая часть площадки покрыта кустарником. Высота городища в среднем, от уровня р.Синей — 9–25 м. На городище ведут два вихода-дороги, одна с юго-восточной стороны, вторая — с западной. Места башен не прослеживаются. Культурный слой с площадки городища снят бульдозером во время строительных работ на ней (рис. 21).

Как отмечает П.А.Раппопорт, городище в Красном однотипно с городищем Кобыла [16, С.86–87].

Город Красный, как видно из письменных источников, несколько раз за всю свою историю переходил в руки врагов. Это, по-видимому, можно объяснить тем, что его оборонительная система была менее прочной, чем в Велье и Опочке.

Роль Красного в обороне русских земель, и тем более юго-западных земель Пскова, значительно меньше, чем Опочки, Заволочья, Себежа, Велья.

В плане оборонительной системы города Красного имелись черты позднего московского этапа, с расчетом на оборону от огнестрельного оружия.

По всему периметру площадки городища, включая и сторону, защищенную рекой Синей, проходят земляные валы. Форма площадки городища не соответствует конфигурации мыса, на котором стояла крепость. Городище в результате проведенных земляных работ получило форму правильного четырехугольника. В результате подрезания стороны площадки превратились в прямолинейные [16, С.86–87].

Рис. 21. Красногородский вал
(по Л.И.Софийскому)

Глава III

Заволочье (Ржева Пустая) — крепость московского этапа обороны

История города Заволочье (Ржевы Пустой)

Заволочье (Ржева Пустая) — один из древних городов России, основан в 1536 г. (во время правительницы Елены Глинской, матери Грозного) для защиты юго-западной границы Русского государства [73, 78].

Крепость Заволочье имела большое военно-стратегическое значение для Русского государства, так как она защищала водный и сухопутный пути, связывавшие Литву с Псковом и Новгородом.

Территория, на которой возник город, находилась за волоком рек Ловать — Западная Двина. Отсюда, по мнению С.Ф.Платонова, и город стали именовать Заволочьем [40, С.18]. В псковских летописях эта территория именуется также Заволочьем, но ошибочно объясняется возникновение названия города: «...Новь и город поставити от литовского рубежа на Заволочье озеро Подце, начаша его звати по озеру город Заволочье» [56, С.108].

Город на протяжении всей истории своего существования почти во всех письменных источниках и документах встречается под двумя названиями: Заволочье и Ржева Пустая. Наличие двух названий объясняется тем, что в новый город под названием Заволочье перевели (согласно царскому указу) из ранее заброшенного города-крепости Ржевы административно-территориальный центр, а также его жителей [56, С.108]. До построения Заволочья укрепленным пунктом на границе Новгородской земли с Литвой была Ржева. После того, как город Ржева был заброшен, его стали называть Ржевой Пустой. Это название закрепилось за уездом нового центра по традиции, оно существовало параллельно с Заволочьем и вошло в письменные источники. Под Ржевой Пустой подразумевался уезд, а под Заволочьем — город-крепость.

Крепость Заволочье возникла в эпоху почти непрерывных войн Москвы с польско-литовским государством и Ливонией. Начало этой эпохи, возвращение и воссоединение юго-западных русских земель с Московским государством было положено еще при правлении Ивана III.

Появление нового города Заволочье на «литовском рубеже» вместо переставшей существовать Ржевы Пустой было явлением закономер-

ным. Во-первых, это было продиктовано внешней политикой Русского государства, направленной на воссоединение всех русских земель, в том числе и земель, находившихся под властью польско-литовского государства. Постройка новых крепостей на литовской границе должна была способствовать возвращению этих территорий под управление Москвы. Московское правительство не скрывало своих намерений. Русские дипломаты откровенно заявили польско-литовским послам при подписании перемирия с Ливонией в 1503 году, что прочного мира с Литвой не будет до тех пор, пока Москва не вернет своей «отчины» [1, С.117–118].

Во-вторых, появление нового города было вызвано тем, что старый, Ржева Пустая, не отвечал новым требованиям обороны и уже давно был заброшен. А город Заволочье был расположен ближе, чем древняя Ржева, к литовской границе и находился в значительно более благоприятных условиях для организации обороны на озере Подцо, отмечает М.Е.Васильев [57, С.95]. Основанию Заволочья предшествовала блестящая победа русских войск над литовцами под Себежем (1535). В знак этой победы московское правительство распорядилось построить в Себеже церковь живоначальной Троицы. Достигнутые военные успехи были закреплены построением на «литовском рубеже» двух крепостей: Заволочья и Велижа [58].

«В лето 7044... повелением государя великого князя Ивана Васильевича всея Руси поставили два града новые — город во Ржеве Пустой Заволочье, да город Велиж» [59]*. Так отмечено в летописи основание в 1536 году города Заволочье. В других списках летописи это событие изложено в различных вариантах. «...Велел князь великий поставити во Ржевском на Литовском рубежи град землян, а нарек его Заволочье», — отмечается в Воскресенской летописи [60].

А в Псковской второй летописи об основании Заволочья сказано так: «В лето 7044... Тогда и Заволочье поставиша за дворцами и наместников з дворець нам посади» [4, Вып.2, С.228–229].

Начало истории Заволочья явилось концом истории другого пограничного центра (ранее заброшенного) — Ржевы Пустой. Земли, на которых построила Москва два новых города, Велиж и Заволочье, видимо, в первой половине XVI века считались спорными, а в прошлом входили в состав русских владений [2, С.85–86]. Наверное, поэтому

* Есть и другие варианты этого известия (см., например, ПЛ, Вып.2, С.228).

Н.М.Карамзин, упоминая о построении новых городов в пограничной полосе, отмечает, что «Москва основала в литовских владениях в Ржевском уезде город Заволочье и Велиж в Торопецком» [58, С.22]. Перемирие между Москвой и Литвой, подписанное в 1537 году, закрепило за Русским государством право владеть новыми крепостями: Заволочьем и Себежем.

Боевые испытания города Заволочье

Первым боевым испытанием для нового города были события 1580 года — время второго похода на Русь войска Стефана Батория. До этого события о вражеских нападениях на город летопись не упоминает, и, видимо, нашествие поляков и литовцев в 1580 году было первым.

После занятия летом и осенью 1580 г. польско-литовскими войсками русских пограничных крепостей: Великих Лук, Велижа, Усвята, Сокола, Невеля и других — в планы Батория входило далее овладеть Торопцем и Заволочьем. Торопецкая крепость, находясь на пути к Москве, угрожала польскому гарнизону в Великих Луках с востока, Заволоцкая, расположенная в верхнем течении реки Великой, мешала дальнейшему продвижению польских войск к Пскову и Новгороду. Получалось, что Великие Луки были зажаты с двух сторон мощными крепостями, находившимися еще под властью Москвы. Опасаясь нападений на луцкий гарнизон со стороны Торопца и Заволочья, а также стремясь взять верхнее течение Великой — начало главного водного пути ко Пскову — в свои руки, Баторий осенью 1580 года направил отряд войск для занятия Заволочья. Большая стратегическая роль Заволоцкой крепости отмечена Р.Гейденштейном: «Король, получив это известие о сдаче и думая о своем отъезде и устранении положения этой области, вызвал обратно с дороги Замойского. Теперь поблизости выдавалось две крепости, Торопецкая и Заволоцкая, которые могли мешать владению всею этой областью» [8, С.97–98].

Важность местоположения города Заволочье и угроза, исходившая от этой крепости для завоеванных территорий, заставили Батория, несмотря на неблагоприятное время года для ведения военных действий, приступить к осаде Заволочья.

Осенью 1580 года город был осажден и взят польско-литовскими войсками. Р.Гейденштейн в труде «Записки о Московской войне» значительное место отводит тем трудностям, которые пришлось испытать

отряду ЗамоЙского при взятии города Заволочье. Несмотря на то что враги расположились перед штурмом на хорошо защищенном и удобном месте — на Бобьльском острове (БобьльскИЙ — это один из трех островов, находящихся на озере Подцо, а крепость находилась на Большом, или острове Груда) — первый приступ к крепости не принес победы врагам. Заволоцкий гарнизон не только отбил вражеский приступ со значительными потерями для врага, но вскоре сам предпринял смелую вылазку из осажденного города и обратил в бегство солдат ЗамоЙского, занятых подготовкой к следующему приступу. Узнав о неудаче штурма, Баторий прислал ЗамоЙскому подкрепление в количестве 2000 воинов. Об усилении отряда ЗамоЙского свежими силами сообщает также Хроника Литовская и ЖмоЙтская: «А кроль, пославши свежую помощь ездних и пеших канцлерови коронному под Заволочье, сам рушился до Полоцка» [53, С.120–121].

Проведя тщательную подготовку, дав войску отдохнуть и бросив свежие силы, ЗамоЙскИЙ сумел овладеть крепостью. Занятием Заволочья закончился второй поход Батория.

Наученный горьким опытом падения других русских пограничных городов под ударами войск Батория, воевода города Василий Юрьевич Сабуров простым способом обезопасил крепость от ударов вражеской артиллерии. О новаторстве Сабурова Гейденштейн сообщает так: «...Сабуров раньше придумал средства, чтобы невозможно было при осаде ее воспользоваться калеными ядрами... он сломал стену, где она была слишком толстою, оставив только один ряд бревен, которыми она держалась, внутреннюю часть ее прикрыл довольно широкою насыпью, которую он скрепил плетнем, вследствие того ядра, быстро проходя через стену, оставались в насыпи и там сами собой потухали» [8, С.160].

Опытный воевода и храбрый воин В.Ю.Сабуров, как это видно из «Разрядной книги», уже задолго до нашествия Батория деятельно управлял Заволочьем [61, С.24].

С падением крепости гарнизон ее во главе с воеводами Василием Сабуровым и Иваном Злобиным был пленен. Причем Сабуров был взят раненым и скончался в плену.

В «Разрядной книге» об этом событии сказано: «Того же году литовский король Оботур взял город Заволочье и воевод взял в городе Василия Юрьевича Сабурова ранены, и как привели в стан, в стану ево не стало. А Ивана Степанова сына Злобина в полон взяли» [61, С.171].

Рассказывая о взятии Заволоцкой крепости, Хроника Литовская и Жмойтская напоминает о прошлых заслугах воеводы: «Там же Василий Сабуров, который орды казанские и астраханские под Московское панство подбил» [53, С.121].

Большая стратегическая роль Заволочья неоднократно отмечалась современниками. Так, Гейденштейн писал, что «Заволочье расположено на таком месте, от которого главная дорога идет к Пскову и, очевидно, может служить немаловажным препятствием при походе на Псков, что, по-видимому, теперь стояло на очереди по самому ходу войны» [8, С.157].

Таким образом, Заволоцкая крепость не только угрожала полякам в Великих Луках, но и стояла на пути к Пскову. С занятием же Заволочья очищался путь к Пскову для следующего похода поляков.

Стратегическую важность в обороне Русского государства Заволочье не утратило и в XVII веке. Это видно из челобитной 1654 года заволоцкого воеводы Семена Коведяева царю Алексею Михайловичу: «...А Заволочье, государь, стало на середине промежи Лук Великих и Опочки, стало от литовских городов от Полоцка и от Невля и тех городов волостей на большом проходе заступа от литовских городов к Великому Новгороду и ко Пскову и ко Старой Русы и тех городов волостям стало на большом проходе»^{*}.

С Заволочья начался третий и последний поход Батория в 1581 г., сюда он прибыл 26 июля. Здесь король провел военный совет, на котором было решено идти на Псков, а не на Новгород, минуя город Опочку. Гейденштейн, отмечая доблесть своих солдат, взявших город при весьма трудных условиях, упомянул о достоинствах Заволочья как крепости: «Таким образом, взята была без разрушения твердыня весьма крепкая от природы и снабженная всем нужным для защиты, несмотря на содействие неприятелям со стороны времени года, непрерывных дождей и морозов» [8, С.160].

Секретарь Батория ксендз С.Пиотровский в своем дневнике от 26 июля 1581 года так описывал эту крепость: «Как утка на заре, стоит замок — предмет прошлогодних подвигов пана канцлера. Король осматривал крепость со всех сторон с большим вниманием, и так как это место укреплено самой природой, то он хвалил доблесть канцлера, который взял его в такую непогоду» [9, С.57].

^{*} ЦГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ, Новгородский стол, стлб. 87, л.15–16.

Литовская и Жмойтская хроника тоже отмечает неприступность Заволоцкой крепости, а также то, что известие о занятии ее поляками обрадовало короля: «... Там же королевы принесено новину вдячную, же Заволочье замок на погорку высокою, водами отвсюль оточеный, людьми и стрелбою умоцненный и до добытия трудный» [53, С.121].

О крупных потерях польской армии при взятии Заволочья известно из дипломатической переписки Ивана Грозного с Баторием перед заключением мира. Король обосновывал свои требования высокой контрибуции большими потерями, которые понесла его армия в войне. На что Грозный отвечал: «Христианское ли то дело, что твои паны крови христианской не жалеют, а издержек жалеют: если тебе убыток, так ты бы Заволочья не брал, кто тебе об этом челом бил» [62].

Героическая оборона Пскова и Печерского монастыря расстроила дальнейшие захватнические планы Речи Посполитой [10, С.73–77, 77–79, 109]. Баторий вынужден был пойти на мирные переговоры с Москвой. По условиям перемирия сохранялась старая граница [49, С.494]. Согласно условиям Запольского мира Заволочье, внесшее значительный вклад в оборону Пскова 1581 года, было возвращено Москве. Город Заволочье и его уезд, будучи пограничным и, относились к числу наиболее пострадавших псковских пригородов. Войны и двухлетнее хозяйничание поляков в Заволочье привели к опустошению и почти к полному разорению Пусторжевского уезда, число дворов сократилось более чем в десять раз, о чем и свидетельствуют Писцовые книги 1585–1588 годов [80].

После подписания Запольского мира (1581–1582) Заволочье и его уезд граничили с Полоцким воеводством, входившим в состав Речи Посполитой. Внешняя угроза для Заволочья и Опочки после Ливонской войны увеличилась, так как вместо слабого Ливонского ордена их соседом не только на юге, но и на западе стало мощное польско-литовское государство.

Со времени окончания Ливонской войны и до событий первой четверти XVII века, до польско-шведской интервенции, город Заволочье как крепость в письменных источниках не упоминается. Видимо, это объясняется тем, что на данном участке русско-литовской границы военных действий не происходило.

Новые испытания выпали на долю крепости в начале XVII века. В 1612 году Заволочье захватил Лисовский: «В то же время Лисовский Заволочье взял...» [63, С.330]. Вскоре город был освобожден, «в то же

время казаки себежские и опоченские всякие люди взяша Заволочье у Олисовского...» и город сожгли... «и детей боярских Андрея Квашнина и прочих прислаша во Псков, а оне служили с Олисовским княжата и Литву побиаша» [63, С.330]. Из летописного сообщения видно, что Заволочье Лисовский захватил с помощью изменников-бояр.

На протяжении всего XVII века Заволочье находилось в сфере военных действий.

О событиях 30-х годов XVII века, имевших место в Ржеве Пустой, в Псковской второй летописи сказано: «...А Литва во Псковщине и во Ржеве жгли и секли и пошли в Полоцко: 21 день посланы ратные на Опочку» [4, Вып.2, С.283].

О состоянии оборонительных сооружений города перед началом второй польской войны (1632–1634 гг.) можно судить по описанию, сделанному воеводой Иваном Окуневым в 1636 г. по указу царя Михаила Федоровича. Из этой описи города следует, что крепостные сооружения были разрушены, но царский указ предписывал крепость восстановить*.

Судя по челобитной воеводы Арбузова на имя царя Алексея Михайловича, город, видимо, еще разоренный во время событий Смутного времени, не был полностью отстроен до третьей войны с Речью Посполитой (1659–1667), причем на месте бывшей крепости к 1654 году было только городище. Из этой же челобитной узнаем о желании горожан восстановить Заволоцкую крепость**. Полную же картину о городе-крепости дает распоряжение царя Алексея Михайловича Василию Петровичу Шереметеву, воеводе Великих Лук в апреле 1654 года. В нем сообщалось: «...Марга в 31 день писал к нам из Заволочья Семен Коведяев, что в Заволочье города и острогу и никаких крепостей и наряду и зелья и свинца нет. А старое де городище озере на Подце на острове, и по тому де городищу вал, а кругом тово городища обошла вода, а от посаду в старое городище через озеро во 144-м году (в 1636 году. — *Ред.*) устроен был мост, и тот мост обрушился...»***.

В том же документе Шереметеву предписывалось принять все меры для сооружения на старом городище крепости и моста, причем правительственный документ обязывал великолукцкого воеводу направить отряд стрельцов для немедленного восстановления крепостных соору-

* ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Новгородский стол, слб. 78, л.31–45.

** ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Новгородский стол, слб. 87, л.17–18.

*** ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Новгородский стол, слб. 87, л.23–25.

жений в Заволочье. И это свидетельствует, что правительство было серьезно озабочено упадком Заволоцкой крепости. Столь срочное восстановление города было вызвано приближавшимся началом новой, третьей, войны с Речью Посполитой, а поскольку Заволочье находилось в пограничной полосе, то восстановление крепости входило в общий план военных подготовительных мероприятий.

Правительство требовало от заволоцкого воеводы подробных сведений о количестве материала для восстановления крепостных стен, башен и моста, напомидало воеводе о необходимости привлечь к строительным работам, кроме стрельцов, представителей всех слоев населения и крестьян дворцовой Вязовской волости, также находивших убежище в крепости в осадное время: «...и как к вам ся наша грамота придет, и ты б боярин наш и воевода Василий Петрович послал в Заволочье дворянина добра, а с ним луцких стрельцов двести пятьдесят человек и велел тому дворянину в Заволочье на старом городище осыпи где быть городу и то... по которому месту от посаду через озеро в старое городище мосту быть измерить и сметить, сколько на то городовое и мостовое дело зело заволочанам и тутошним служивым и жилецким и уездным людям и нашей дворцовой Вязовской волости крестьянам, которые в Заволочье бывают для осадного времени, привести всякому человеку по два бревна, и велел бы в Заволочье на старом городище по осыпи город устроить со всякими крепостями и через озеро мост сделать тотчас... А то б еси дворянину приказал накрепко, что б он в Заволочье город со всякими крепостями и через озеро мост делал з большим раденьем и поспешеньем не мешкая, чтоб в Заволочье город со всякими крепостями и через озеро мост сделать вскоре...»^{*}.

Забота правительства о немедленном восстановлении крепости в Заволочье объясняется подготовкой к третьей войне с Речью Посполитой, как отмечалось выше. Войска шли из Новгорода и Пскова в Великие Луки, под команду Шереметева, откуда весной 1654 года предполагалось начать наступление в направлении Витебска и Полоцка [64].

В 1655 году заволоцкий воевода Иван Арбузов в челобитной царю Алексею Михайловичу сообщал, что приказание, согласно царской грамоте, обязывавшее луцкого воеводу В.П.Шереметева поставить на старом городище по осыпи стоячий острог и мост через Великую, в основном выполнено. «Более двух доль на старом городище стоячего

^{*} ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Новгородский стол, стлб. 87, л.23–25.

острогу», то есть крепостных стен, поставлен еще мост на городнях, соединяющий город с посадом. Из челобитной видно, что на восстановительные работы городских крепостных сооружений были привлечены широкие слои уездного населения. Кроме стрельцов, участвовали крестьяне, бобыли и даже церковнослужители, одним словом, представители всех социальных групп Пусторжевского уезда.

«...А делали, государь, тот город Заволочье заволоцкие стрельцы да Вязовския волости крестьяне, да Пусторжевского уезду монастырских вотчин крестьяне и бобыли из погостов и церковные причетники и бобыли»...^{*} В город был прислан наряд и необходимое вооружение, но заволоцкий воевода жаловался, что «наряд — пушки и ядра»... увез из Заволочья в Великие Луки В.П.Шереметев.

В челобитной воеводы Арбузова на имя царя отражены заботы и беспокойство всех жителей Пусторжевского уезда и заволоцкого гарнизона в связи с военными действиями против Польши, происходившими в непосредственной близости от их города. В Заволочье опасались, что в случае неудачи операций, проводимых отрядом Шереметева, польско-литовские войска могут осадить их город.

В XVII веке при царе Алексее Михайловиче с устройством «засечной черты», которая проходила и по территории уезда Ржевы Пустой, по-видимому, в какой-то степени опасность для города уменьшилась**.

В третьей войне России с Польшей город-крепость Заволочье являлся военной базой и опорным пунктом во время ведения военных действий против польско-литовских войск.

«А от Заволочья, государь, Полоцкий и Невельский уезд близко у верстах у двух и у трех и у пяти, и тот город Заволочье был бы заступа от литовских и от воровских людей и всему Пусторжевскому уезду и Опочке и Лукам Великим и Великому Новгороду и Старой Русы. И ты, великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец мне, холопу своему, о том городе Заволочье обо всем как укажешь»***.

В 1661 году сто стрельцов с женами и детьми были переведены из Заволочья в Невель, и на запрос о состоянии крепости воевода отвечал: «Остался я холоп твой один в Заволочье». Далее воевода сообщал,

* ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Новгородский стол, стлб. 169, л.2–3.

** ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Новгородский стол, стлб. 257, л.12–14.

*** ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Новгородский стол, стлб. 169, л.2–3.

что все вооружение из города увез Шереметев в Луки Великие и что с переводом ста стрельцов в Невель и остальные на смотр не явились и ушли добровольно в Невель. О состоянии крепости воевода доносил: «В Заволочье зделано города: по старой осыпи поставлена башня о четырех углах и в ней учинены проезжие ворота, и та не доделана. Да вместо башен поставлены 2 анбара больших. Да по осыпи на острову зделано острогу 180 сажен да 5 башен. А в городе внутри озерко в длину 50 сажен, попереk 12 сажен, глубиною 5 сажен»*.

Была ли полностью восстановлена крепость в ходе третьей войны с Польшей, неизвестно. Но к концу XVII века крепость была почти целиком восстановлена, о чем свидетельствует «Роспись сметная городова города Заволочье», составленная в 1692 году**.

Видимо, еще в начале XVIII века в Заволочье содержался небольшой гарнизон с нарядом, но после Северной войны крепость потеряла военное значение.

О состоянии Заволочья в начале XVIII века дает представление описание города, имеющееся в труде И.К.Кирилова: «Заволочье — городок деревянный, к польскому рубежу, прежде бывала крепость ото Пскова верстах во 100, а ныне одни слободы посадские и разночинцы» [65].

Интересные данные о Заволочье в 60-х годах XVIII века имеются в «Топографических известиях»: «Город Пустая Ржева и Заволочье построен на острову в полуденной стороне озера Подца, сквозь которое протекает из Великолуцкого уезда ко Пскову река Великая. На другой стороне того же озера и той реки к востоку находится предместье, в котором церковь, по запросным известиям Пустой Ржевы и воеводской канцелярии, присланным в Академию октября от 9 дни 1760 году за подписанием коллежского асессора Акима Малашехина. Город Пустая Ржева и Заволочье огражден земляным валом окружностью в 400 сажен. Была на нем деревянная стена с башнями, но сгнила» [66, С.358–364].

В 1777 году уездный центр был перенесен из Заволочья во вновь построенный город Новоржев. Заволочье окончательно теряет уже не только военное, но и административное значение и превращается в деревню, расположенную на месте бывшего городского предместья [71, 72].

* ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Новгородский стол, стлб. 169, л.16–24.

** ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Дела разных городов. Кн.62, л.622–626.

Крепостные сооружения города Заволочье

Городище Заволочье находится на острове озера Подцо в 75 километрах от города Опочки. На восточном берегу озера расположена небольшая деревня Заволочье, соединенная теперь с поселком Копылок. Через озеро Подцо с юга на север протекает река Великая. На озере три острова. Тот остров, на котором находится городище, называется «Верхним городом», или Большим островом, встречается в письменных источниках и под названием остров Груда [56, С.108]. Площадь этого острова около 7 гектаров. Второй остров (3,78 гектара) — Бобьльский. Именно на этом острове, судя по описанию Гейденштейна, размещался лагерь Замойского при осаде крепости в 1580 году [8, С.151]. Третий, безымянный (0,25 гектара), находится к юго-востоку от городища.

Склоны острова-городища довольно крутые. Они густо поросли кустарником. Значительная часть территории площадки свободна от кустов; здесь в XIX веке была пашня, в XX веке — луговые угодья. В юго-западной части площадки было расположено небольшое озеро, ныне полностью заросшее кустарником [79]. И.Д.Годовиков в 80-х годах XIX века отметил, что в его время на городище было озеро, кладбище, место церкви, на острове сохранились следы двух въездов и сваи на месте бывшего моста [17, С.23]. Валы городища относительно хорошо сохранились. Ширина вала по вершине от 2 до 6 метров, а у основания — от 6 до 9 метров. Высота валов от 1 до 3 метров. Длина периметра городища по валу около 900 метров. Общая высота городища над уровнем озера 8–12 метров.

Судя по сохранившимся следам, крепость (во второй половине XVII века) имела четыре угловые башни, две воротные и две дополнительные башни на восточной и западной сторонах. Еще одна, девятая, башня, видимо, находилась на южном прясле. Местонахождение этой девятой башни подтверждается описанием Гейденштейна: «...Прямо против нашего лагеря находились огромной величины три большерка: два самые крайние были из огромных бревен, средний, несколько меньший, все они, равно как большерки и других сторон, были снабжены окнами и были удобны для стрельбы из пушек» [8, С.151].

Башни, за исключением надвратных, были, видимо, круглыми, т.е. многогранными, и на половину своего диаметра выступали за линию крепостной стены. Башни расположены более или менее равномерно вдоль прямолинейных стен крепости, что обеспечивало приблизи-

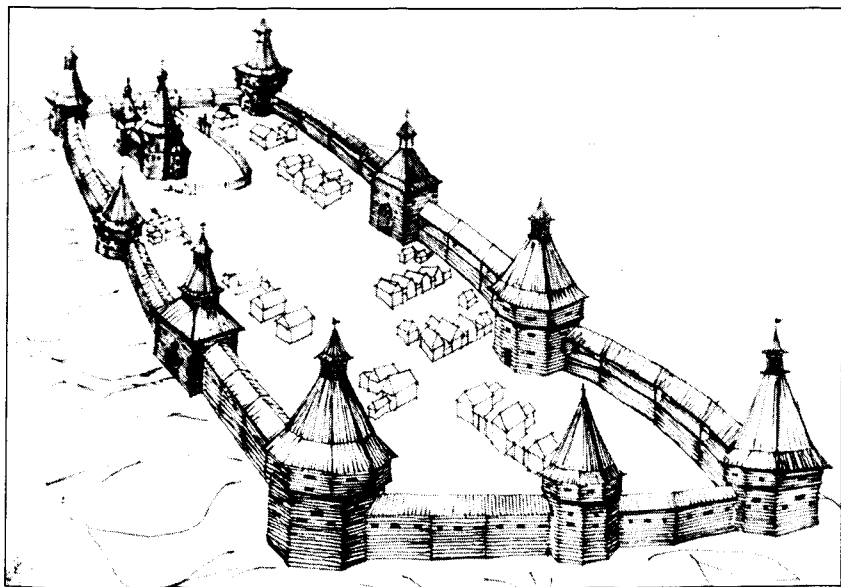

Рис. 22. Город Заволочье (реконструкция)

тельно одинаковую огневую мощь по всему периметру (рис. 22) [16, С.241].

Глубина угловых ям, где стояли башни, от 1 до 2 метров, диаметр западной угловой башни — 10 метров, южной — 15 метров, северной угловой — 10 метров, восточной угловой — 12 метров. Все стены и башни, так же как и вся застройка внутри крепости, были деревянными. В башне на восточной стороне крепости, судя по форме ямы, вероятно, был тайник для водоснабжения.

На площадке городища имеются четыре ямы, почти круглые в плане. Одна из них, находящаяся ближе к северо-западной стороне городища, имеет диаметр 10 метров и, по преданию, представляет собой остатки порохового погреба. Три другие ямы значительно меньше и, вероятно, позднего происхождения, возможно, следы авиабомб. Хорошо видны следы двух дорог с восточной стороны (напротив остатков деревянного моста, соединявшего остров с берегом) и с западной. В источниках упоминается только один мост — с востока; очевидно, с запада моста не было и, значит, западные ворота играли роль запасного выезда и служили для вылазок из крепости на случай осады. Остатки моста

в виде деревянных свай видны в летнее время, когда уровень воды в озере понижается.

Известно, что этого моста уже в 80-х годах XIX века не существовало.

У южного угла городища напротив угловой башни имеется так называемая «Литовка» — насыпь, по которой в летнее время можно перейти на остров. Ширина насыпи 20–30 метров, длина — 70 метров. «Литовка» (а ее искусственное происхождение не вызывает сомнений) появилась неизвестно когда, но во время осады 1580 года ее еще не было, поскольку Р.Гейденштейн и С.Пиотровский отмечали, что крепость окружена водой со всех сторон и к ней нет подхода по суше. За «Литовкой» на материке заметны небольшие насыпи, по преданию, это остатки каких-то древних укреплений.

На восточной стороне склона, у самой подошвы, из земли торчат две деревянные трубы диаметром 10–12 сантиметров. Трубы осиновые, состоят из двух сложенных вместе желобов. Концы труб хорошо сохранились благодаря тому, что большую часть года находятся в воде. Вероятно, это остатки деревянного водостока (рис. 23).

На поверхности городища, особенно ближе к центру, встречается подъемный материал: фрагменты керамики, обломки кирпичей, куски зеленого поливного изразца, глиняные рыболовные грузила и пр. В основном эти предметы относятся к XVI веку [57, С.99].

По остаткам построек (разбросанные камни, холмик с обломками кирпича) как будто прослеживаются две линии улиц, проходивших параллельно линии западного вала. Возможно, что на месте этого холмика стояла Покровская церковь, построенная одновременно с

Рис. 23. Остатки водосточных труб на городище Заволочье

крепостью и упомянутая в летописи: «...и церкви постави Покров святой Богородицы, а приделы Иоанна Оусекновение главы да Георгия» [56, С.108].

Городище Заволочье представляет собой хорошо сохранившийся памятник русского военного зодчества XVI в. [57, С.97–99].

Следует отметить, что до сих пор (до конца 1970-х годов. — *Ред.*) этот памятник не подвергался систематическому археологическому изучению, а также и архивные документы ЦГАДА об этой крепости почти не исследовались.

Предместье, или же посад, находилось на восточном берегу озера Подцо, напротив крепости. Посад образовался одновременно с крепостью. Летопись, отмечая построение нового города в 1536 году, упоминает и о посаде: «...и двory Ржевские велел перевести» [67]. Есть и другой вариант летописной записи о построении заволоцкого предместья: «...и посажан свел на Заволочье, и повелено им там двory ставити» [56, С.108]. Видимо, переселенцы из заброшенного города Ржева Пустая составляли основное население предместья. О месте нахождения заволоцкого посада и об укреплениях его узнаем из описания города, сделанного воеводой Иваном Окуневым в 1636 году, в котором сказано: «...Около всего городища обошло озеро Подцо. Сквозь озеро Подцо, промежи городского валу и посаду, прошла Великая река, в ширину вода от города до посаду, где преж сево большой городской мост был, 81 сажень. А мост преж сево был на городнях. На посаде был вал от литовских людей войны, острог, около острогу ров в ширину дву сажен, глубина сажень, и тот ров осыпался»^{*}.

В другом документе 1692 года упоминается заволоцкий посад: «...Да во Ржеве ж Пустой в Заволочье служивых и не служивых людей и всяких чинов люди живут на посаде за Великою рекою, а не в городе»^{**}.

Есть упоминание о посаде и в «Топографических известиях» [66, С.358–364].

Крепостная система посада была уничтожена самими русскими перед приходом под Заволочье поляков. Уничтожение укреплений посада отмечено Р.Гейденштейном: «...При приближении короля к Лукам крепостное войско разрушило город Заволочье, находившийся по дороге в Псков и Луки, и поломало мост, ведущий из крепости к городу» [8, С.78].

Видимо, это было сделано в целях большей безопасности самой крепости.

Поскольку в письменных источниках нет указаний о восстановлении деревянных укреплений посада, уничтоженных перед приходом под Заволочье отряда Яна Замойского, видимо, они больше не отстраивались.

^{*} ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Новгородский стол, стлб. 78, л.44–45.

^{**} ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Дела разных городов. Кн.62, л.622–626.

Из описания города, сделанного И.Окуневым в 1636 году, видно, что посад был окружен земляным валом. На валу был острог, за валом — ров глубиной сажень и шириной две сажени. Ко времени же составления описания Заволочья от деревянных укреплений посада ничего не оставалось: «...А ныне около посаду острогу нет. А на старом посаде живут стрельцы и всякие люди в своих дворах»^{*}.

На месте бывшего предместья расположена деревня Заволочье. Через деревню проходит дорога из Пустошки на Щукино. Место, занимаемое деревней Заволочье, представляет из себя небольшую возвышенность, постепенно понижающуюся к озеру Подцо.

С двух напольных сторон — северной и южной, предместье было ограждено рвами, соединявшимися с озером Подцо. Остатки заплывших илом рвов сохранились до настоящего времени. Ров, отделяющий территорию бывшего предместья с северной стороны, сохранился; протяженностью он около 60 метров, ширина его 5–7 метров. Ширина рва, отделяющего предместье с южной напольной стороны, в среднем 4–5 метров, русло его похоже на полупересохшую небольшую речку, берущую свое начало в соседнем болоте.

На территории бывшего предместья, в восточной части его, есть кладбище, на котором сохранились остатки фундамента бывшей церкви, разрушенной в годы Великой Отечественной войны (1941–1945), и каменный крест XVI века.

С третьей напольной, восточной, стороны бывшее предместье ограждено глубоким рвом.

Землянные валы, упоминаемые в описании 1636 года, не сохранились, по-видимому, были распаханы. Примерная площадь бывшего посада 500×600 метров, культурный слой от 50 до 70 сантиметров.

На огородах деревни Заволочье встречается подъемный материал: фрагменты керамики и т.д., относящиеся к XVI–XVII векам.

Укрепления посада никакой роли в войне с Баторием не сыграли.

Всю историю оборонительной системы крепости в Заволочье можно подразделить на два основных периода или этапа. Первый этап начинается со времени основания крепости и до разрушения ее поляками в 1612 году, второй — с 30-х годов и до конца XVII века.

Об оборонительной системе крепости Заволочье на первом этапе ее существования также находим сведения в описи города, составленной Иваном Окуневым в 1636 году по указу царя Михаила Федоровича.

^{*} ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Новгородский стол, стлб. 78, л.31–45.

Указом предписывалось сделать подробное описание к тому времени уже разрушенных деревянных крепостных стен города, всех его бывших крепостных сооружений. Описание крепостной системы было необходимо для составления сметы на восстановление крепости в Заволочье. Правительство требовало от воеводы сообщить, далеко ли от города лес, сколько потребуется лесоматериала на полное восстановление крепости, сколько стрельцов в Заволочье и прочих служивых людей и т.д. В документе говорится: «...Каким обычаем в Зоволочье город или острог учинен был и какими крепостями город или острог укреплен был и измерити, сколько в старом городище вдоль и в ширину померяно сажен, и сколько сажен в воротах и в башнях и в стенах, и что около всего старого городища по мере сажен и сколько было у города ворот и проезжих и глухих башен, и какие около города и острогу крепости учинены были»^{*}.

В описи дано сведение о бывшей крепости, а также перечень работ и указано необходимое количество материалов для восстановления крепости в прежнем виде, то есть такой, какой она была до уничтожения в 1612 году. Из описания города, составленного И.Окуневым, следует, что крепость имела трое ворот. Восточные ворота 12×6 сажень были главными, через них крепость сообщалась с посадом. Они были двойными, имели с двух сторон в поперечном сечении захаб, протяженность их составляла 12 сажень, в продольном — 6 сажень. Над воротами был четырехугольный раскат, длина каждой стены раската составляла 5 метров. Вторые ворота были на западной стороне крепости. В третьих воротах, находившихся на восточной стороне, имелся водяной тайник. В городе был пруд-копанец, размеры его 42×9 сажень, погреб и колодец. В описи И.Окунева отмечено, что крепостная стена представляла собой острог — стоячий тын с пятью башнями, а длина периметра крепостных стен составляла: «...И всего около старого городища Заволочья от больших ворот городских ворот по осыпи да тех же ворот в пряслах 434 сажени, да в троих воротах и в тайнике 17 сажен, да в захаве у ворот 12 сажен, да в пяти башнях 28 сажен»^{**}. Таким образом, весь периметр стен был равен 489 саженям.

В указанной описи И.Окунева перечисляются башни и их наименования: наугольная башня — Веригина, Покровская — носила имя городского храма, Гнилинская, наугольная Вешняковская башня, нау-

^{*} ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Новгородский стол, стлб. 78, л.31–45.

^{**} ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Новгородский стол, стлб. 78, л.31–45.

гольная Пыташная башня. Таким образом, видно, что крепость имела кроме угловых еще надвратную, а всего пять башен.

У Покровской башни длина стены 4 сажени, у Гнилинской — 4 сажени, у Вешняковской башни длина сторон по 5 сажень 7 вершков. Под нею был колодец, видимо, она стояла на восточной стороне. Башня Веригина наугольная, длина ее сторон по шести сажень*.

На восстановление Веригиной башни по смете требовалось леса: на сруб стен — 100 бревен длиной 6 сажень 7 вершков, на мост в башне — 156 бревен, всего 298 бревен и 336 тесниц (доски для крыши). Это была самая большая башня. Видимо, она стояла на стыке восточной и южной сторон. Сруб башни должен был состоять из 25 венцов высотой примерно 5–6 метров, а высота с шатровой крышей — доходить до 8–9 метров. Мост был на городнях — устоях, длина его 81 сажень**.

Всего по смете на восстановление крепости Заволочье — ворот, башен, стоячего острога, моста, погреба, тайника и пр. требовалось заготовить разной длины и объема 7861 бревно.

Ко времени составления воеводой И.Окуневым «Описи...» в 1636 году в Заволочье было 250 стрельцов, стрелецкий голова и три сотника. В городе кроме крепостных сооружений стояли административные и культовые здания: изба воеводы, церковь, клетки и пр. В крепости жил только воевода и его ближайшие помощники. Стрельцы, пушкари и прочие, как это видно из описи, жили на посаде.

Город, окруженный со всех сторон водами озера Подцо и реки Великой, был исключительно хорошо защищен естественным путем. Заволочье принадлежит к городам островного типа. Форма же острова в основе соответствовала в плане регулярным крепостям, появившимся во второй половине XV — начале XVI в. на Руси [16, С.95].

В очертании крепости, судя по плану, лежит четырехугольная основа. Некоторые отклонения от прямоугольника обусловлены естественным очертанием — формой острова. Четырехугольная планировка, почти равномерное размещение боевых башен по всему периметру крепостных стен позволяет отнести Заволоцкую крепость к наиболее типичным крепостям московского этапа обороны, к крепостям, построенным и реконструированным в конце XV — первой половине XVI века [47, С.163].

* ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Новгородский стол, стлб. 78, л.45–56.

** ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Новгородский стол, стлб. 78, л.31–45.

Кроме четырех угловых башен, пятая башня в крепости была над восточными воротами.

Крепость Заволочье по своему плану похожа на крепость Иван-город, построенную в одну эпоху с Заволочьем. Эта крепость со своей строгой геометрической планировкой, равномерным расположением на стенах боевых башен, крепостных ворот, окруженная со всех сторон водой и находящаяся на высоком холме, напоминала мощный, стройный и неприступный замок.

Боевые башни были расположены так, что пушечной стрельбой из них наступающий противник поражался в любой точке примыкающего к крепости пространства. Боеспособность Заволоцкой крепости отметил Р.Гейденштейн: «Таким образом, взята была без разрушения твердыня весьма крепкая от природы и снабженная всем нужным для защиты» [8, С.160].

Заволоцкая крепость по боеспособности превосходила Островскую крепость. Превосходство ее заключалось, главным образом, не в том, что она занимала почти в два раза большую площадь, а в строго геометрической планировке, что исключало наличие так называемого мертвого пространства у стен крепости. Островская же крепость имела округлую форму, отмеченную еще Баторием при осмотре ее. Это было использовано при штурме [8, С.160].

Система укреплений в Заволочье имела земляную основу, что отмечено в летописи: «...Велел князь великий поставити во Ржевском на Литовском рубеже град землян» [60, С.291].

Земляная крепость в Заволочье была одной из первых земляных крепостей, появившихся на Руси в первой половине XVI века [68]. Земляные крепости отличались исключительной боеспособностью. За земляными выступами, которые огибали башни с внешней стороны, по-видимому, размещались стрелки, открывающие огонь по наступающему противнику. Наличие земляных выступов позволяло вынести линию обороны максимально вперед. Таким образом, огневая мощь крепости значительно повышалась. Заволоцкая крепость принадлежит к первым крепостям Московского государства, имевшим земляные выступы-бастионы.

На протяжении всей истории существования крепости в Заволочье в ее основе оставалась первоначальная планировка. С усилением осадной артиллерии большая огневая мощь крепости достигалась путем увеличения числа боевых башен и реконструкцией стен. При пере-

стройке крепостей стали учитывать в XV–XVI веках необходимость отражения противника на любом пространстве, примыкающем к городу. Крепости, не отвечавшие новым требованиям обороны, усиливались путем увеличения количества боевых башен. Так, во второй половине XVII века, как это видно из описи города 1692 года, крепость Заволочье вместо пяти боевых башен имела уже девять*. Следовательно, крепостная система в Заволочье во второй половине XVII века была реконструирована.

«В Ржеве Пустой город Заволочье мерою с лица стены городова без башен триста пятьдесят сажен два аршина, трехаршинною мерою. Девять башен больших и малых с лица мерою восемьдесят четыре сажени с полуаршином, трехаршинною мерою. И обоего городова стена, и з башнями по лицу четыреста тридцать четыре сажени полтретья аршина. Да по городу проезжие, да третьи глухие, на одних воротах раскатец малой. Да в тех же девяти башнях пять башен больших, мерою башня в середине по полшесты сажени, трехаршинною мерою, круглые. Да четыре башни малых, мерою башня в середине по три сажени с аршином, трехаршинною мерою, круглые ж. Да в тех девяти башнях недоделано три башни и стена городова не вся покрыта.

В городе колодез мерою пять сажен, трехаршинною мерою. Да в городе озерко в длину тридцать шесть сажен, трехаршинною мерою. А во озерке и в колодезе вода свежа и в осадное время осадным людям скудно в городе водою не будет. Да около города Ржеве Пустой Заволочье с трех сторон озеро Подцо, а по четвертую сторону идет Великая река сквозь озеро Подцо и через тое Великую реку мост от посаду в город мерою в длину шестьдесят сажен, поперек четыре сажени, трехаршинною мерою, да в городе Заволочье церковь Покрова пресвятыя Богородицы недостроена, деревянная. Да и в городе ж погреб казенной зделан в земли деревянной, мерою в середине, в длину четыре сажени, трехаршинною мерою. Да в городе же приказная изба. Да по Ржеве ж Пустой люди живут на посаде за Великою рекою, а не в городе»*.

Заволочье принадлежит к крепостям московского этапа обороны, начинающегося с конца XV века и характеризующегося следующими отличительными особенностями: расчет на полное господство огнестрельного оружия в военном деле. В связи с этим — строго геометри-

* ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Дела разных городов. Кн.62, л.622–626.

ческая регулярная форма планировки крепости, у которой все стороны стен одинаково укреплены и снабжены боевыми башнями. В качестве строительного материала вместо деревянных сооружений все большую роль играют земляные укрепления (бастионы, валы) [57].

Следует учесть, что изменилась и политическая ситуация — теперь не столько ведется оборона, сколько наступление против Литвы и Ливонии.

За двухсотлетнюю историю своего существования Заволоцкая крепость переживает два этапа: первый охватывает время от ее основания в 1536 году и до 1612 года, второй — примерно с начала и до конца XVII века. На первом этапе Заволочье имело две крепости: главную на острове озера Подцо и вторую — укрепленное предградье. Крепость на острове была гораздо лучше защищена естественными преградами, а поэтому ее поддержанию, восстановлению оборонительной системы уделялось главное внимание. Вторая крепость — предградье, ее земляные и деревянные укрепления не могли противостоять пушечной стрельбе, а поэтому, видимо, после разрушения деревянных укреплений в 1580 году они больше не восстанавливались.

Заволоцкая крепость наибольшую роль в обороне сыграла во время войны с Баторием, но и в XVII веке ее значение в обороне еще весьма значительно, что подтверждается рядом документов, в которых говорится о необходимости восстановления крепости. Важность этой крепости определялась тем, что она стояла на водном пути — на реке Великой — и сухопутном пути из Литвы на Псков и Новгород [47, 70].

Население Заволочья

Территорию, занимаемую Пусторжевским уездом и городом, в основном составляли земли водораздела рек Великой, Ловать и Западной Двины. После выхода Псковского княжества из подчинения Новгороду часть земель вошла в состав Шелонской пятины Новгородского княжества, другая часть отошла Пскову [2, С.125]. Ржевская, или Пусторжевская, территория в XV веке состояла из двух погостов: Бардовского и Ашевского. Порубежные с Литвой земли Новгородской и Псковской республик отличались наличием больших лесов, рек, озер и непроходимых болот [29, С.328].

Благоприятные природные условия способствовали довольно плотному заселению этих мест как в древности, так и в XVI веке. Значи-

тельная плотность населения в Пусторжевском уезде отмечена, в частности, Р.Гейденштейном, ибо эта земля «не уступает никакой другой по хорошему качеству и плодородию почвы, по изобилию выгодно расположенных рек и озер и по многочисленности деревень» [8, С.98–99].

Первыми жителями посада в Заволочье были переселенцы из Ржевы, о чем узнаем из летописи. О социальном составе, занятиях населения, особенно в ранний период истории города Заволочье, имеется мало сведений, но и по скудным данным все же можно составить общее представление о жителях города.

Заволочье — город пограничный, в основном военный, в нем, в отличие от Воронича и Опочки, не были развиты ремесла и торговля. Основное население города составляли военные: стрельцы, пушкарки, казаки, а также ямщики, рассыльщики и др.

Возможно, что до разорения Заволочья во время Ливонской войны имелось незначительное количество лавок, существовало несколько дворов торговых людей и ремесленников, но после нашествия войск Батория город по социальному составу населения походил на Себеж и Красный, т.е. в нем жили в основном военные, причем они жили со своими семьями не в крепости, а в предместье*.

В результате Ливонской войны в пограничных городах наступило полное разорение. Дворовые места посадских людей обратились в огороды стрельцов, пушкарей, попов и др. [29, С.326]. Видимо, пушкарки, стрельцы, рассыльщики и прочие, жившие на посаде, занимались огородничеством и скотоводством. О составе населения Заволочья в XVII веке узнаем из ряда документов. Так, на имя царя Алексея Михайловича была направлена челобитная никольским попом Иваном от имени рассыльщиков, ямщиков, пятидесятников, десятников и рядовых стрельцов с просьбой восстановить поскорее крепость на старом городище и снабдить ее нарядом, свинцом и прочим. Свою просьбу челобитники обосновывают тем, что «литовский рубеж» рядом, а укрыться от литовских, немецких и воровских людей негде. В челобитной напоминают царю, что негде заволочанам укрыть детей, женщин и имущество на случай прихода врагов. Челобитную кроме попа Ивана подписали Афонька Мерзляков, Филька Васильев, Оська Яковлев**.

* ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Новгородский стол, стлб. 78, л.45.

** ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Новгородский стол, стлб. 87, л.17–18.

По переписи 1678 года в Заволочье посадских и бобыльских дворов не было, стояло всего 4 двора каких-то жителей [55, С.163–164]. Видимо, в них жили приказные люди.

В конце XVII века все население города, а его в основном составляли военные, жило на посаде. По описанию города в конце XVII столетия состав населения был следующий: два подьячих (Петр Терентьев сын Горбачев и Павел Дмитриев сын Терешников), 16 человек рассыльщиков, которые жили не в городе, а на посаде, двое воротников. О них сказано, что жалованья им «не учинено и земли не дано». Тринадцать человек охотников, видимо, жили на посаде. Здесь же, на посаде, жили десять человек посадских, один сотник (Козьма Калинин сын Онимахов), пятидесятники (10 человек) и десятники. Всего заволоцких стрельцов, пятидесятников, десятников, рядовых насчитывалось сто человек. «И те грацкие жители, посадские люди и стрельцы живут на посаде, а не в городе за Великою рекою за мостом»^{*}.

Таким образом, на основании приведенного документа можно сделать вывод, что на посаде в Заволочье в основном жили люди служивые, а посадские составляли примерно десятую часть населения. О занятии их ничего не сказано, но всего вероятнее, что их занятием было главным образом огородничество и рыбная ловля. Город не имел дворянства — «дворяне и дети боярские в Заволочье не ведомы, а ведомы в иных городах»^{**}.

Примерно таким же оставался состав населения и в XVIII веке, хотя после Северной войны крепость потеряла оборонное значение, и в ней больше не содержался и воинский гарнизон. Это привело к запустению и безлюдству на посаде. С составом населения во второй половине XVIII века в предместье Заволочья знакомят данные 1760 года, присланные Воеводской канцелярией в Петербургскую Академию для географического описания Российской империи: «...Обыватели не имеют никаких промыслов, потому что купечества в населении нет ни одного человека, а жительствоуют только одни отставные солдаты и рассыльщики. Ярмарок не бывает, но только временем приезжают города Торопца купцы с суконными и шелковыми товарами и продают оные на квартирах» [66, С.358–364].

^{*} ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Дела разных городов. Кн.63, л.622–626.

^{**} ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Дела разных городов. Кн.62, л.622–626.

По сведениям 1872–1877 годов в Заволочье насчитывался 21 двор с населением обоего пола 147 человек. Видимо, по традиции оно еще названо пригородом*.

В дальнейшем предместье стало незначительным населенным пунктом.

Уезд Пусторжевский занимал довольно большую территорию. Его составляли двенадцать станов: Подгорный, Астреской, Кудеверской, Алянской, Туровской, Аршанской, Ашевской, Полиской, Барутской, Влицкой, Аполинской, Пятницкой [66, С.38–364].

После выхода Пскова из подчинения Новгороду (1348) земли Пусторжевского уезда входили в состав Шелонской пятины Новгородской вечевой республики. Территориально-административным центром пусторжевского края был город Ржева. Но часть территории уезда (на юго-западе) входила в состав Псковской республики. С 1536 года уездным центром этих земель стал город Заволочье [56, С.108].

Социальный состав и род занятий сельского населения в Пусторжевском уезде были примерно такими же, как и в других местах Псковской и Новгородской республик.

Историк Б.Б.Кафенгауз отмечает, что основное население Псковской республики составляли ремесленники, крестьяне-изорники и смерды [33, С.133].

Б.Б.Кафенгауз считает, что изорники являлись феодально-зависимыми людьми, которые «сидят» на землях светских и духовных феодалов. Известно, что земли на Псковщине в основном принадлежали боярам, посадникам, монастырям и церквям. В XVII веке в Пусторжевском уезде имелись и земли дворцовые, что подтверждается описями города Заволочье. В описях 1660–1690-х годов отмечается, что в строительстве крепости кроме служилых людей, духовных лиц и прочих принимали участие и дворцовые крестьяне Вязовской волости**.

Зависимость крестьян от светских и духовных феодалов выражалась в продуктовой ренте, а также в выполнении некоторых повинностей (поставка подвод феодалу, постройка мостов, ремонт дорог и проч.). В количественном отношении рента была не одинаковая, так, говорится о четвертом, пятом снопе [33, С.133]. Самыми развитыми отраслями в сельском хозяйстве являлись земледелие, скотовод-

* ЦГАДА. Ф.210. Список населенных мест Псковской губ. по сведениям 1872–1877 годов.

** ЦГАДА. Ф.210. Разрядный приказ, Новгородский стол, стлб. 169, л.2–3.

ство, огородничество, садоводство и рыбная ловля. Наличие многочисленных озер и рек, а также обилие рыбы в них позволяло значительной части населения заниматься рыболовством. В уезде насчитывалось 20 озер, 13 рек и речек, в том числе несколько больших: Луче, Усвеча, Лосно, Береза, Подцо, Быстрое, Верято и др. [66, С.358]. Следует отметить одну особенность пусторжевского края: здесь, в отличие от Пскова, было мало ремесленников-каменщиков, так как каменное строительство почти не велось.

В Пусторжевском уезде главной сельскохозяйственной культурой являлся лен. Широкое распространение посевов льна на Псковской земле вообще в XVI столетии и высокое качество его отмечает М.Н.Тихомиров [29, С.320]. Кроме льна сеяли рожь, овес, коноплю и др. [66, С.358].

Большую роль в сельском хозяйстве играло животноводство. Ведущее место занимало разведение крупного рогатого скота.

Землевладение в Пусторжевском уезде в XVI столетии было таким же, как и в других уездах Псковской земли. Для псковского края было характерно мелкое помещичье землевладение, имения были небольших размеров.

Кроме помещиков землей владели дети боярские, пушкарки, ямщики, церкви. Размеры церковных владений были весьма незначительны [29, С.321–322].

Исследователи сельского хозяйства в псковском крае отмечали, что тяжелое положение крестьян объясняется разорением их во время Ливонской войны. Особенно пострадали в этот период пусторжевцы, так как они испытали на себе всю тяжесть двухлетней оккупации. Тяжелое положение крестьян объясняется еще и тем, что они часто использовались на строительстве крепостей [81].

Географическое положение Пусторжевского уезда не благоприятствовало экономическому подъему, так как граница с Великим княжеством Литовским и Ливонией приводила к частым военным столкновениям. Войны подрывали хозяйство края.

Заключение

Изучение истории обороны городов, построенное на использовании исторических, археологических, географических отечественных и иностранных источников, дало возможность прийти к некоторым общим

выводам относительно развития военного строительства на псковско-литовском рубеже, а также исследовать роль крепостей Псковщины в защите Псковской земли и Русского государства от интервенции в XIII–XVII веках.

В результате изучения забытых и более известных крепостей юга Псковской земли удалось выявить три основных строительных этапа:

1. Новгородский этап — XII–XIV века.
2. Псковский этап — XIV–XV века.
3. Московский этап — конец XV–XVII век.

Были проведены археологические изыскания, открыты, зафиксированы и изучены неизвестные ранее четыре крепости. Три — относящиеся к новгородскому этапу: Дубровы, Красивая (Красная) Горка, Городок, и одна крепость, относящаяся к псковскому этапу — Удриха (Новое Коложе).

Кроме того, определено расположение псковского пригорода Черница и уточнено местонахождение новгородской крепости Ржевы.

Установлены границы предградий — посадов в Велье и Заволочье.

У наиболее значительных городов, в первую очередь у пригородов, существовали предградья или посады, которые представляли собой вторую линию обороны. Укрепленные предградья существовали в Опочке и Заволочье.

На посадах или в предградьях жило в основном торгово-ремесленное население города, иногда и стрельцы.

Посады, в силу их расположения, часто именовались Нижним городом (например, в Опочке).

Понятие город близ «литовского рубежа» подразумевает крепость с территориально-административным и военным центром. В нем, как правило, располагался военно-административный аппарат, местное войско, сосредоточивались также запасы продовольствия и боеприпасов.

Исследования показали, что юго-запад Псковской области гораздо богаче древнерусскими памятниками военно-инженерного зодчества, чем ранее предполагалось.

После присоединения Пскова к Русскому государству решающее влияние на весь ход развития обороны, в том числе и на «литовском рубеже», оказывала Москва.

На оборонное зодчество на юго-западе Псковской феодальной республики некоторое влияние оказывали западноевропейские страны. В частности, влияние зодчества соседних стран сказалось на постройке каменных крепостных стен в Велье.

Юго-западный оборонительный рубеж, в основном сложившийся после выхода из подчинения Новгороду, сыграл весьма важную роль в защите от иноземцев не только Пскова, но и всей Русской земли.

Крепости на границе с Литвой, построенные в эпоху независимости Псковской феодальной республики, сыграли решающую роль в период становления Русского государства, то есть на втором этапе их существования.

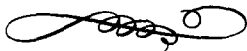
Литература

1. *Ключевский В.О.* Сочинения. — Т.2. — М., 1957.
2. *Насонов А.Н.* Русская земля и образование территории древнерусского государства. — М., 1951.
3. *Васильев М.Е.* Городок Черница // КСИА. — Вып.135. — М., 1973.
4. Псковские летописи: В 2 т. — М.-Л., 1955.
5. Полное собрание русских летописей. — Т.4. — СПб., 1848.
6. Новгородская первая летопись. — М.-Л., 1950.
7. Полное собрание русских летописей. — Т.32. — М., 1976.
8. *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне. — СПб., 1889.
9. *Пиотровский С.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. — СПб., 1867.
10. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. — М.-Л., 1952.
11. *Герберштейн С.* Записки о московских делах. — СПб., 1908.
12. КСИА. — Вып. 81. — М., 1960. — С.91.
13. КСИА. — Вып. 150. — М., 1977. — С.96–97.
14. *Васильев М.Е.* Доклад о результатах раскопок городища Коложе в ЛОИА, 1976 г. (архив ЛОИА).
15. *Софийский Л.И.* Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем. — Псков, 1912.
16. *Раппопорт П.А.* Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X–XV вв. // МИА. Вып.105. — 1961.
17. *Годовиков И.Д.* Описание и изображение древностей Псковской губернии. — Псков, 1880.
18. Археологические открытия 1974 года. — М., 1975. — С.10.
19. *Костомаров Н.И.* Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада (История Новгорода, Пскова и Вятки) // Исторические монографии и исследования. — Т.8. — СПб., 1886.

-
20. *Ильинский Н.С.* Историческое описание г. Пскова и его древних пригородов. — СПб., 1790.
 21. *Миллер Г.Ф.* Географический лексикон Российского государства. — М., 1773. — С.225.
 22. *Барсов Н.П.* Российский географический словарь Русской земли XI–XIV вв. — Вильна, 1865.
 23. *Болховитинов Е.* История княжества Псковского: В 4 ч. — Киев, 1831.
 24. *Семенов П.П.* Географическо-статистический словарь Российской империи. — Т.1. — СПб., 1863.
 25. *Чечулин Н.Д.* Города Московского государства в XVI в. — СПб., 1869.
 26. *Харузин Н.Н.* Псков и его пригороды в период второй польской войны при царе Михаиле. — М., 1898.
 27. *Никитский А.И.* Очерки внутренней истории Пскова. — СПб., 1873.
 28. *Ушаков Ф.А.* Описание древних городищ, каменных крестов, мостов с отпечатками разных предметов в Псковской губернии. — Псков, 1897.
 29. *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. — М., 1962.
 30. *Косточкин В.В.* Русское оборонное зодчество в конце XIII – первой половине XVI в. — М., 1962.
 31. *Черепнин Л.В.* Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. — М., 1962.
 32. *Масленникова Н.Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. — М., 1958.
 33. *Кафенгауз Б.Б.* Древний Псков: Очерки по истории феодальной республики. — М., 1969.
 34. *Казакова Н.А.* Русско-ливонские отношения конца XIV – начала XVI в. — Л., 1975.
 35. *Галунова И.К.* Историческая топография Пскова XIV–XV вв. — М., 1971.
 36. *Кирпичников А.Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. — Л., 1976. — С.77–94.
 37. Полное собрание русских летописей. — Т.8. — СПб., 1859. — С.291.
 38. *Травин Л.А.* Опыт древней истории города Опочки. — Псков, 1879.
 39. *Неволин К.А.* О пятинах и погостах Новгорода в XVI в. — СПб., 1853.
 40. *Платонов С.Ф.* Далекое прошлое Пушкинского уголка. — Л., 1927.
 41. Труды Псковского археологического общества за 1913–1914 гг. — Вып.9–10. — Псков, 1914.
 42. *Белецкий В.Д.* Археологические открытия 1971. — М., 1972. — С.28–29.
 43. *Болховитинов Е.* Описание Святогорского Успенского монастыря. — Дерпт, 1821.
 44. *Тихомиров М.Н.* Список русских городов дальних и ближних // Исторические записки. — Т.40. — М., 1952. — С.2.
 45. Новгородская первая летопись. — М.-Л., 1950. — С.407.

-
46. Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. — М., 1975. — С.365–378.
 47. Косточкин В.В. Древние русские крепости. — М., 1964.
 48. Седов В.В. Длинные курганы кривичей. — М., 1974. — С.5, 37.
 49. Всемирная история. — Т.4. — М., 1958.
 50. Лаврентьев Г. Описание жизни и чудес преподобного и богоносного отца нашего Сергия Радонежского и всяя России чудотворца. — СПб., 1862. — С.95–97.
 51. Карамзин Н.М. История государства Российского. — Т.9. — СПб., 1895. — С.8.
 52. Скрынников Р.Г. Иван Грозный. — М., 1975. — С.27–28.
 53. Хроника Литовская и Жмойтская и Быховца. Летопись Баркулабовская, Аверки и Панцирного // ПСРЛ. — Т.32. — М., 1975.
 54. Максимович Л.М. Новый полный географический словарь Российского государства. — М., 1788–1789. — С.19–21.
 55. Голубцов И.А. К истории податной реформы 1679–1681 гг. // Исторический архив. — № 5. — М., 1959. — С.164.
 56. Псковская летопись. — Вып.1. — М.-Л., 1941.
 57. Васильев М.Е. Заволочье // КСИА. — Вып.144. — М., 1975.
 58. Карамзин Н.М. История государства Российского. — Т.8. — СПб., 1892. — С.21.
 59. Софийская летопись // ПСРЛ. — Т.6. — СПб., 1852.
 60. Воскресенская летопись // ПСРЛ. — Т.8. — СПб., 1859.
 61. Разрядная книга 1558–1605 гг. — М., 1924.
 62. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — Кн.3. — М., 1961. — С.662.
 63. Псковская третья летопись // ПСРЛ. — Т.4. — СПб., 1848.
 64. Мальцева А.Н. Россия и Белоруссия в середине XVII в. — М., 1974. — С.31.
 65. Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. — М., 1977. — С.92.
 66. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. — Т.I. — Ч.IV. — СПб., 1774.
 67. ПСРЛ. — Т.3. — СПб., 1886. — С.291.
 68. Кирпичников А.Н. Старая Ладога: Доклад в ЛОИА, 1975 (архив ЛОИА).
 69. Годунова И.О. Историческая топография Пскова XIV–XVI вв. — М., 1974.
 70. Алферов Г.В. Русские города XVI–XVII вв. — М., 1989.
 71. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. 2-е изд. — М., 1956.
 72. Спосок населенных мест Псковской губернии по сведениям 1872–1877 гг.: Центр. штаб. комитет при Министерстве внутр. дел. — СПб., 1885.
 73. Псковский край в истории СССР. Очерки истории Пскова. — Псков-Л., 1970.

-
74. *Кафенгауз Б.Б.* Вече в древнем Пскове // История СССР. — М., 1966. — № 6. — С.110–123.
 75. *Кафенгауз Б.Б.* Посадники и боярский совет в древнем Пскове // Исторические записки. — Т.33. — М., 1950. — С.172–252.
 76. *Кафенгауз Б.Б.* Восстание в Пскове в 1483–1486 гг. // Исторические записки. — Т.50. — М., 1955. — С.297–309.
 78. *Мавродин В.В.* Образование древнерусского государства. — Л., 1945.
 77. *Сташевский Е.* Смоленская война 1632–1634 гг. — Киев, 1919.
 79. Псков. Очерки истории. — Л., 1971.
 80. Псковская писцовая книга 1585–1587 гг., составленная Мещановым-Морозовым и Дровниным. — М., 1913.
 81. *Греков И.Б.* Краткий очерк истории русского крестьянства. — М., 1958.

— — — — —

«Минувшее проходит предо мною...» **(научно-исторические очерки** **о древностях псковского края)**

Предлагаемые очерки — это рассказ о древностях Пушкинского уголка псковского края. В курганах, культовых камнях, городищах, поклонных крестах заключена история этой исконно русской земли. Они хранят память о людях, поселившихся на берегах реки Великой и ее притоках еще во времена Киевской Руси, об их верованиях, ратных подвигах, об их «любви к родному пепелищу... к отеческим гробам». Пушкин всю жизнь занимался историей, внимание его всегда было обращено к духовному миру человека. Старина, конечно же, интересовала и друзей поэта. Н.М.Языков воспел эту древнюю землю: «В стране, где славной старины / Не все следы истреблены, / Где сердцу русскому донине / Красноречиво говорят / То стен полуразбитых ряд / И вал на каменной вершине...»

В библиотеке А.С.Пушкина есть книги по фольклору, истории, этнографии, археологии: «Летописец Русской от пришествия Рурика до кончины Царя Иоанна Васильевича», изданный в 1792 году; «Российская летопись по списку Софейскому» 1795 года; «Собрание разных песен» М.Д.Чулкова (СПб., 1770); «Сказания современников о Дмитриии Самозванце» Н.Н.Устрялова (на одной из книг историка, подаренных А.С.Пушкину, есть надпись: «Его высокоблагородию Александру Сергеевичу Пушкину. С отличным почтением сочинитель»); «Абевега русских суеверий, идолопоклонных жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шаманства» М.Д.Чулкова (М., 1786).

Была в библиотеке поэта и книга Николая Ильинского «Историческое описание Пскова и его древних пригородов», изданная в 1795 году. В ней даны сведения из летописей и других источников о псковских городах: Опочке, Острове, Велье, Пусторжеве, Ворониче и др. А.С.Пушкин знал труды Евгения Болховитинова «История княжества Псковского» и «Описание Святогорского Успенского монастыря».

В годы михайловской ссылки поэт имел возможность путешествовать по псковскому краю, народ которого хранил в своей памяти легенды и предания о царе Иване Грозном, «литовском разорении», о Смутном времени и пр. Немало интересного узнал Пушкин из рассказов своей любимой няни Арины Родионовны. Многие из услышанного нашло отражение в творениях А.С.Пушкина.

Первые укрепленные поселения

К самым ранним укрепленным поселениям и городам-убежищам в округе Михайловского принадлежат городища Савкино, Синичья Гора, Городок и Григоркино.

До недавнего времени считалось, что Синичьи Горы обрели широкую известность лишь с построением Святогорского Успенского монастыря в XVI веке. В действительности дело обстоит иначе. Городище Синичья Гора, где находятся могилы великого русского поэта А.С.Пушкина и его предков, упомянуто в Псковской летописи под годом 1566: «...Того же лета явися в Вороначщине, на Синичьих Горах, на городищи проща именем пречистые Богородицы, и многое множество прощение человеком всяким недугом начася». Упоминание Синичьей Горы как городища означает, что здесь когда-то стоял городец (небольшой городок), основанный задолго до построения монастыря.

С построением Святогорской обители там, где отроку Тимофею явилась чудотворная икона «Одигитрия» Божией Матери, как о том сказано в «Святогорской повести», это место вновь возродилось, и Синичьи Горы в народе стали называть Святыми.

По ряду признаков, присущих укрепленным поселениям домонгольского периода, на Синичьей Горе был небольшой городок уже в XI–XIII веках, который, по-видимому, служил местом убежища для жителей окрестных селений.

К остаткам искусственных укреплений бывшего городка, частично сохранившимся до нашего времени, относится традиционная дорога, которая с построением монастыря стала служить лестницей к Успенскому собору и фамильному кладбищу Ганнибалов-Пушкиных. Название городка пока не выяснено. Возможно, он носил одно имя с озером Таболенец (вариант — Тоболенец), находившимся в центре старого поселка.

Фрагменты керамики, найденные во время земляных работ у озера Таболенец относятся к XII–XIV векам. Они подтверждают существование городка на Синичьей Горе.

В пушкинское время в слободе Таболенец было всего 25–30 дворов. В переписи 1878 года приводятся данные о Святых Горах и слободе Таболенец: «В Святых Горах — мужской монастырь, две православные церкви, дворов — 4, жителей мужского пола — 15, женского нет. Есть водяная мельница, два раза в году проходят ярмарки». В слободе Таболенец был 51 двор, жителей мужского пола — 147, женского 168 душ,

одна почтовая станция, больница, сельское училище, богадельня и три постоялых двора. На горе Закат находилось управление Воронической волости.

В дальнейшем слобода росла и благоустраивалась главным образом за счет паломничества в Пушкинский уголок. В дневниковых записях К.А.Тимофеева, посетившего могилу А.С.Пушкина и Михайловское в 1858 году, дано описание могилы поэта: «Что за прелесть эти Святые Горы, покрытые рощами, пашнями, открывающие далекий вид на Новоржевский уезд. Прах Пушкина покоится за алтарем главной церкви Святогорского монастыря, возле самой монастырской ограды, мимо которой идет почтовая дорога в Новоржев. Старые липы осеняют белый мраморный памятник. Он стоит высоко на пьедестале и через каменную ограду виден с почтовой дороги. Железная решетка ограждает памятник: от нее шага четыре до церкви и столько же до стены.

Лицевая сторона памятника обращена к церкви. Если стоишь у церковной стены, прямо против памятника, то справа и слева сквозь ветви лип открывается очаровательная панорама гор, засеянных гречихой и льном...»

Перед академиком М.П.Розбергом, преподавателем Дерптского университета, побывавшим в 1856 году в Михайловском, Святых Горах, Тригорском и ехавшим сюда из села Александрова, картина здешних мест выглядела так: «...Дорога туда загромождена холмами, поднимающимися чем ближе, тем выше, довольно заметными уступами, до стен обители, которой главная церковь стоит на крутой горе, обросшей с подошвы до вершины густою, дремучею чащею деревьев, осененных золотым заключением креста. В лучах вечернего солнца он из-за темной зелени горел нам невечерним светом путеводной звезды, то скрывающейся за лесистыми возвышениями, то блестящей опять на далеком небосклоне; справа и слева расстилались неизменные волнистые долины, по которым, упираясь ломаными излучинами в обрывы, играет извилисто быстрая голубая Сороть...».

В десяти километрах от Святых Гор и шести от усадьбы Петровское находится культовое городище. Оно видно с холма от деревни Крылово, оттуда открывается вид на необозримые белогульские просторы, на переднем плане которых широко раскинулось озеро Белогуль, упомянутое в писцовых книгах XVII века. Проселки и тропы,

сбегающие с холма, как бы приглашают путешественника подойти ближе к озеру и подняться на легендарное городище, с древних времен называемое местными жителями Городок. Крутые склоны городища сплошь покрыты деревьями и кустарником, с южной стороны ведет ступенчатая дорога на площадку, в центре которой лежит темно-серый камень, где, по местному преданию, в древности стояла церковь.

Девяностолетняя жительница деревни Буруны баба Дуня сохранила в своей памяти предание: «...Слыхала от деда своего, что в старину на Городок гулять ходили, там церковь стояла, провалилась, значит, под землю ушла, когда Литва приходила. На острове Белогуле в старину монастырь был...».

С городища видна усадьба Воскресенское, принадлежавшая двоюродному деду А.С.Пушкина И.А.Ганнибалу, а вдаль на северо-востоке просматривается цепь холмов — это остатки древних крепостей Врева, Владимирца и Котельно, защищавших подступы к Пскову с верховья рек Сороть, Уды, Черехи. Рядом с усадьбой Воскресенское протекает ручей, соединяющий озеро Белогуль с рекой Сороть, на нем до 70-х годов XX века была водяная мельница.

В центре Пушкинского заповедника, на левом берегу реки Сороть, возвышается холм. Это один из древнейших памятников — городище Савкино, возле которого расположена маленькая деревенька того же названия.

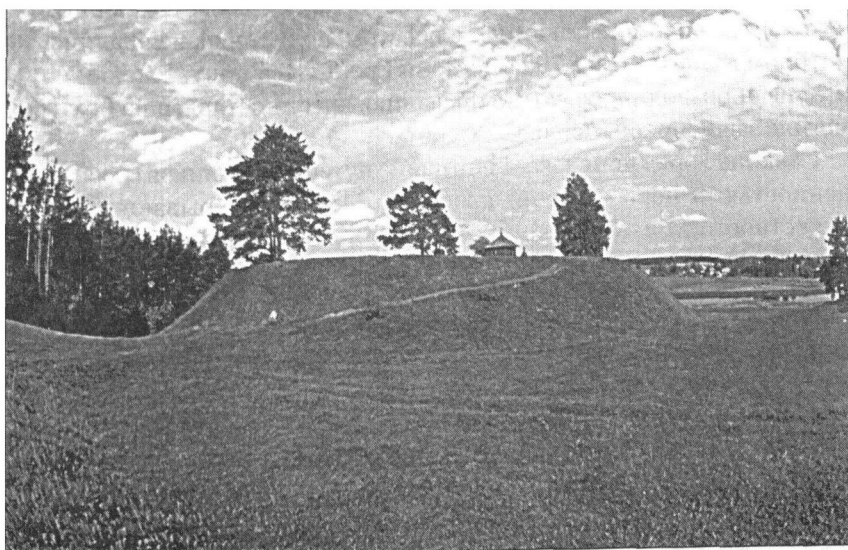
Многие краеведы, занимавшиеся изучением псковского края, считали Савкину Горку форпостом Воронича и датировали ее XIV–XVI веками. Л.И.Софийский, автор монографии «Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем», посвященной истории опочецкого края, пишет: «...Происхождение крепости, нам кажется, почти современно Воронежскому валу, потому что он оформлен так же, как Воронежский...». Другой псковский краевед Ф.А.Ушаков ошибочно считал городище Савкино насыпным.

В начале XIV века укрепленный городок в результате неприятельского нашествия или стихийного бедствия прекратил свое существование. Построенный на новом, более удобном в отношении обороны месте город Воронич стал его преемником.

По западному склону Савкиной Горки проходит хорошо сохранившаяся дорога, ведущая на площадку городища. В двухстах метрах от городища, на холме, была еще недавно заметна земляная насыпь, по ме-

Городище Городок

Городище Савкино

стному преданию, остатки скудельни, где похоронены защитники городка.

Археологические материалы, полученные В.Д.Белецким в результате раскопок 1969–1972 годов, позволили прийти к выводу, что на городище имеются следы жизни IX–XIII и конца XIV–XVI веков.

Савкина Горка была значительным укрепленным торгово-ремесленным центром. Это подтверждают многочисленные находки: лепная и гончарная керамика, предметы кузнечного ремесла, культа, украшения, рыболовные принадлежности. С напольной стороны площадку городища защищал земляной насыпной вал, остатки которого были обнаружены во время археологических раскопок.

Л.И.Софийский, ссылаясь на местное предание, высказал предположение, что на Савкиной Горке в древности был Михайлов монастырь.

В начале XX века на городище Савкино стояла ветхая часовня, которая в 20-е годы окончательно разрушилась. В 70-е годы XX века она была восстановлена музеем-заповедником А.С.Пушкина.

Ныне на Савкиной Горке сохранились каменный языческий идол, поклонный крест, несколько каменных крестов XIV–XVI веков.

Название «Савкина» закрепилось за горкой в связи с сохранившимся древним поклонным камнем с крестом, полустершаяся надпись на котором гласит: «Лета 7021 постави крест Сава поп». Раскопки под ним не производились, но, по преданию, крест поставлен на братской могиле защитников городка.

Савкина Горка привлекает внимание путешественников своей уединенностью и первозданной красотой. Отсюда открывается вид на окрестности Михайловского, на деревни Дедовцы, Зимари, бывшую усадьбу Дериглазово, имение Ганнибалов Петровское. А.С.Пушкин не раз бывал на этом городище, любовался сказочными далями и мечтал купить деревеньку. В 1831 году он из Царского Села писал хозяйке Тригорского Прасковье Александровне: «...К слову сказать, если бы я не боялся быть навязчивым, я попросил бы вас, как добрую соседку и дорогого друга, сообщить мне, не могу ли я приобрести Савкино, и на каких условиях. Я бы выстроил себе там хижину, поставил бы свои книги и проводил бы подле добрых старых друзей несколько месяцев в году. Что скажете вы, сударыня, о моих воздушных замках, иначе говоря о моей хижине в Савкине? — меня этот проект приводит в восхищение, и я постоянно к нему возвращаюсь» [ПСС, XIV, 184].

Городище Воронич

Городище Велье

Курганы, жальники и культовые камни

В рощах Михайловского, окрестностях Тригорского, возле озера Белогуль часто встречаются небольшие земляные насыпи, эти круглые и длинные курганы — захоронения славян-кривичей VII–X веков.

Могильники, насчитывающие по несколько десятков захоронений в курганах, находятся в михайловских рощах, за околицей села Велье, в лесу. Отдельные небольшие группы курганов встречаются и возле деревень Косохново, Кириллово, Осницы и др.

Поселения славян-кривичей в псковском крае появились во второй половине первого тысячелетия нашей эры. Напоминанием об этом служат сохранившиеся славянские могильники. Кривичи пришли сюда с территории бассейна Днепра и потеснили племя чудь к северу, на берега Чудского озера. О поселениях финского племени на Псковщине до появления славян свидетельствуют сохранившиеся финские названия рек, озер: Сороть, Исса, Кучане, Велье и др. Первые славянские поселения строились у рек, озер, на холмах, островах и полуостровах.

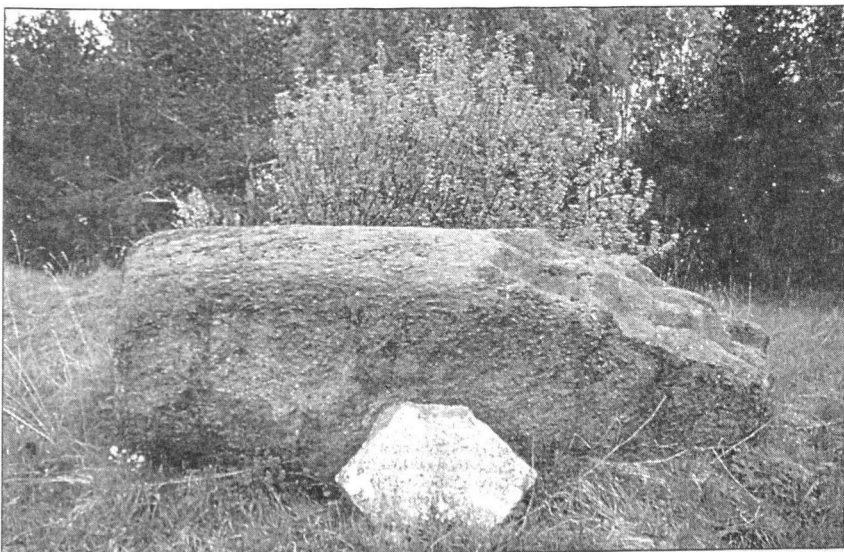
Встречаются в пушкинских местах также жальники — славянские захоронения переходного от язычества к христианству периода (XI–XV века). До недавнего времени были известны кроме одного жальника на городище Воронич еще три жальника в михайловских рощах, из которых два разрушены.

Летом 1985 года, во время археологической разведки, была найдена еще одна группа жальников возле озера Белогуль, на сельском кладбище, называемом местными жителями могильниками. Из двух десятков жальников, найденных на могильниках, неповрежденными оказалось всего шесть, остальные же уничтожены недавними захоронениями.

Жальники представляют собой невысокие круглые насыпи, обставленные вертикально камнями по периметру окружности. На одном из камней изображена стрела, обращенная острием к небу.

По данным работ известного историка А.Н.Насонова, наибольшее количество жальников, славянских захоронений было распространено в верховьях рек Великой, Иссы, Кудки, в Опочецко-Коложском районе.

Среди древностей Псковской земли выявлено немало культовых камней, которые привлекли внимание археологов, особенно в последнее время.

Культовый (жертвенный) камень из д. Марамоха

Озеро Белогуль — жальники

Съемка плана погоста с жальниковыми захоронениями в Бурунах (август 2001 г.). Слева — Глеб Васильев (сын М.Е.Васильева); в центре — М.Е.Васильев; справа — сотрудник музея-заповедника Г.Н.Горлов

Камни с выемками-углублениями, напоминающими чашу, обычно округлой формы, и камни с отпечатками следов человека, зверя, птицы принадлежат к группе камней-следовиков. Они встречаются чаще всего на обочинах старых дорог, на погостах, у водных переправ.

У славян почитание камней-следовиков уходит в глубокую древность, во времена язычества, но и в эпоху христианства сохранилось поклонение отдельным камням-следовикам. Отпечатки с изображением следов на этих камнях связываются с христианскими святыми Параскевой Пятницей, Богородицей и др.

Археолог А.А.Александров отмечает, что во многих местах Псковской области традиция почитания камней-следовиков сохранялась на протяжении веков. Имеются сведения о почитании культовых камней еще в XVIII и XIX веках.

Кроме культовых камней на Псковщине встречаются каменные идолы. В окрестностях Михайловского известны три каменных идола. Один был найден сотрудниками музея-заповедника А.С.Пушкина на Печанском погосте в 1969 году и для лучшей сохранности перевезен в Святогорский монастырь.

Жальники в окрестностях озера Белогуль

Идол представляет собой серый камень-плиту с размерами сторон 1,18×0,86 м. Лицевая сторона плиты выпуклая, верхняя часть ее похожа на голову человека, заметны плоский нос, слабо выраженные глаза, шея. В центре камня-идола на лицевой стороне хорошо заметен шестиконечный крест, на тыльной стороне имеется тоже крест, но менее заметный. По-видимому, в эпоху христианства каменный идол использовался в качестве намогильного креста-надгробия. Второй каменный идол находится на Савкиной Горке. Третий — на городище Воронич.

На святогорской земле сохранилось несколько культовых камней. Чашечный, перевезенный из деревни Марамоха Пушкинским заповедником в 1978 году, лежит у дороги Пушкинские Горы — Тригорское — Вече. На нем 12 круглых выемок, похожих на чашу. Предположительно это жертвенный камень языческого времени.

Марамохинский камень до перевоза находился за околицей деревни, на горке. В давние времена, по рассказам старожилов деревни, люди собирались к камню по праздникам.

Второй, особо известный и чтимый в народе «Богородицын» камень находился у дороги, соединявшей древний Воронич со Святыми Горами, на правом берегу реки Луговки (или Луговицы).

В 1990–2000 годах в процессе археологических разведок были обследованы еще три камня. Камень-следовик у деревни Дрозды (район села Велье) представляет собой плиту длиной полтора метра, на гладкой поверхности которой четко выделяются отпечатки двух детских следов. Камень-следовик лежит среди груды камней (возможно, древнее капище) на обочине старой дороги, соединявшей Санкт-Петербург с югом России и проходившей до середины прошлого века через Велье.

Другой камень-следовик найден на воронической земле преподавателем истории Печанской школы Мариной Алексеевной Федоровой, он находится за околицей деревни Ашитково. Камень округлой формы, размером 1,20×1,5 м; два небольших углубления с отпечатками босых стоп человека (на одном из следов виден отпечаток пяти пальцев) дополняются нечетко выраженными следами зверя и птицы.

В местном предании об этом камне рассказывается: «Давным-давно жителю деревни Ашитково приснился сон, что, если он перевезет этот камень в деревню, все станут счастливы. Наутро запряг мужик коня и

Ашитковский культовый камень-следовик

поехал за камнем. Вот вез, вез, а в гору конь не вытянул, пришлось этот камень под горой свалить. Вот и лежит он с тех пор там. Всякие люди ходили к нему, деньги бросали, а кто цветочки иль веночки...»

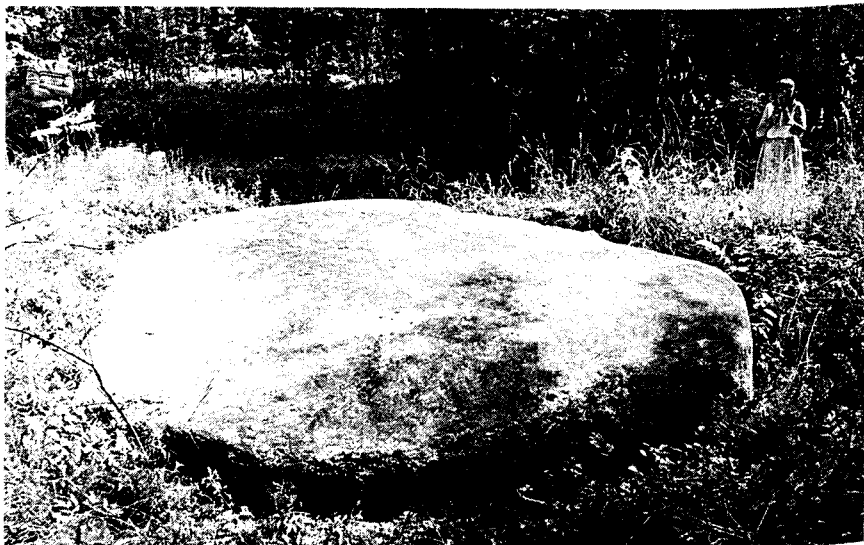
Ашитковский и «Богородицын» камни-следовики имеют много сходных черт: оба — объекты почитания, оба расположены были вблизи старой переправы (берег реки Луговки и спуск у реки Великой). Это может свидетельствовать об их духовной связи.

Третий, «Ашитков камень», обследован автором в 2000 году. Камень гладкий, с ровной поверхностью, его размеры 4,25×4,1 м.

В Красногорском районе (в бывшей Ильинской волости) находится Дедков камень, напоминающий по форме восьмиугольник.

Существует легенда, что возле камня убили старика. Убили его за копейку. С того времени камень стал пользоваться дурной славой. Старики рассказывали, что если около полуночи оказаться возле этого камня (особенно в нетрезвом виде), то черти сначала заставляют танцевать, а затем укладывают спать на этот камень. Были случаи, когда люди ночевали на этом камне в санях с запряженными лошадьми. Поэтому ночью люди стараются обходить камень.

Легенда о Дедковом камне записана преподавателем Велейской школы Т.А.Федотовой.

Дедков камень возле Ильинского

Крепость Воронич

Из всех пригородов Пскова Воронич, впервые упомянутый в Псковской летописи под 1349 годом, был самым большим. Крепость эту построили псковичи на левом возвышенном берегу реки Сороть, неподалеку от места впадения ее в Великую. Воронич защищал переправу на Сороти и водный путь на Псков, а также древний сухопутный тракт, связывающий Литву и Западную Европу с Москвой. Город упомянут в труде барона С.Герберштейна в «Записках о московских делах». Их автор в 1516 и 1526 годах в качестве посла Священной Римской империи посетил Москву. В задачу Герберштейна в обоих случаях входило примирить московского князя Василия Ивановича с польским королем Сигизмундом, между которыми продолжался многолетний спор из-за пограничных земель. В «Записках о московских делах» дано подробное описание пути от Кракова до Москвы, проходившего через Вильно, Дриссу, Полоцк, псковские города Опочку, Воронич и далее на Порхов, Новгород и Москву.

Картина ландшафта, встречающаяся послу по пути следования, запечатлена С.Герберштейном: «Затем мы прибыли в Воронич (8 миль), город, стоящий на реке Сороть, которая, приняв в себя реку Воронец, впадает в Великую реку немного ниже города... Впрочем, от Полоцка до Новгорода мы перешли столько болот и рек, что их имена и число не могут удержать в памяти даже туземцы...»

Вороническая крепость кроме естественных преград — оврага, Сороти и речки Воронца, высохшее русло которой еще заметно у городища, — имела мощную оборонительную систему: высокий земляной вал, ров, соединяющийся с оврагом, деревянные стены, две крепостные дороги, ведущие в крепость с западной и северной стороны и завершавшиеся воротными башнями. Пять монастырей, стоявших на подступах к городу, еще более усиливали оборонительные возможности защитников Воронича.

Дважды, в 1406 и 1426 годах, вороничане выдерживали осаду крепости войсками литовского князя Витовта. Особенно тяжелое испытание выпало на долю Воронича в 1426 году, когда трехнедельная осада врагов сопровождалась грабежами, разбоем и пожарами, что подробно отражено в летописи. «...В лето 6934 (1426. — *Ред.*) в субботу рано поиде к Вороночю и стал под Вороночем... и стоял под Вороночем три недели, пороки исчинивше и шибяючи на град, а вороночаном притужно бяше велми...».

Мужественная оборона защитников крепости заставила Витовта согласиться на перемирие с псковичами.

В 1521 году Воронич был сборным пунктом псковских, новгородских и московских дружин, участвовавших в сражениях с ливонцами и Литвой.

Воронич принимал участие и в общих походах псковичей на врага: в 1380 году вороничане входили в состав псковского полка и сражались на Куликовом поле, в 1406 году под Великими Луками они участвовали в погоне за Витовтом, разрушившим пригород Коложе, а также помогали вельянам...

В 1558 году началась долгая и изнурительная Ливонская война (1558–1583), потребовавшая огромных материальных и людских жертв и обострившая политическую борьбу внутри Русского государства. Разорительные военные действия, которые большей частью проходили на псковской земле, усилили оппозиционность псковичей к политике, проводимой Иваном Грозным. Негативное отношение Пскова к Москве нашло отражение в Псковской третьей летописи, которая велась в Псково-Печерском монастыре. В записи за 1581 год (Псковская вторая летопись) говорится: «...В лето 7089 по лету, пришед, колыванские немцы поимали свои города 10 и воевод и людей всех побили. И збытсья Писание, глаголющее: еже аще кто чюжаго похочет, помале и своего останет, царь Иван не на велико время чюжую землю взем, а помале и своеи не удержа, а людей вдвое погуби...».

За всю историю существования Воронич впервые был взят штурмом войсками Стефана Батория в 1581 году. Многотысячная польско-литовская армия шла на Псков; основная ее часть со штабом и королем проходила через Воронич. Баторий был недоволен тем, что войско продвигалось медленно. Личный секретарь короля С.Пиотровский в своем «Дневнике последнего похода Стефана Батория на Россию» писал: «...Баторий недоволен, что роты сходятся медленно, так как время уже двинуться с места...».

В другом источнике, Хронике Литовской и Жмойтской, тоже отмечено прохождение польско-литовской армии через Воронич: «...Потым король до Заволоча чрез леса добылся, а аттоль тягнул до Пскова через Воронец место...».

В Смутное время псковский край вновь стал ареной жарких схваток и междоусобиц. Некоторые пригороды Пскова присягнули Самозванцу.

В 1610–1612 годах Воронич и его окрестности разорил польский воевода Лисовский. В 1634 году, как отмечено в летописи, поляки и литовцы снова пришли к Вороничу: «...посад и деревни пожгли, посадских людей, крестьян с женами и детьми перебили, а частью взяли в плен...».

Только после заключения Андрусовского перемирия в 1667 году, а затем подписания «Вечного мира» (1686) между Москвой и Речью Посполитой Воронич и рядом стоявшие города-крепости: Велье, Врев, Выбор и другие – обрели долгожданный мир.

Воронич с 1708 года обращен в пригород, или безуездный город, приписанный к Опочке. В дальнейшем он утратил название пригорода и превратился просто в погост, а управление Воронежской волости разместилось в слободе Таболенец (вариант – Тоболенец).

От бывшей крепости Воронич сохранились лишь остатки крепостной системы: земляной вал на юго-западной стороне холма, высота которого составляет от 2 до 6 метров; две крепостные дороги, ведущие на городище по западному и северному склонам холма. На площадке городища имеются каменные надгробные кресты XIV–XVII веков, а также остатки фундаментов двух бывших церквей и других построек XVIII–XIX веков.

Музеем-заповедником А.С.Пушкина в 1980-е годы восстановлен фундамент бывшей Георгиевской церкви, сгоревшей во время грозы в 1913 году.

А.С.Пушкин посещал городище, где находилось фамильное кладбище владельцев Тригорского. Несомненно, бывал поэт и в Георгиевской церкви, в которой по просьбе А.Н.Вульф в 1825 году была отслужена панихида по Дж. Байрону. Воронич упомянут поэтом в черновом варианте названия (заглавия) драмы «Борис Годунов»: «Комедия о настоящей беде Московскому государству, о Царе Борисе и о Гришке Отрепьеве – летопись о многих мятежах и пр. писана быть Алексашкою Пушкиным в лето 7333 на городище Ворониче».

Упомянув Воронич, автор трагедии вспоминает «старину глубокую», которая окружала и вдохновляла его во время работы над исторической драмой.

Посад Воронича

Изучением истории Пскова и его пригородов, одним из которых был Воронич, занимались известные историки и археологи XIX века: Н.М.Карамзин, Н.И.Костомаров, С.М.Соловьев, Е.Болховитинов,

В.О.Ключевский, Н.Д.Чечулин, а также наши современники: М.Н.Тихомиров, Н.П.Шульц, С.Ф.Платонов, В.Д.Белецкий, П.А.Раппопорт, А.Н.Кирпичников, В.В.Седов, С.В.Белецкий и др. Значительный вклад в изучение истории псковского края внесли краеведы: Л.А.Травин, Н.Ф.Окулич-Казарин, Л.И.Софийский, Ф.А.Ушаков, И.В.Василев и др.

Однако остаются еще вопросы, относящиеся к истории Воронича, его округи и касающиеся других пригородов Пскова, которые ждут дальнейшего изучения.

Из Псковской писцовой книги 1585–1587 годов, исследования Н.Д.Чечулина «Города Московского государства в XVI веке» и трудов других авторов известно, что Воронич имел самый большой посад из всех пригородов Пскова. В нем по переписи 1585–1587 годов до «литовского разорения» было 371 черный двор (тяглых дворов), 39 дворов белых, 65 лавочных мест, 228 осадных клетей, в том числе крестьянских, 18 житниц, принадлежащих царскому двору, зелейная варница и прочее. Тогда как в соседних пригородах было: в Опочке — 280 черных дворов, Острове — 208, Велье — 133, в Выборе и Вреве посадки были еще меньше.

После же «литовского разорения» в Ворониче осталось всего 7 черных полуразоренных дворов да пустые лавочные места. По всему краю наблюдались разорения, пожарища, пустота.

Воронич был крупным торгово-ремесленным центром, особенно было развито гончарное и кузнечное дело. Основу населения города составляли ремесленники, торговцы, духовенство, военные, землепашцы и др. Ядром города была крепость, в которой жил воевода, находилось управление краем, дом наместника, вооружение, запасы продовольствия и пр.

Псковские города были гораздо крупнее соседних. В них в XV–XVI веках (до Ливонской войны) от общего числа населения края проживало 12–20%, тогда как в городах других земель Руси — всего 2–5%.

Выгодное географическое положение псковской земли, трудолюбие и предприимчивость жителей способствовали успешному развитию внутренней и внешней торговли, ремесел, земледелия, культуры, росту городов. Все это позволило Пскову создать в XIV–XV веках мощную систему обороны на своих рубежах и отстоять независимость.

Экономическое процветание Воронича в значительной мере обусловлено наличием хороших водных (выход к реке) и сухопутных

путей, а также более безопасным проживанием в нем, чем в пригородных с Литвой и Ливонией городах (Опочке, Красном, Велье, Острове).

Хотя земля в Вороническом уезде не отличалась плодородием, однако благодаря трудолюбию земледельцев, внесению органических удобрений урожаи получали немалые. Это подтверждается дневниковыми записями личного секретаря Батория С.Пиотровского, сопровождавшего короля в походе: «...Я выбрался из пустырей в лучшую и более плодородную страну и провел ночь в пяти милях от Воронца: там обилие во всем, деревни, т.е. села, расположены густо, хотя нигде не видно ни одного человека; на полях большой урожай и много хлеба...».

Основными занятиями жителей деревень были земледелие, скотоводство, рыбная ловля, охота и пр. Сеяли рожь, овес, ячмень, лен и коноплю. Селяне снабжали города сырьем и хлебом. Большим спросом на внутреннем и внешнем рынках пользовался лен, приносящий основной доход крестьянам. Этой трудоемкой, но и любимой культуре посвящено немало народных песен, элементы обработки льна нашли отображение в хороводах и плясках.

По данным, приведенным П.П.Семеновым в «Географическо-статистическом словаре Российской империи», в селе Воронич на месте бывшего посада проживало 111 душ обоого пола и было 2 церкви.

В Писцовой книге 1693–1694 годов имеется указание, что в древности в Вороническом уезде было несколько монастырей. Местонахождение Спасо-Преображенского монастыря не указано, однако можно предположить, что он находился возле деревни Зимари, поскольку в этой деревне сохранилась традиция праздновать 19 августа День Спаса. Покровский девичий монастырь находился на месте Козмодемьянского посада, о чем есть указание в Писцовой книге 1583–1587 годов. А где находились Михайлов и Успенский монастыри, пока не выяснено.

Посад при городе-крепости Воронич, как подтверждается письменными источниками и материалами, добытыми во время археологических раскопок, возник в XIV веке одновременно с крепостью, он делился рекою Сороть на три части: Великий (или Горный), Нижний и Малый.

Современная топография деревни приблизительно совпадает с территорией, которую занимал Горный посад в XIV–XVI веках. Он де-

лился на три улицы: Большую, Ямскую, Воронежскую и несколько малых улиц и переулков. На улице Ямской стоял храм Ивана Милостивого (Ивана Предтечи-на-Всполье), по-видимому, на горке, называемой местными жителями Буй, где, по преданию, произошла кровопролитная битва вороничан с литовцами. На ней сохранилось несколько заброшенных могил и остатки фундамента какого-то строения, возможно бывшей церкви.

Третий храм, упомянутый в Писцовой книге 1693–1694 годов, храм Воскресения, был там, где находится кладбище с восстановленным Пушкинским заповедником фундаментом бывшей церкви.

Редактор журнала «Русская старина» М.И.Семевский, посетивший Тригорское в 1866 году, когда хозяином усадьбы был А.Н.Вульф, современник и приятель А.С.Пушкина, в очерке «Прогулка в Тригорское» упоминает часовню, которую он видел на правом берегу Сороти. Внизу, описывает Михаил Иванович, «голубая лента Сороти, за ней вдали село Дериглазово; там — пашни, поля, вдали темный лес, вправо дорога в Михайловское, на ней столь знаменитые, воспетые Пушкиным три сосны, а еще правее городище Воронич, за речкой часовня, на том месте, где, по преданию, стоял монастырь».

На Нижнем посаде был Покровский девичий монастырь, он упомянут в Писцовой книге 1693–1694 годов.

Нижний (Козмодемьянский) посад находился на острове, образованном Соротью и ее рукавом (старицей). Остров представляет собой плоскую возвышенность (прямоугольник 120×70 метров, площадь 6 гектаров), отделенную от суши с юго-западной стороны водами Сороти; с севера-запада и северо-востока — рукавом реки. Здесь обнаружены остатки бывшего Козмодемьянского, или Нижнего, посада, обследованного в 1956 году Н.Н.Гуриной и в 1982 году С.В.Белецким.

По описи 1585–1587 годов, представленной местным воеводой в Москву, на посаде Воронича были улицы Побережная и Задняя, две церкви: Козьмы и Дамиана и Спаса.

Следы линий двух бывших дорог на Псков и Москву и место переправы через Сороть, посредством которой поддерживалась связь с городом-крепостью, заметны и в настоящее время, они зафиксированы во время археологических разведок 1993–1995 годов, проведенных автором этих строк при участии учащихся и учителей пушкиногорской школы им. А.С.Пушкина.

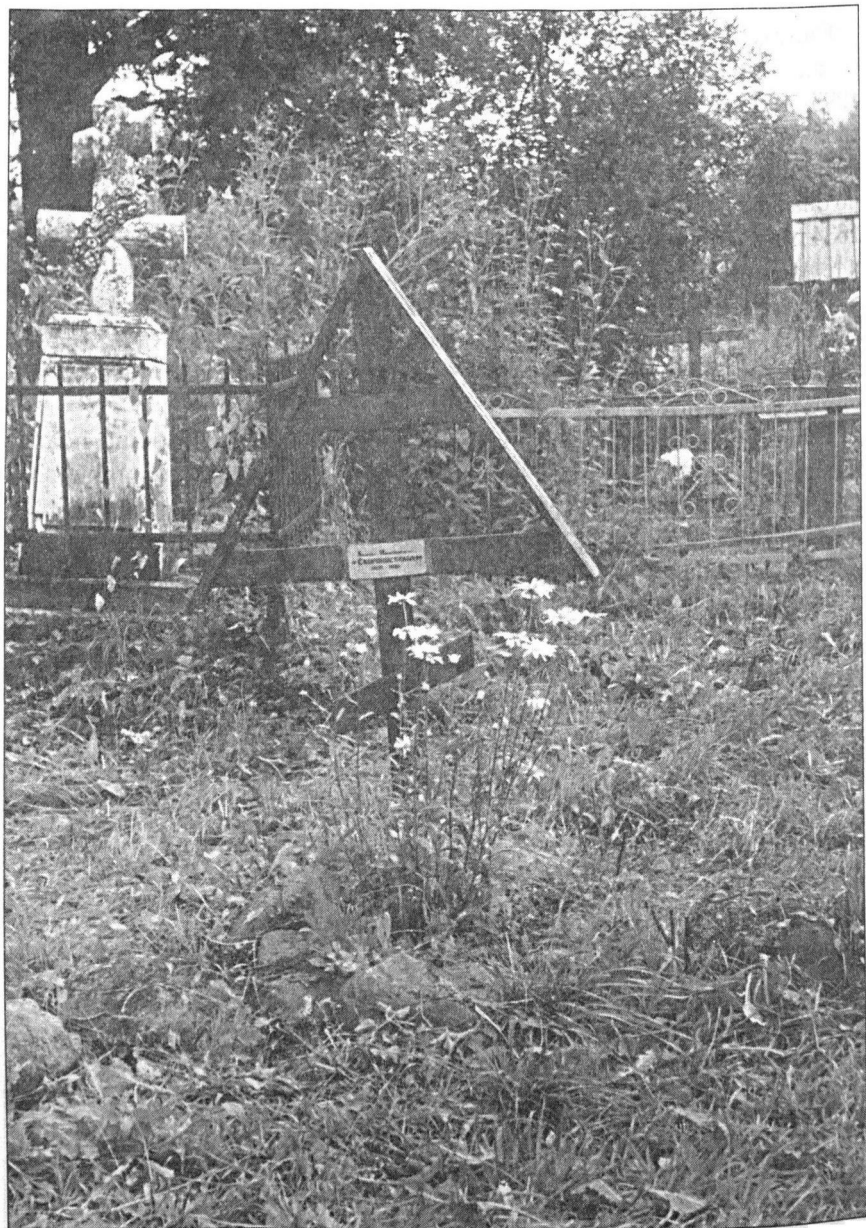
Считалось, что с гибелью Воронича (крепости) в 1581 году Нижний посад прекратил свое существование. Однако проведенные в 1993–1995 годах археологические разведки и добытые материалы позволяют сделать вывод, что жизнь на Малом посаде продолжалась и после Ливонской войны, то есть после 1683 года. Видимо, окончательно она здесь затухает в XVII веке в результате нашествия литовцев в 1634 году, о чем сообщается в Псковской третьей летописи: «...А Литва в то время Воронич выжгли и высекли...».

Огромное количество керамики, найденной на посаде и относящейся к XIV–XVII векам, металлических изделий (гвоздей) XV–XVII веков свидетельствует о том, что здесь жили в основном гончары и мастера кузнечного дела.

Существование на посаде храма в честь Козьмы и Дамиана, покровителей ремесел, является одним из признаков развитого производства в Ворониче. В описи 1585–1587 годов также отмечено существование на Нижнем посаде производства пива и вина: «В Ворониче ж на посаде на реке на Сороти варница наместнича пивная и винная, а варят в ней пиво и вино курят на наместника».

Городище Воронич, Георгиевская церковь (начало XX в.)

Погост Воронича (место бывшей Воскресенской церкви),
могила А.И.Скоропостижной — дочери «попа Шкоды»

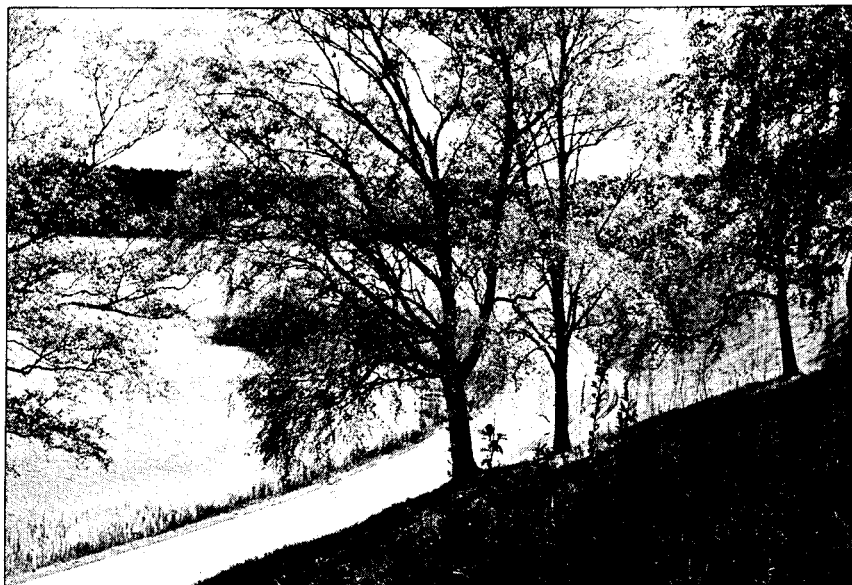
Во времена А.С.Пушкина Воронич — это не только древнее, овеянное славой городище, но и деревня с погостом и Воскресенской церковью, построенной в 1789 году на месте древнего храма. Михайловское и Петровское принадлежали приходу Воскресенской церкви, прихожанами которой были Ганнибалы и Пушкины. В храме и на погосте поэт мог услышать из уст старожиллов немало преданий о ратных подвигах вороничан и о судьбе города. На древнем кладбище у бывшей Воскресенской церкви, сгоревшей в годы Великой Отечественной войны, покоится прах современницы Пушкина, дочери священника Илариона Раевского Акулины Иларионовны Скоропостижной, оставившей воспоминания об отце и о встречах с поэтом. На этом же погосте похоронен двоюродный дядя А.С.Пушкина Вениамин Петрович Ганнибал.

Недавно на фундаменте бывшей Воскресенской церкви музеем-заповедником А.С.Пушкина построена и освящена часовня.

Велье

«В лето 6876 рать немецкая у Велья из Налесья была, и с погонееу билися; по грехом нашим бысть неспособье Божие, много голов паде и добрых людей». Эти слова псковской летописи — первое упоминание о Велье, относящееся к 1368 году. Однако первые жители — славяне-кривичи — появились здесь намного раньше, в VIII–X веках, что подтверждается наличием нескольких десятков курганов за околицей села, в лесу.

Археологическая разведка, проведенная в 1981–1983 годах в Велье и его окрестностях, подтвердила гипотезу Н.И.Костомарова о существовании окольнего города в урочище Грива. Первоначальное освоение участка относится к концу первого тысячелетия н.э., это подтверждают найденные фрагменты лепной керамики, относящиеся к указанному времени. Городище занимало перешеек между озерами, имело два въезда. Возникнув в скоплении поселений сельского типа, являясь центром микроокруги, городище продолжало существовать и в древнерусское время. В начале XIV века жизнь в городище застывает, что по времени совпадает с появлением крепости псковского пригорода

Озеро Черное и старая «Ливонская» дорога из села Велье

Велье. Не исключено, что это городище представляет собой первоначальное Велье, перемещенное на новое место при укреплении Псковской республикой своих границ в середине XIV века. Перенесение городов-крепостей на новые, более удобные места было для XIV–XVI веков явлением довольно частым. Примером тому служат Изборск, Выбор, Коложе, Ржева Пустая, Воронич.

Велейская крепость находилась на большом холме (длина 260 м, ширина 70 м) с подсынным земляным валом, окруженным тремя озерами. На юго-западе от вала расположено озеро Велье площадью 278 гектаров, название его дало название и крепости. Само название «Велье» происходит от финского слова «велья» — просторный, свободный. С северо-западной стороны к крепостному валу примыкает озеро Чадо площадью 70 гектаров. В давние времена озера Велье, Чадо и Корец представляли собой единое водное пространство площадью около 12 квадратных километров, соединявшееся с рекой Великой речкою Синей и ее притоком Вершей. Площадь его уменьшалась. В середине XIX века крестьяне с целью осушения лугов, прилегающих к озеру, прорыли из него канаву в реку Вершу. Уровень воды в

озере значительно понизился, и в северной его части образовался обособленный водоем.

Местная легенда объясняет возникновение названия озера так. Однажды вельяне ловили сетью рыбу и вытащили пень. Вдруг пень промолвил человеческим голосом: «Ой, чадо мое, чадо, милое чадо». Испугались рыбаки и бросили пень обратно в озеро. С тех пор и зовется это озеро Чадо. На юго-восточной стороне городища расположено озеро Черное. Название его возникло от постоянно темной воды в нем. Озера Чадо и Черное соединялись с восточной стороны протокой, а озеро Чадо в свою очередь — с озером Велье, и, таким образом, водная преграда вокруг крепостного вала была почти сплошной. С южной стороны городище было отрезано от остальной гряды — гривы — широким оврагом и рвом. Подход к крепости с южной стороны, куда подводила «Ливонская» дорога, был очень узким — всего 50–70 метров. Это мешало врагу при штурме и осаде крепости маневрировать войсками. Таким образом, место для крепости было выбрано исключительно удачно. К тому же благоприятны были условия жизни: край был богат лесами со зверем, озерами, обильными рыбой (близко были реки Великая, Синяя, Исса — части древнего пути «из варяг в греки», соединившие Русь с Ливонией).

Крепость Велье построена в середине XIV века, она входила в общую систему оборонительных укреплений юго-западной границы Псковской феодальной республики. Велье в этой системе отводилась особая роль, так как крепость входила в первую линию псковских оборонительных сооружений, была выдвинута на самый ливонский рубеж и являлась пограничной крепостью на протяжении многих десятилетий. Город Велье защищал узел важных сухопутных дорог Коложе и Опочки на Псков и Новгород.

Другая дорога шла через Велье из Ливонии, она связывала города южной Ливонии: Резицу, Лужу, Люцин-Лудзу, Двинск-Динабург и др. с Псковом и Новгородом. Эти пути имели большое экономическое и военно-стратегическое значение для Пскова и всего Русского государства. Не исключено, что передовым южным форпостом Велья на одном из этих путей являлся Ильинский погост.

Та огромная роль, которую должна была играть крепость Велье, определила степень внимания Пскова к ее постройке, а в дальнейшем — к модернизации и укреплению. Крепость в Велье была комбинированной, земляно-деревянно-каменной, и в этом плане уни-

кальной в Псковской земле. Археологические раскопки на велейском городище в 1974–1976 годах под руководством А.Н.Кирпичникова дают ценные сведения о военно-инженерных сооружениях в Велье. Площадка городища возвышалась над уровнем воды в озере примерно на 13 метров, юго-западная половина городища имела по краю площадки вал высотой 3–4 метра по бокам и до 5 метров по стороне, примыкающей ко рву в сторону гривы. Вал насыпан из песка, перемешанного с темной землей. Он являлся передовым укреплением, так как прикрывал внутреннюю часть крепости от прямого обстрела. Раскопки вала показали, что он неоднократно подсыпался и реконструировался, в результате чего изгибы его получили смягченную форму прямоугольника. Археологи выделяют по крайней мере три строительных периода Велейской крепости. По верху вала проходила деревянная стена, которая возвышалась над всей крепостью. Северо-восточная часть крепости не имела вала, но по краю площадки городища проходила каменная стена общей длиной 295 метров. Стена располагалась по периметру холма, следуя его изгибу. Толщина стены 3,5–4,5 метра, высота 6–8 метров, сложена она из облицованных плитняковых блоков на известковом растворе, в фундаменте крупные валуны. Каменная крепостная стена имела форму подковы, обращенной концами внутрь крепости, земляной вал — форму неправильного четырехугольника. Во избежание оползней каменная стена была отодвинута от края холма примерно на пять метров.

В крепость вели три дороги: одна — с северной стороны, две — с западной. Позднее (вероятно, в XVIII–XIX веках) появилась четвертая дорога, ведущая на площадку городища по восточному склону холма.

Сооруженная между трех озер, крепость Велье сыграла в XIV–XV веках важную роль в защите рубежей Псковской земли, в отражении нападений на Русское государство.

В XIV–XV веках постоянную угрозу нападения на западные русские земли создавали Ливонский орден и Великое княжество Литовское. Судьба и роль Велья в борьбе с иноземными захватчиками были тесно связаны с его соседями: Вороничем, Красным и Опочкой, такими же городами-крепостями. Не раз они приходили на помощь друг другу и совместными усилиями отражали нападение внешних врагов.

В 1406 году литовское войско под командованием князя Витовта разорило Коложе и напало на Воронич. Вороничане выдержали осаду и совместно с жителями Изборска, Острова и Велья стали преследовать отступивших литовцев, завоевали Ржеву, отняли в Великих Луках коложское знамя и взяли много пленных: «шедше повоеваша Ржеву, а на Великих Луках стяг Коложский взяша и полону много приведоша».

В то же время в Псковской земле появились немцы. Их отряды начали опустошать окрестности Велья, проникли за устье реки Синеи. Вельяне поспешно вооружили 150 человек и ударили по врагу; победа осталась на стороне вельян, они даже взяли немецкий стяг, многие из лагеря немцев попали в плен, многие были убиты или утонули в реке, а вельяне не потеряли ни одного человека, и все благополучно явились домой: «а Вельяне вси здоровы быша, ни один не врежен». В 1408 году под стенами Велья немцы появились уже не одни, а вместе с литовцами. Трое суток отбивали натиск защитники крепости. Было убито «литвы 100 муж, а иных руками взяша». При этом вельянам оказали помощь жители Воронича. Весной 1409 года немцы вновь подошли к Велью, захватили в плен 43 человека и стали уходить. Вельяне погнались за ними, но попали в засаду и потеряли при этом еще 45 человек. На помощь им вновь пришли вороничане. Они догнали врага на самом рубеже, в бою было убито 43 немца, пленные вельяне освобождены, взято много пленных и оружия — «много самострелов». Появились, видимо, немцы под Вельем и в 1436 году, так как летопись содержит следующее свидетельство: «А в то время ходиша островичи под Велья торонем (набегом. — *Ред.*), и поидоша назад к Острову, и обретоша на поути в ночь татарскую рать, стояшоу в лесе, и оудариша на них, и оубиша их 40 mouже, и мало их избивше».

Наибольшую роль как крепость Велье играло в обороне границ в XIV–XV веках, то есть в период независимости Пскова. Велейская крепость ни разу не была сдана врагу. В городе было три храма. Главным была деревянная церковь в честь Михаила Архангела, который считался покровителем вельян; с его именем поднимались жители Велья на борьбу с иноземными захватчиками, его изображение было на стягах велейских дружин. В XV веке в Велье существовал Спасский мужской монастырь. Он упоминается в Псковской первой летописи под 1459 годом по следующему поводу: «6967... Того же лета бысть знамение от грома. В Велье, в монастыре святого Спаса, внутрь церкви от огня громного опалило и пономаря в церкви до смерти зашибло».

По сохранившимся описаниям монастырь в Велье находился на возвышенном месте близ озера Чадо.

Примерно в первой четверти XV века Велье на правах пригорода присоединяется к Пскову, но за ним сохранился титул города, а управлялось оно своей местной властью. В 1510 году в составе Псковской феодальной республики Велье вошло в Московское государство. Образование централизованного государства способствовало укреплению западных рубежей Русской земли, вместе с тем близость границ не изменила положения пограничных пунктов обороны. Так, в 1518 году Красный, Воронич и Велье выдержали сильное и опустошительное нашествие литовских войск с участием поляков и немцев: «Литва поганая от большие силы ходиша под Воронач, под Велье и под Красный...».

В 1558 году Русское государство начало длительную войну с Ливонским орденом за выход к Балтийскому морю (Ливонская война, 1558–1583). России пришлось в этой войне столкнуться с коалицией многих европейских держав. Война оставила глубокий след в истории Велья. Уже в 1563 году литовские отряды подошли к Опочке, появились они и под Вельем, но в результате организованного отпора вынуждены были отступить. В 1565 году литовцы большими силами перешли реку Великую. Как пишет летописец, они «шли наших людей искати и сошлись с нашими под Вельем». С русской стороны военными действиями руководили воеводы И.Шуйский и И.Шереметев. Перевес был на стороне литовцев, бой под Вельем был для русских неудачным, им пришлось отступить к Вороничу. При этом литовцы преследовали их: «И Литва за нашими ходили, за пять верст не доходили до Воронича: и оттуда воротятся воевали много земли Псковской, Красногородчину и Велейщину по Синей и Островщину и вышли на земли ко Улеху, а воевали полторы недели, полону много вывели, и помещиковы и крестьянские двory жгли, церквей не трогали». Таким образом, литовцы произвели значительное опустошение в велейской земле. Этот факт свидетельствует не только о событиях Ливонской войны, но и о том, что город Велье не ограничивался только крепостными стенами: в XVI веке в Велье было уже значительное укрепленное поселение (посад) за пределами крепости и приписанный к городу обширный уезд — Велейщина. Как показали данные археологической разведки 1981–1983 годов, топография современного села Велье отражает топографию посада XVI века.

Крестовоздвиженская церковь в селе Велье

Многолюдный посад имел свои улицы с названиями: Воздвиженская, Никольская, Псковская, Рождественская, Пушкарская и др. Велёйский уезд в XVI веке делился на губы: Богородицкую, Борисоглебскую, Покровскую, Ильинскую, Козмодемьянскую и др.

В середине XVI века Велье считалось пригородом Пскова, но было самостоятельным наместничеством. Накануне Ливонской войны правительство вводило новую систему управления, создавая вместо наместничеств земства.

Во время Ливонской войны население Велья принимало участие в военных действиях, которые велись не только вблизи города, но и в походах русских войск в Ливонию и Речь Посполитую. Так, в 1580 году 70 вельян приняли участие в походе отряда Симеона Бекбулатовича, «великого князя всея Руси», номинального правителя Русского государства с 1575 года; принимали они участие и в походах И.П.Шуйского.

Особенно серьезные последствия для Велья имел поход Стефана Батория 1581 года на Псковскую землю. Хотя в русских летописях нет указаний относительно того, что Велье было взято поляками, оно, очевидно, все-таки было захвачено, так как по Запольскому миру 1582 года возвращается Польшей России.

Нашествие Батория привело Велье и его окрестности в состояние крайнего разорения. В Велье осталось всего 20 домов, включая дома пушкарей и духовенства. Довольно многочисленное посадское население почти совсем исчезло. Осталось только 6 посадских людей, превратившихся, в сущности, в крестьян, живущих на городских землях. Их даже не стали облагать податями «за худобую».

В XVI веке сооружаются новые пограничные города: Заволочье, Велиж, Себеж; юго-западная граница Русского государства отодвинулась. Велье, как и Воронич, Врев и Выбор, стало тыловой крепостью.

Велье в XVII веке по-прежнему оставалось центром большого уезда, состоявшего из 9 губ: Богородицкой, Михайловской, Воздвиженской, Псковской, Ильинской, Граинской, Никольской, Рождественской, Куньевской; в них насчитывалось 77 деревень. Губы, в свою очередь, делились на 20 волостей.

Заключение Андрусовского перемирия 1667 года между Москвой и Речью Посполитой и «Вечного мира» с Польшей в 1686 году гарантировало безопасность западной границы Русского государства, поэтому Велье окончательно теряет оборонное значение.

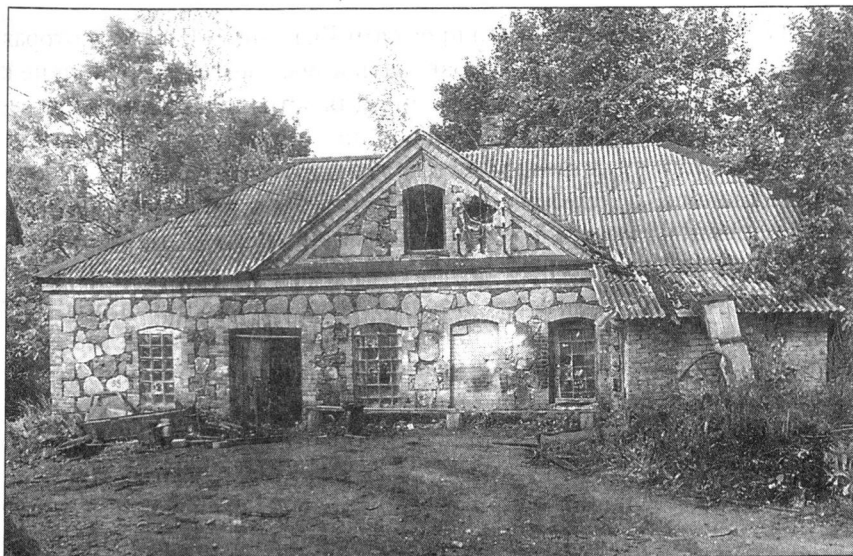
С утратой оборонного значения Велье из известного в псковской земле города стало превращаться в обыкновенное провинциальное захолустье. Военная история крепости закончилась.

К началу XVIII века Велье превращается в безуездный город, а затем в село, центр волости.

В 1711 году Велье было пожаловано генеральному прокурору Сената графу П.И.Ягужинскому, затем с 1744 года им владел его сын — С.П.Ягужинский.

В 1761 году граф назначил управляющим вотчиной Л.А.Травина, который оставил добрый след в истории Велья прежде всего как рачительный администратор и историк-краевед. В числе многих деяний Травин построил в 1763 году ныне существующую Крестовоздвиженскую церковь.

В 1777 году Велье перешло к князю Г.А.Потемкину-Таврическому.

Складские помещения купцов Болталовых

Усадьба купцов Крестовских

В 1780 году Велье посетила проездом Екатерина Вторая, которая ехала по дороге через село обозрывать новые земли, отошедшие к России в результате раздела Польши. Для встречи императрицы велейская знать у въезда в село специально соорудила триумфальные ворота. Екатерину встретили хлебом-солью и колокольным звоном всех церквей. После торжественной службы в Крестовоздвиженской церкви, на которой присутствовала императрица со свитой, она совершила прогулку на древнее городище. «Прежде отбытия из Велья, — записал в своем месяцеслове псковский наместник И.А.Пиль, сопровождавший царский поезд, — ее величество соизволили свершить, в сопровождении своей свиты и господ псковских дворян первых классов, пешее хождение к местному озеру Чадю...» По преданию, императрица решила построить здесь загородный дворец.

В 1782 году Велье было пожаловано фавориту императрицы князю А.Д.Ланскому, который заказал проект дворца архитектору Д.Кваренги, однако идея сооружения дворца не была осуществлена. От Ланского Велье перешло князю А.Б.Куракину.

В 1796 году Велье передано в удельное ведомство.

Во время михайловской ссылки в Велье бывал проездом А.С.Пушкин. В августе 1825 года он ехал через Велье в имение своего «оюкена», опочечкого уездного предводителя дворянства А.Н.Пещурова, жившего на самой западной границе уезда — в Лямонове. 11 августа 1825 года поэт сообщал П.А.Осиповой в Ригу: «На днях я был у Пещурова...» Здесь произошла встреча поэта с племянником Пещурова, лицейским товарищем Пушкина князем А.М.Горчаковым, будущим выдающимся дипломатом России, которого он познакомил с черновой рукописью «Бориса Годунова».

Эту встречу А.С.Пушкин запечатлел в стихотворении «19 октября» (1825):

Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись...

Сегодняшнее Велье хорошо сохранило и купеческие постройки XIX века: это усадьбы купцов Болталовых, Машневых, Крестовских.

Городище Врев

В восемнадцати верстах от Тригорского, на древнем пути из Литвы в Москву, находится Врев, основанный во второй половине XIV века. Он защищал подступы к Острову и Пскову с востока. Крепость располагалась на естественном холме, высота которого 15–20 м, с площадкой 150×45 м, крутизна склонов около 45°. Искусственных земляных укреплений, по мнению П.А. Раппопорта, крепость не имела. В восточной части площадки городища имеется насыпь типа кургана (возможно, разрушенный склеп). Въезд на городище с западной стороны, видимо, был устроен в начале XIX века одновременно с возведением храма, когда владельцем земель был князь Александр Борисович Куракин. Древний въезд в крепость в виде тропы проходил по южному склону холма.

Вид с городища Врев

На городище Врев

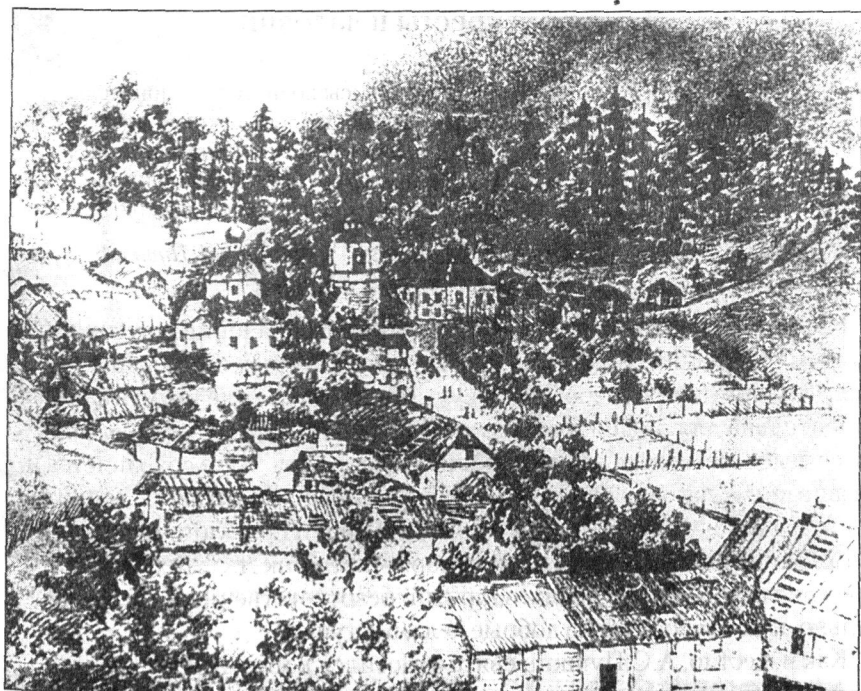

Надгробная плита на могиле барона
Алексея Борисовича Вревского в
фамильной усыпальнице Вревских

Пригород Пскова Врев впервые упомянут в Псковской первой летописи в связи с нападением на город литовцев в 1426 году: «...А иние под Вревом под городом вревичи побиша, и Вревич паде не много...».

Врев был разрушен во время Ливонской войны. На его посаде до «литовского разорения» было 100 черных дворов, а осталось всего пять.

В 30-е годы XIX века сын князя А.Б.Куракина, барон Борис Александрович Вревский, после женитьбы на Евпраксии Николаевне Вульф (1831) в полуверсте от городища построил

Вид села Врев (копия с рисунка 1860-х гг. XIX в.)

усадьбу Голубово. В разбивке сада, парка и посадке деревьев участвовал Александр Сергеевич Пушкин. По местному преданию, во время одной из прогулок он обронил в пруд свою трость.

После похорон матери, Надежды Осиповны, поэт заехал в Голубово (14 апреля 1836 года) и отсюда написал Н.М.Языкову: «Отгадайте, откуда пишу к Вам, мой любезный Николай Михайлович? из той стороны — где вольные живали etc. — где ровно тому десять лет пиروвали мы втроем — Вы, Вульф и я; где звучали Ваши стихи, и бокалы с Емой, где теперь вспоминаем мы Вас — и старину».

На городище, у алтаря бывшей Петропавловской церкви, построенной князем А.Б.Куракиным в 1811 году, была фамильная усыпальница баронов Вревских, где похоронены Е.Н. и Б.А.Вревские, их дети и внуки.

По свидетельству старожилов, склеп был разрушен в 1930-е годы.

Памятные кресты и часовни

...В часы ночного вдохновенья...
Все волновало нежный ум:
Цветущий луг, луны блистанье,
В часовне ветхой бури шум,
Старушки чудное преданье...

А.С.Пушкин

Наши далекие предки придавали огромное значение сохранению памяти о больших событиях, свидетелями которых они были, понимая, что память противостоит всеуничтожающей силе времени и она спасительна для людей и общества. Материальный и духовный прогресс человеческого общества, традиции, культура — все сохраняется и развивается благодаря памяти. Только благодаря ей прошлое входит в настоящее и служит ему. С учетом настоящего и прошлого можно предугадать будущее. Беспамятный, говорит академик Д.С.Лихачев, — это прежде всего человек неблагодарный, безответственный, а следовательно, и не способный на добрые дела, поступки.

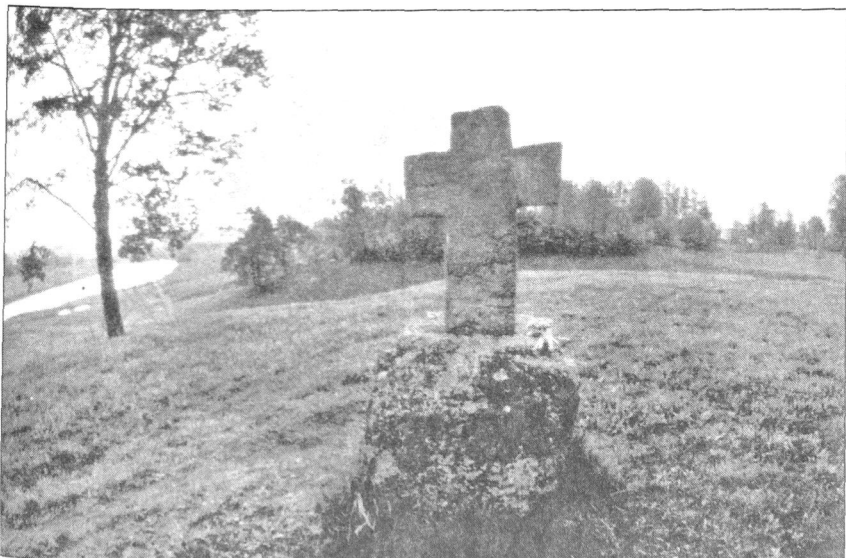
Как известно, А.С.Пушкин свято относился к минувшему:

Два чувства дивно близки нам, —
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам...

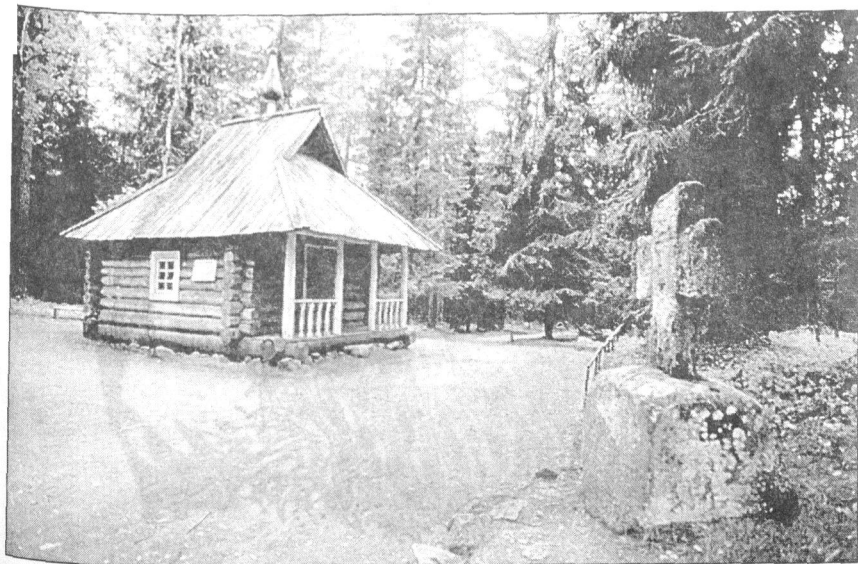
Предки псковичей отмечали большие события: явление чудес, победы над врагами, стихийные бедствия, избавления от эпидемий и других бед — установлением каменного креста, часовни либо церкви. Иногда на каменных крестах, называемых в народе поклонными, делались надписи завещательного характера. Как правило, кресты-памятники и часовни ставились на хорошо обозреваемых местах.

К сожалению, такого рода памятников старины, как поклонные кресты, фамильные часовни-усыпальницы, часовни на кладбищах и на местах исторических событий, в округе Святых Гор почти не сохранилось.

Сохранились Савкин крест на городище Савкина Горка и Крюков крест, установленный у Еловой аллеи в Михайловском. Крюков крест привезен Пушкинским заповедником в 1967 году из деревни Стечки. На нем следующая надпись: «В лето 1504 поставиша раб Божий Филип Крюков крест сий христианам на поклонение себе на память...». По сообще-

Поклонный крест на городище Савкино

Поклонный крест в парке с. Михайловского

Ашитковский камень-следовик

Идол на городище Савкино

Крюков поклонный крест

нию Е.И.Исполотова, крест и камень до Первой мировой войны находились в бывшей Горайской волости, в восьми верстах от деревни Стечки.

Из древних часовен, чудом уцелевших, осталось две. Одна из них стоит на Тимофеевой горе, где, по преданию, жил и молился в пещере блаженный Тимофей (построена в 1865 году). Внутри этой часовни лежит чугунная плита-надгробие современницы А.С.Пушкина Марии Ивановны Осиповой, принимавшей участие в похоронах великого русского поэта в Святогорском монастыре 6 февраля 1837 года. На плите-надгробии надпись: Мария Ивановна Осипова родилась 27 июля 1820 года, скончалась 19 июля 1896 года. «Помилуй мя Боже, помилуй мя», — написано на надгробной плите с ее могилы.

В страховой оценке часовни от 1910 года сказано: «Часовня деревянная на каменном фундаменте, обшита тесом, крыша покрыта железом, окрашена зеленой масляной краской, окна — 2, двери — 1».

Исская часовня Иоанна Богослова вместе с шестиугольной валунной оградой представляет собой единый архитектурный ансамбль, гармонично вписавшийся в местный ландшафт. Отреставрирована она по проекту ижевского архитектора С.П.Михайлова и в 1992 году освящена настоятелем Крестовоздвиженской церкви в селе Велье игуменом Давидом.

Святогорскому монастырю принадлежали три часовни. Одна, каменная, во имя святой Анастасии Римляныни, находилась за Анастасьевскими воротами, построена бывшим служителем монастыря Бакусовым. В часовне был киот с иконами и на нем надпись: «Устроен сей киот с иконами усердием крестьянина Государственных имуществ Воронежского правления деревни Кошкино Егором Семеновым на собственное его иждивение». Сама же древняя деревянная часовня, сгоревшая во время грозы, была выстроена жителями города Воронича на Синичьей Горе, на месте явления Тимофею чудотворной иконы «Одигитрия» Божией Матери. Именно там в 1569 году была построена церковь Успения. Третья часовня стояла внутри монастыря, в 1911 году на ее месте был выстроен дом с кельями на 2 этажа для приезжающих в Святые Горы.

К числу древних часовен относилась также луговская. Построением этой маленькой часовенки вороничане отметили место первого явления пастуху Тимофею иконы «Умиление» Божией Матери на берегу речки Луговки (Лугвицы). Внутри часовни находился камень-следовик — «Богородицын» камень, на котором, по преданию, молился отрок Тимофей. Речку Луговку не раз приходилось Пушкину переезжать и переходить по дороге в Святые Горы на ярмарки. На ней когда-

Часовня у реки Луговки

Часовня на Савкиной Горке

то была плотина и стояла мельница, бывшая в совместном владении деда поэта Осипа Абрамовича Ганнибала и крестьян деревни Бугрово (по рассказам старожилов, вода в речке была отменно чистая, много рыбы и раков водилось).

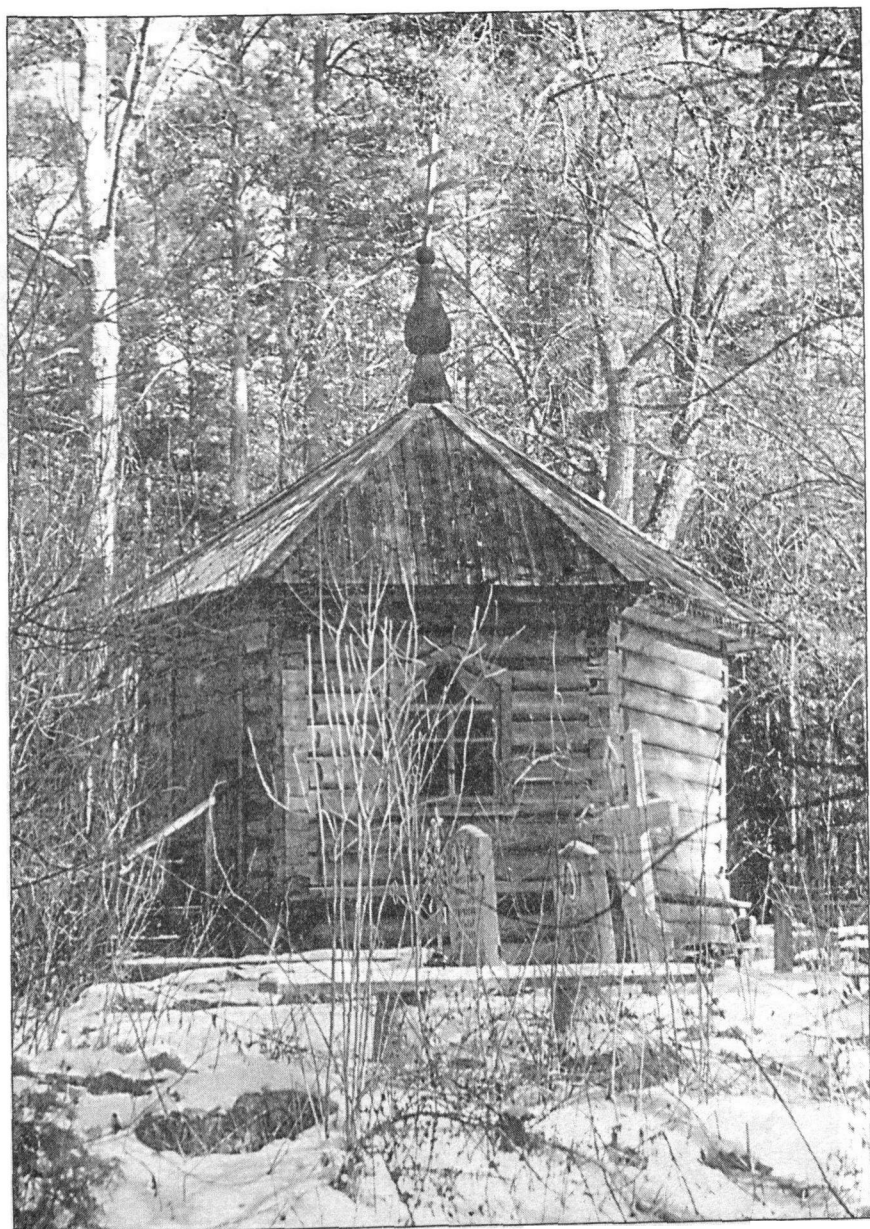
Но широкая известность Луговки в народе и за пределами воронического края связана главным образом с преданием о чуде, случившемся на ее берегах во времена царствования Иоанна Грозного.

В «Святогорской повести», хранившейся до 1821 года в библиотеке Святогорского монастыря, о явлении чудес пастуху Тимофею сказано: «В лето от сотворения мира 7071, от Рождества же... 1563, явися, по изволению Божию, образ Божией Матери Умиления, на воздухе, в неизреченном свете, пригорода Воронича жителю Тимофею Терентьеву, пасущу ему тогда скот, близь Лугвицы, и глас бысть к нему: прииде по шести летах на Синичью Гору и узрещи благодать Божию...»

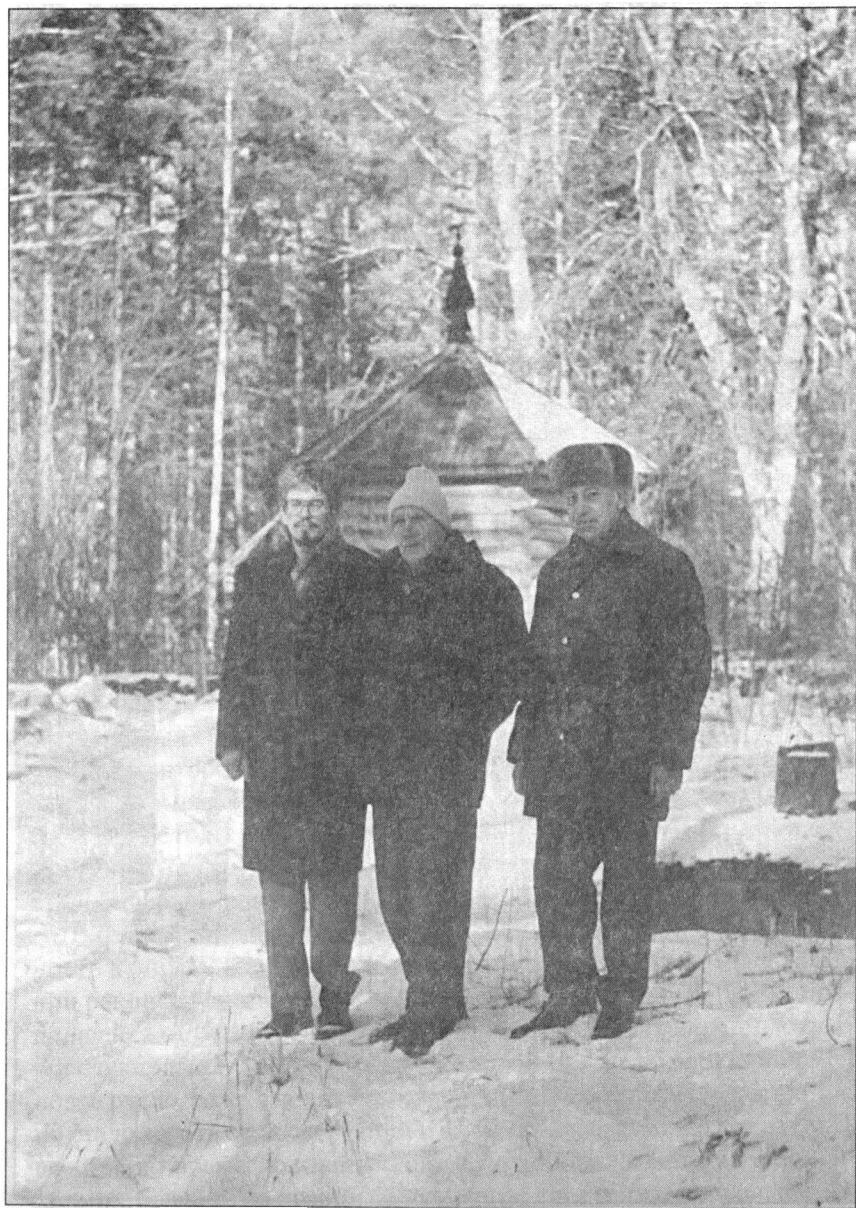
Автор книги «Описание Святогорского Успенского монастыря Псковской епархии» игумен Иоанн луговскую часовню относит к числу самых древних в этих местах. Ежегодно совершавшийся крестный ход в Псков из стен Святогорской обители с чудотворными иконами останавливался у этой часовни, и здесь служили молебен.

В сборнике трудов Псковского археологического общества (1912–1914) упомянут луговский «Богородицын» камень: «...По дороге из Святых Гор в Воронич верстах в 2-х от него есть «Луговская головня», в которой имеются старинные иконы и деревянный престол, а под ним камень с отпечатками маленькой (детской или женской) ноги»... В 20-е годы XX века часовня была разобрана и увезена.

Прошло более десяти лет с того времени, когда С.С.Гейченко предпринял первую попытку найти место бывшей часовни и восстановить ее. В течение последующих лет поиск был продолжен. Однако трудность в определении места бывшей часовни заключалась в том, что при реконструкции старой дороги Пушкинские Горы — Вече, проводившейся в 70-е годы на участке возле деревни Луговки, полотно дороги выпрямили, а при строительстве моста через речку прокопано новое русло, тоже в целях выпрямления реки. Старое русло постепенно стало терять свои очертания и зарастать кустами. Но все же ранней весной, во время половодья, оно еще хорошо заметно. Небольшой холмик, бывший на правом берегу речки, где стояла часовня, в результате проведенных работ оказался вместо правого на левом берегу реки Луговки, который стал объектом нашего обследования.

Часовня в Иссе (конец XVIII века)

У восстановленной часовни в пос. Исса (1992 г.)

Часовня в Иссе (со стороны кладбища)

Прежде чем приступать к закладке шурфов на холме, обратились к памяти старожилов деревни. Так, жительница Луговки Александра Ивановна Иванова (1910 года рождения) вспоминает: «Часовенка была недалеко, а когда строили дорогу, тогда речку провели прямо и то место, где стояла часовня, оказалось на этой стороне. А дорога проходила возле самой часовни, то место и теперь видать, когда-то недалеко от часовни был святой колодец...»

Таисия Прокофьевна Никандрова рассказывала: «Часовню украли ночью и увезли куда-то. Тогда и ограбили всё, что было в часовне, а камень, наверное, закопали под дорогу. Моя тетушка зажигала в ней лампадку. А однажды проснулась, глядь — а часовни нет». Старожил д.Луговки Геннадий Федорович: «Я хорошо помню тот камень со следом, он не очень большой, а пропал, когда строили дорогу...»

На горке нами было заложено несколько шурфов, в результате были открыты остатки фундамента небольшого строения (3×2,5 м) и разрушенной отмотки у западной стороны бывшей постройки, по-видимому, это бывший подход к часовне. Свидетельства местных жителей и остатки фундамента позволили считать, что место бывшей часовни найдено.

В августе 1994 года Государственным музеем-заповедником А.С.Пушкина луговская часовня восстановлена в ста метрах от места бывшей часовни, так как прежнее место заболочено.

Восстановлению часовни в Михайловском предшествовали изыскательские работы на месте, где, по преданию, была часовня в пушкинское время. Были найдены на Еловой аллее, на горке, остатки фундамента какого-то небольшого строения. Свидетельством того, что здесь в Михайловском была часовня, кроме местных преданий и остатков фундамента, служит публикация М.И.Семевского, редактора «Русской старины», посетившего Пушкинский уголок в 1866 году: «В роще проходит широкая прямая аллея — прямо к сельцу Пушкина. В начале этой аллеи еще недавно была деревянная часовенка, ныне до основания сгнившая... Сюда собирались больные крестьяне, и здесь их лечил и осматривал доктор, приезжавший со вдовой Пушкина (1841–1842 гг.)».

Была деревянная часовня и по дороге из Святых Гор в Михайловское, напротив поворота Пушкинские Горы — Вече.

В древнем селе Велье было четыре часовни: первая — на Спасовой горе, где до середины XV века стоял Спасский мужской монастырь, сгоревший в 1465 году. Вторая — за околицей села, где, по преданию, произошла кровопролитная битва вельян с литовцами. Третья

часовня — на городище, четвертая — на южном берегу Черного озера, у бывшей дороги в Ливонию.

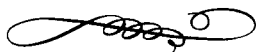
В Араповском бору стояла часовня на перекрестке дорог (на крестах), по преданию, на месте сражения с французами. В Дериглазове была часовня на фамильном кладбище владельцев имения Шелгуновых, а у дороги на Поляне, на кладбище, находилась часовня св. Фрола и Лавра.

Сохранение и восстановление утраченных памятников старины воссоздает историческую картину мест, воспетых А.С.Пушкиным.

Литература

- Алферов Г.В.* Русские города XVI–XVII вв. — М., 1989.
- Александров А.А.* О следах язычества на Псковщине // Археология и история Пскова. — Псков, 1988.
- Болховитинов Е.* История княжества Псковского: В 4 ч. — Киев, 1831.
- Болховитинов Е.* Описание Святогорского Успенского монастыря. — Дерпт, 1821.
- Васильев М.Е., Кирпичников А.Н.* Разведочные раскопки древнего Велья // Археологические открытия 1974 г. — М., 1975.
- Васильев М.Е., Филимонов А.В.* Велье. — Пушкинские Горы, 1994.
- Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне. — СПб., 1889.
- Герберштейн С.* Записки о московских делах. — СПб., 1908.
- Горди А.М.* Пушкин в Псковском крае. — Л., 1970.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — СПб., 1982.
- Длинные курганы кривичей. — М., 1974.
- Зайковский Э.М.* Исследования языческих святилищ Белоруссии // Археология Пскова и Псковской земли. — Псков, 1989. — С.58.
- Иоанн (игумен).* Описание Святорского Успенского монастыря Псковской епархии. — Псков, 1899.
- Ильинский Н.С.* Историческое описание города Пскова и его древних пригородов. — СПб., 1790.
- Кафенгауз Б.Б.* Древний Псков: Очерки по истории феодальной республики. — Л., 1969.
- Ключевский В.О.* Сочинения. Т.2. — М., 1957.
- Козакова Н.А.* Русско-ливонские отношения конца XIV–XVI вв. — М., 1975.
- Костомаров Н.И.* Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевового уклада. Т.1–2. — СПб., 1863.
- Косточкин В.В.* Русское оборонное зодчество в конце XIII – первой половине XVI в. — М., 1962.
- Листова Т.А.* Некоторые верования русских крестьян, связанные с христианством // Археология и история Пскова. — Псков, 1988.
- Мавродин В.В.* Образование древнерусского государства. — Л., 1945.
- Маланин И.Д.* Следовики: Памятники Отечества. — СПб., 1885. — С.130.

-
- Масленникова Н.Н.* Присоединение Пскова к Русскому государству. — Л., 1958.
- Насонов А.Н.* Русская земля и образование территории древнерусского государства. — М., 1951.
- Окулич-Казарин Н.Ф.* Материалы для археологической карты Псковской губернии // Труды ЛАО. — Вып.14. — Псков, 1914.
- Панов Н.А.* Летопись города Острова и его уезда. — Остров, 1913.
- Пиотровский С.* Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. — СПб., 1867.
- Платонов С.Ф.* Далекое прошлое Пушкинского уголка. — Л., 1927.
- Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. — М.-Л., 1952.
- Псковский край в истории СССР: Очерки истории Пскова. — Л., 1970.
- Псковская летопись. — М., 1955. Вып.2.
- Псковская писцовая книга 1585–1587 гг., составлена Мещаниновым-Морозовым и Дровниным. — М., 1913.
- Псковская третья летопись // Полное собр. рус. летописей. — Т.4. — СПб., 1848.
- Розенберг М.П.* Могила Пушкина в 1856 г. // Исторический вестник. — Т. XXVI. — Кн.5 (лат.). — 1899. — С.751–754.
- Раппопорт П.А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. — М., 1961.
- Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. — М., 1948.
- Семевский М.И.* Прогулка в Тригорское: Любовный быт пушкинской эпохи. — Т.1. — М., 1994. — С.198.
- Семенов П.П.* Географическо-статистический словарь Российской империи. — Т.1. — СПб., 1863.
- Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. — М., 1975.
- Софийский Л.И.* Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем. — Псков, 1912.
- Список населенных мест Псковской губернии по сведениям 1872–1877 гг. Центр. стат. комитет Мин. внутр. дел. — СПб., 1885.
- Степанов Ю.* Легенды и предания Псковщины. — Псков, 1993.
- Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. — М., 1962.
- Труды Псковского археологического общества. Вып. 10 (1913–1914 гг.). — Псков, 1914; Вып. 11 (1914–1915 гг.). — Псков, 1915.
- Ушаков Ф.А.* Описание древних городищ, камней, крестов, мостов. — Псков, 1897.
- Формозов А.А.* Пушкин и древности: наблюдения археолога. — М., 1979.
- Хроника Литовская и Жмойтская // Полное собр. рус. летописей. — Т.32. — М., 1975.
- Чечулин Н.Д.* Города Московского государства в XVI в. — СПб., 1869.
- Шведер Е.Б.* В Пушкинском уголке // Псковский губернский вестник. — 1907. — № 7 (июль).
- Шорин М.В.* Семантика некоторых изображений на культовых камнях // Археология и история Пскова. — Псков, 1988.
- Щевелев В.В.* О камнях-следовиках близ г. Каргополя // Археология и история Пскова и Псковской земли. — Псков, 1989. — С.63–64.

Посады пригородов Велья, Воронича и Врева (доклад на научной конференции Пушкинского заповедника, 21–22 августа 2002 г.)

Гордиться славою своих предков
не только можно, но и должно;
не уважать оной есть постыдное
малодушие...

А.С.Пушкин

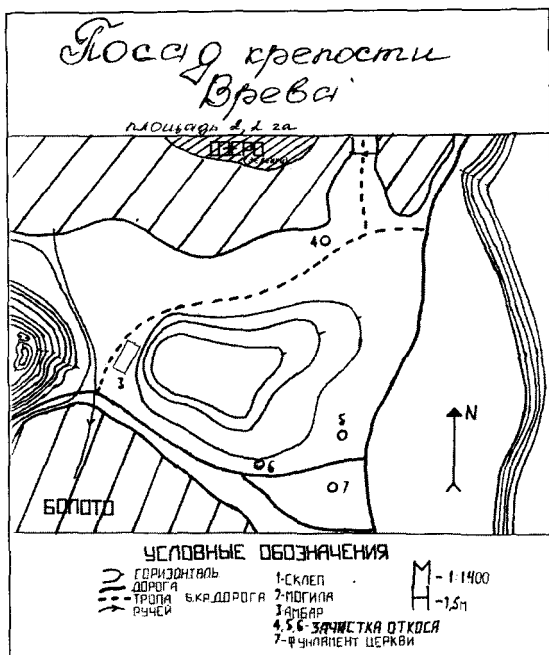
Настоящая работа посвящена описанию трех бывших посадов пригородов Пскова: Велья, Воронича и Врева, являющихся частью Государственного музея-заповедника А.С.Пушкина. Она продиктована возрастающим интересом паломников к памятникам старины Пушкинского уголка: городищам, посадкам, культовым камням, поклонным крестам, часовням, старым дорогам. Описание посадов будет использовано в подготовке нового экскурсионного маршрута: Пушкинский заповедник – Голубово, Врев – Пушкинские Горы.

Пригороды Пскова в XIV–XVI веках, как известно, представляли собой две части: крепость и предместье — посад*. Главной была крепость (ядро города), отделенная от окружающего пространства искусственными сооружениями: насыпными земляными валами, стенами с воротами, рвами. Сообщение города-крепости с посадом осуществлялось с помощью крепостных дорог. Часто искусственные укрепления города дополняли «самородные твердости»: овраги, ручьи, озера, болота и проч. [16, 18, 25].

Все пригороды были военными, духовными, экономическими и территориально-административными центрами, в обязанности которых входила защита края и участие в общих походах Пскова против интервентов [10, 11, 17].

Известно, что предместье, или посад, объединяли с крепостью общие интересы и задачи. Псковская вечевая республика после выхода ее из подчинения Великому Новгороду уделяла большое внимание укреплению юго-западных границ [20–23].

* *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб.-М., 1882. – Т. III. – С.328.

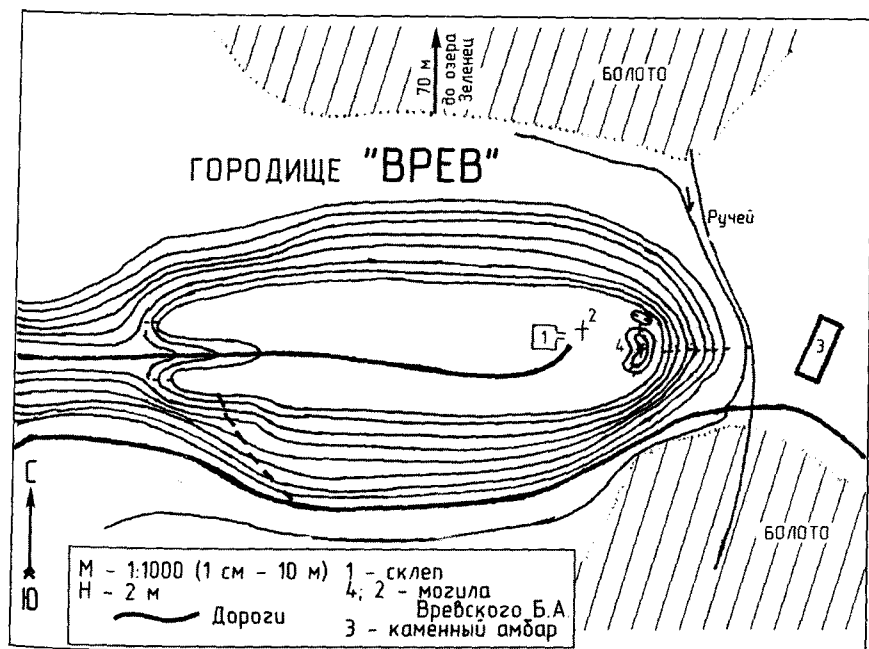
План посада крепости Врева

Во второй половине XIV века были построены города-крепости Велье, Воронич, Черница, Коложе, Врев, Дубков; значительно укреплены Остров и Изборск. В XV веке крепостная система была дополнена построением Опочки, Нового Коложе, Выбора, Владимирца, Красного, Вышгородка и др. [12]. Широкое строительство городов-крепостей явилось ответом Пскова на агрессивную политику Ливонии и Литвы, подписавших «Салинский договор» в 1398

году, предусматривавший завоевание Пскова Ливонией, а Новгорода Литвой [1, С.41].

При каждом пригороде-крепости примерно в то же время строился и посад. При этом место под его застройку выбиралось с максимальным приближением к крепости, с учетом необходимых условий для ведения хозяйственной деятельности и безопасности проживания [9]. Исследователь древнерусских городов Г.В.Алферова считает, что русская система свободной планировки возникла и сложилась на основе ландшафтных условий Восточно-Европейской равнины, она учитывала наличие строительного материала, эстетических принципов и традиционных норм [2].

При закладке нового города в первую очередь учитывалось его стратегическое значение, пригодность рельефа местности, наличие «самородных твердостей»; принимались во внимание также и интересы жителей окрестных селений, которые всегда участвовали в выборе места и возведении крепостных сооружений [2].

План городища Врева

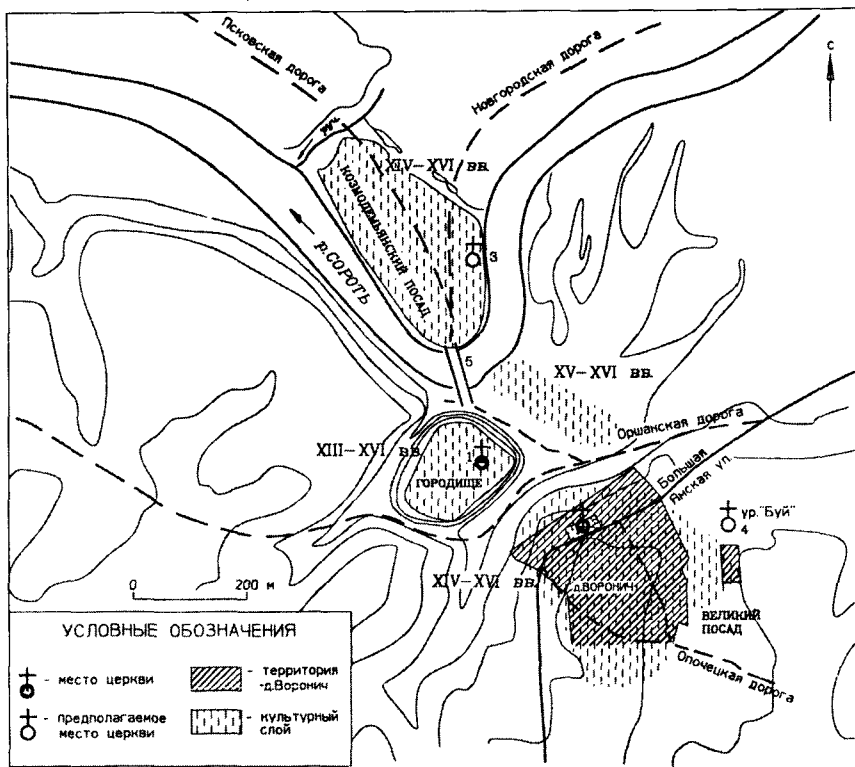
Перед закладкой города совершался чин освящения места, т.е. крестным ходом с молитвами шли по периметру стен будущей крепости.

Посады, или предместья, в XIV–XV веках (Велья, Воронича, Врева и др.) не имели крепостных стен и других оборонительных сооружений, они появятся на новом этапе развития оборонного зодчества в XVI веке (например, в Заволочье и Опочке) [19, 24].

Первое упоминание Велья в Псковской второй летописи в связи с нападением ливонцев на город принято считать временем основания его: «...В то же время иная рать немецкая ходиша тороном около Велья и по Залесью...» (1368 г.) [3].

Крепость в Велье стояла в окружении трех озер (Черного, Чадо и Велье), соединявшихся в единое водное пространство ручьем и рвом.

Посад при крепости располагался на восточном берегу Черного озера и между дорог на Псков, Опочку и Красный. Жители посада обеспечивали защитников города всем необходимым [9, 10].

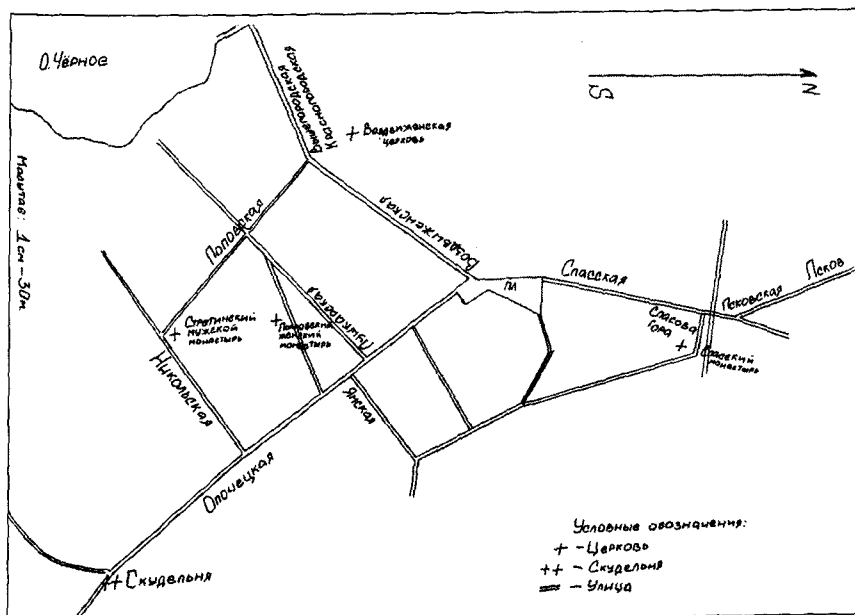

План городища и посадов Воронича:

- 1 — ц. Георгия Победоносца; 2 — ц. Воскресения Христова;
3 — ц. Козмы и Демьяна; 4 — ц. Ивана Предтечи; 5 — «мост на клетках»

Большинство улиц посада упирались своими концами в Черное озеро, благодаря чему максимально обеспечивалась безопасность проживания в нем.

В случае же приближения врага жители посада на лодках и плотах могли быстро переплыть озеро и, попав в крепость, пополнить ряды ее защитников. Такое расположение улиц создавало определенные удобства и в бытовом плане (бани, купание, рыбалка и проч.). Иногда защитникам города приходилось сражаться с врагами за околицей предместья. О большом сражении с литовцами напоминает «скудельня» за околицей села, где, по преданию, в братской могиле похоронены защитники Велья. Место то было отмечено построением храма, затем часовни и памятным крестом [4, С.63].

План посада пригорода Велья

На посаде в Велье по старому письму, то есть до разорения Батори-ем, было 133 двора, в том числе 105 тяглых дворов [5, С.372].

За время существования крепости посад несколько раз подвергался разорению.

В результате изучения письменных источников, трудов историков, а также археологических обследований территории бывшего посада выявлено и уточнено следующее:

1. Территория посада составляла 31 гектар, и она совпадает со старой частью современного села Велье.

2. Выявлены все названия бывших улиц предместья и их расположение.

3. Определены места расположения бывших трех монастырей: Спасского, Покровского и Стретинского (их расположение в плане напоминает форму креста).

4. Собранные археологические материалы на бывшей территории посада подтверждают построение его одновременно с крепостью.

5. Составлен план-схема бывшего посада.

Воронич (Вороночь) впервые упомянут в летописи в 1349 году: «...Князь Андрей Олгердович с полочаны от своєю оукраины пригнавше без вести, и повоеваша неколико Вороночькоя волости» [5, С.372].

При крепости Воронич, основание которой П.А.Раппопорт, В.В.Косточкин и В.В.Седов относят к середине XIV века, было три посада: Большой (или Горний), Козмодемьянский (или Нижний) и Малый. Их общая площадь была около 70 гектаров. Малый посад (место бывшего торга) обследовался С.В.Белецким в 1998 году [6].

Исследование Козмодемьянского посада проводилось в 1996–1997 годах, были найдены места: бывшей церкви Космы и Дамиана, место отправления крестного хода с чудотворными иконами Святогорской обители во Псков, моста через Сороть, а также следы бывших улиц и дорог на Псков и Великий Новгород [4, С.127–130]. По числу жителей Воронич превосходил Остров, Опочку, Велье и другие пригороды Пскова. Это объясняется его выгодным географическим положением, что делало проживание в нем менее опасным.

По старому письму на Ворониче был 371 черный двор [5, С.332–347].

Посады Воронича многократно уничтожались литовцами и ливонцами. Особенно же они были почти полностью разорены в 1426 [3, С.41], в 1581 и окончательно в 1634 г.: «Литва в то время Вороночь выжгли и высекли» [7, С.283].

Пригород Пскова Врев находился на древнем пути из Литвы в Новгород и Москву. Крепость преграждала путь к Острову и Пскову с верховьев реки Сороть, Уды, Льсты. Дубков, Врев, Котельно, Владимирец составляли вторую линию укреплений на «литовском рубеже».

В.В.Косточкин относит построение городка Врева ко второй половине XIV века, ссылаясь на упоминание в «Списке русских городов», составленном в конце XIV века [1, С.41].

В летописи Врев упомянут только раз в связи с нападением на город в 1426 году Витовта: «А ини под Вревом, под городом вревичи побиша, а вревич паде не много» [7, С.123].

В данное время о существовании крепости напоминает городище — крутой холм эллиптической формы, высота которого 15–20 метров, с площадкой 150×45 метров.

Древний въезд проходил в виде узкой тропинки вдоль южного склона горы; с запада видна пологая дорога явно позднего происхождения.

На вершине городища, у алтарной стены стоявшей здесь церкви Петра и Павла, находится фамильная усыпальница друзей А.С.Пушкина — баронов Вревских.

В первом томе «Русского провинциального некрополя» названы:

- Барон Вревский Борис Александрович (29.11.1805–17.12.1888);
- Баронесса Вревская Евпраксия Николаевна (12.10.1809–22.03.1883);
- Барон Вревский Александр Борисович (12.04.1832–25.04.1833);
- Барон Вревский Николай Борисович (15.06.1835–24.07.1835);
- Барон Вревский Степан Борисович (22.07.1843–03.10.1901);
- Баронесса Вревская Александра Борисовна, она же Ладыженская (21.08.1840 – 07.07.1899);
- Барон Вревский Алексей Борисович (04.08.1845–21.08.1877);
- Барон Вревский Ипполит Борисович (03.09.1847–11.07.1889).

При городке Вреве существовал посад, разоренный, видимо, во время Ливонской войны. До разорения, по данным, приведенным в Псковских писцовых книгах 1585–1587 гг., в нем было 100 черных дворов.

Посад занимал площадь около 5 гектаров.

Рельеф местности, то есть наличие болот, озера, песчаной гряды вблизи города, по-видимому, мешал росту посада.

Посад располагался на небольшой плоской возвышенности, западная сторона его вплотную примыкала к восточному склону городища, с севера находилось озеро Зеленец и болото, с южной стороны — болото и ручей, восточная сторона была защищена высокой песчаной грядой, в которой есть разрыв, видимо, служивший в древности воротами, через которые проходила дорога в пригород Выбор [8].

В результате археологических разведок, проведенных во Вреве, была обследована территория бывшего посада, выполнен план-схема, обнаружено место кладбища и, по-видимому, женского Покровского или мужского Ильинского монастыря, следы двух улиц; место бывшего Никольского храма на посаде.

В ямах, используемых местными жителями для хранения овощей в зимнее время, найдены фрагменты керамики (донца, боковая часть керамического сосуда второй половины XIV — первой половины XV века, кованые гвозди [9], относящиеся к рубежу XVII–XVIII веков), мощность культурного слоя составляет 0,6–0,9 метра.

Вся территория Вревского уезда делилась на четыре губы: Богородицкую, Никольскую, Порецкую, Ильинскую и была в 2,5 раза меньше территории Воронича, которому было подчинено десять губ.

Все посады псковских пригородов были тесно связаны со своими центрами во всех сферах жизни. Разрушенные во время Ливонской войны города-крепости (Воронич, Велье, Врев и др.) стали называться городищами, а на месте бывших посадов постепенно селились потомки прежних жителей, движимые любовью и уважением к памяти своих предков. Так на пепелищах бывших посадов возникали новые поселения, то есть села (Велье, Воронич, Врев), с волостными управлениями, храмами, школами и магазинами [11, 13, 14].

В начале XVIII века Велье и Воронич были приписаны к Опочке, а Врев вошел в состав Воронцовской волости.

В XVIII–XIX веках Врев — село с Никольским храмом и с ярмарками. В настоящее время во Вреве десять дворов...

А.С.Пушкин бережно относился к исторической памяти народа и, работая над трагедией «Борис Годунов», дважды упомянул о пригороде в сцене «Корчма на литовской границе» и в черновом варианте названия трагедии.

Знакомо было ему и древнее Велье с руинами крепостных стен.

А с древней земли Врева 14 апреля 1836 года, после похорон матери, поэт напишет Н.М.Языкову письмо: «Отгадайте, откуда пишу к Вам, мой любезный Николай Михайлович? из той стороны — где вольные живали etc. — где ровно тому десять лет пиروвали мы втроем — Вы, Вульф и я; где звучали Ваши стихи, и бокалы с Емкой, где теперь вспоминаем мы Вас — и старину»*.

* Пушкин А.С. Собрание сочинений. — Т.Х. — М., 1962. — С.284.

Литература

1. *Косточкин В.В.* Русское оборонное зодчество конца XIII – начала XVI в. – М., 1962. – С.41.
2. *Алферова Г.В.* Русские города в XVI–XVII вв. – М., 1989. – С.328.
3. Псковские летописи. Вып.2. – М., 1955. – С.27–28.
4. *Васильев М.Е., Филимонов А.В.* Велье. – Пушкинские Горы, 1994. – С.63.
5. Псковская писцовая книга 1585–1587 гг. (Городище Воронич и его уезд).
6. *Белецкий С.В.* Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып. 4. – СПб., 1999. – С.23–32.
7. *Раппопорт П.А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Западной и Северо-Восточной Руси в X–XV вв. – М.-Л., 1961. – С.79–80.
8. *Васильев А.М.* Крепость Врев // Михайловская пушкиниана. Вып.6. – М., 2000. – С.87–88.
9. *Белецкий В.Д.* Археологические работы в Государственном заповеднике имени А.С.Пушкина // Археологический сборник 18. Гос. Эрмитаж. – Л., 1977.
10. *Белецкий С.В.* Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Вып. 4. – СПб., 2001.
11. *Болховитинов Е.* История княжества Псковского: В 4 ч. – Киев, 1831.
12. *Васильев М.Е., Харлашов Б.Н.* Памятники старины. – Т.1. – СПб., 1997.
13. *Васильев М.Е., Киртичников А.Н.* Археологические открытия 1974 года. – М., 1975.
14. *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне. – СПб., 1889.
15. *Герберштейн С.* Записки о московских делах. – СПб., 1908.
16. *Ильинский Н.С.* Историческое описание города Пскова и его древних пригородов. – СПб., 1790.
17. *Кафенгауз Б.Б.* Древний Псков: Очерки по истории феодальной республики. – М., 1969.
18. *Киртичников А.Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. – Л., 1976.
19. *Киртичников А.Н.* Оборонительные сооружения псковского пригорода Велья // Средневековая архитектура и монументальное искусство: Раппопортовские чтения. – СПб., 1999.
20. *Масленникова Н.Н.* Присоединение Пскова к Русскому государству. – Л., 1958.
21. *Насонов А.Н.* Русская земля и образование территории древнерусского государства. – М., 1951.
22. *Платонов С.Ф.* Далекое прошлое Пушкинского уголка. – Л., 1927.
23. Псков. Очерки истории. – Л., 1971.
24. *Семенов П.П.* Географическо-статистический словарь Российской империи. – Т.1. – СПб., 1863.
25. *Тихомиров М.Н.* Список древних русских городов дальних и близких // Исторические записки. – Т.40. – М., 1952.

По псковским городам и весям

(популярные очерки)

На Чернице-реке*

От этого города осталось только имя — Черница. Из летописи известно, что он находился где-то южнее Пскова, на границе с Литвой, а где именно — неизвестно. И построен в XIV или в начале XV века.

В то время на Псковскую землю часто нападали литовские князья и ливонские рыцари. Для защиты от воинственных соседей псковичи на границах своего государства строили города-крепости — «пригороды». Таким пригородом Пскова и была Черница, защищавшая начало пути на Русь из Литвы.

Куда исчезла Черница? Была ли разорена войсками иноземцев или постепенно опустела и была заброшена, когда деревянные крепостные стены не смогли противостоять новому огнестрельному оружию?

Не знаю, как кому, а мне поиски следов давней жизни минувших веков кажутся одним из самых увлекательных занятий.

И вот решил в свободное от работы время — благо живу в тех местах, неподалеку от которых проходила когда-то южная граница Псковской земли, — попробовать разыскать следы древней Черницы.

На юге Опочецкого района есть Черницкий погост и река Черница, близко протекающая от погоста. Конечно, первая мысль была: не связаны ли нынешние названия с древним городом, когда-то защищавшим эту местность?

...Ранним октябрьским утром я сел на попутную автомашину и добрался до Опочки. Отсюда доехал до деревни Маврино, что в двадцати километрах к югу от Опочки, на шоссе Ленинград — Киев. Далее предстоял пеший путь с тяжелым рюкзаком по болотистой местности. Дорога шла лесом, болотом, часто приходилось перебираться через незамерзшие ручьи. Наконец я вышел к берегу большого круглого озера Крушинского. Из него-то и берет свое начало река Черница, один из правых притоков реки Великой. Здесь, у истоков, Черница неширокая

* Очерк впервые опубликован в сборнике «Глобус». — Л., 1977. — С.365–368.

Маслово, по дороге на Черницу (осень 1988 г.)

и спокойная. Вода ее всегда темная, отсюда и ее название. Почти на всем своем пятнадцатикилометровом пути она течет по болотистой урюмой местности.

Пройдя три километра по шоссе, я вошел в живописно расположенную на правом берегу Черницы деревню Маслово. Единственной ее достопримечательностью оказалась старая мельница на реке, еще работавшая. Но что удивительно — я увидел настоящие курганы. И не один, не два! Стройными рядами, как колонны воинов, тянутся курганы вдоль бывшей границы с Литвой километров на двадцать! Местные жители называют их «сопками».

Как много еще на нашей земле неизвестного, хранящего тайны и ждущего прихода археологов... Я долго смотрел на сопки, но день клонился к вечеру, поднялся ледяной стремительный ветер. Он, с завыванием кружа сухие листья, пронесил их между рядами «сопок». Ветер пронизывал насквозь, срывал с головы шапку, дул так, что трудно было устоять на месте...

В деревне Алексино, что стоит у самого погоста, я без труда договорился о ночлеге.

Наутро я увидел за окном снег. Снег по колено. Экспедицию пришлось прервать: началась зима.

Вторая поездка на берега Черницы состоялась только летом следующего года. Со мной поехал на Черницкий погост старший землеустроитель Опочки Валентин Сергеевич Яковлев, большой любитель древности. На его мотоцикле мы добрались до места за какой-нибудь час.

На погосте в единственном уцелевшем старом доме нас встретила восьмидесятилетняя старушка Акулина Васильевна. Без устали рассказывала она нам одно за другим местные предания, затем подошла к событиям, свидетельницей которых была сама. По словам Акулины Васильевны, до войны стояла на Черницком погосте церковь Воскресения, и здесь каждый год устраивались ярмарки, а река Черница была гораздо полноводнее, по ней лес сплавливали. «Поздно приехали, — сказала старушка, — все порушено на погосте».

В деревне Алексино девятишестилетний старик Егор Семенов так же охотно поведал нам о старине. Его дед говорил, что в незапамятные времена окрестные реки были полноводнее, а на теперешнем погосте стоял укрепленный городок, его со всех сторон окружала вода; тогда граница с Литвой проходила в пяти верстах от погоста, деля деревню Ржевку на польскую и русскую стороны. Эту деревню по старинке и теперь так называют в народе: польские Ржевки и русские Ржевки.

Несмотря на предание о городке, который якобы стоял на погосте, мне подумалось, что Черницу надо искать не здесь. Место низкое, ничем не защищенное — как тут быть крепости?

Мне помогли школьники Есенниковской восьмилетней школы, и самым неутомимым моим спутником оказался восьмиклассник Вася. На обследование Агурьевой горы — самой высокой точки в округе — мы с Васей отправились ранним утром, еще до восхода солнца, пешком по пыльному проселку. Но вскоре попутный грузовик подвез нас до Агурьевой горы. Мы внимательно обследовали ее склоны, но признаков городища не нашли. Ни остатков вала или рва, ни дорог, ни обломков древней керамики. Следы таинственной Черницы так и не обнаружили.

Пришла следующая весна, и я с Валентином Сергеевичем на мотоцикле снова поехал на Черницкий погост. На подсохших полях тарахтели тракторы, в огородах копошились люди. Одетые в листву кусты черемухи и ивы на берегах реки смягчали ее суровость. Мы остано-

лись на большом плато, на котором и находится древнее кладбище Черницкого погоста.

И тут открылась картина совсем неожиданная: все плато с погостом превратилось в настоящий остров! Со всех сторон вода! Весенний разлив открыл нам секрет Черницы. Все дело в том, что теперь Черница обмелела — об этом и говорила Акулина Васильевна. Значит, река подступала к погосту так же близко, как сейчас в разлив. И соседние озера — Черное и Нефедич — тоже вплотную подступали к погосту. По берегу возвышался земляной вал, на нем деревянная стена... Нет, Черница была сильной крепостью, хорошо защищенной самой природой!

Теперь я убедился, что Черница стояла на месте теперешнего погоста. Я готов был верить древнему преданию, утверждавшему, что на месте погоста стоял когда-то «городец». Да, память народа удивительно долго хранит и часто доносит до нас правду о былом.

Понял я теперь, почему до войны на Черницкий погост окрестные крестьяне съезжались на ежегодные ярмарки. Обычай этот, верно, шел из глубокой древности, когда на месте погоста здесь была базарная площадь города Черницы...

Еще не раз приезжал я на старый погост — и один, и с Валентином Сергеевичем. На окрестных огородах, в земле, размытой дождями, собирали мы черепки старинной керамической посуды XIV–XVI веков. В зарослях кладбища нашли десятка два каменных могильных крестов. Некоторые чуть-чуть торчали из земли. Мы очистили их от земли, обмерили и сфотографировали. Кресты были XIV и XV веков. Значит, здесь жили люди с давних пор, с того самого времени, когда воины Черницы обороняли от врагов псковские рубежи.

На одном из этих крестов мы прочитали слова, написанные славянской вязью.

«Помяни мя...» — просил древний житель Черницы («Вспомни меня...»). Эти чуть заметные слова на древнем камне казались мне обращенными в будущее, обращенными ко мне и ко всем нам: помните и чтите своих предков... Да, мы помним тех, кто пал в недавней Отечественной войне, помним и тех, кто в далекие времена защищал и строил наше Отечество. И эта память — одно из самых дорогих наших достояний...

Прошло время... Давно мне хотелось побывать в дорогих сердцу местах, встретиться со старыми знакомыми, узнать о судьбе мельницы. Но только спустя десять лет я со своим товарищем оказался на знако-

мых берегах Черницы. Здесь, кажется, все осталось по-прежнему: добротные дома стоят на своих старых местах, уцелела и мельница, моя старая знакомая.

У мельницы стояла повозка, нагруженная мешками, возле нее нетерпеливо похаживал возница. Он то и дело поглядывал на дом, что стоит на бугре, напротив мельницы. Должно быть, подумали мы, ждет мельника. Однако вскоре вместо мельника пришла его жена, и сразу все пришло в движение. Мешки внесли в помещение, мельничиха включила рубильник, жернова с шумом завертелись, помещение наполнилось запахом свежесмолотого зерна. Через десять-пятнадцать минут зерно было смолото.

По нашей просьбе мельничиха провела нас на второй этаж и познакомила с принципами работы своего предприятия. Из ее рассказа узнали, что история масловской водяной мельницы, славившейся на всю округу, берет свое начало еще в прошлом веке. На ней мололи зерно, из пшеницы делали даже муку крупчатку, гречневую и ячневую крупу, чесали шерсть. После нэпа мельницу национализировали, а хозяина, уважаемого во всей округе Епифана Давыдовича Воробьева, «раскулачили».

Михаил Иванович Жуков, теперешний заведующий мельницей, пришел работать прямо с фронта, и, несмотря на то что ему сейчас уже девятый десяток, он все еще остается на своем любимом посту.

— Жаль, что разрушилась плотина на Чернице и никому дела нет. Тогда водой мололи, — заключила свой рассказ мельничиха...

В деревне Алексино первым делом поинтересовался я у женщины, сидевшей на крыльчке своего дома, жива ли гостеприимная старушка Акулина Васильевна? Помолчав немного, она ответила: «Акулина-то, царство ей небесное, наказывала вам долго жить, уж семь годков-то будет как померла. А ты кто ей будешь?...»

На старом кладбище Черницкого погоста, среди древних каменных крестов, появилось десятка полтора новых могильных холмиков, увенчанных деревянными крестами и цементными плитами. А там, где стоял дом Акулины Васильевны, остался только бугор, густо поросший бурьяном.

Наше внимание привлек один из памятников, не художественными достоинствами, а, как нам показалось, редкой на нем надписью: «Здесь лежит великий и незаменимый могучий труженик! Федор Семенович Шемелинский. Сконч. 2 февраля 1912 г. на 27 г. от роду».

Водяная мельница на р. Чернице.
В центре — мельник М.И.Жуков, слева — М.Е.Васильев

Присели мы на камень, чтобы отдохнуть перед обратной дорогой, а кругом нас осенняя тишина, тут вспомнилась единственный старожил погоста Акулина Васильевна. Сидит, бывало, она на ветхом крыльчке своего дома и с упоением рассказывает бесконечные черницкие были. Тишину нарушил с шумом пролетевший над погостом клин журавлей. На душе как-то стало еще грустнее, хотелось сидеть и думать, думать... Но осенний день клонился к вечеру, надо было позаботиться и о возвращении домой.

В деревне Алексино нас пригласили отобедать. Хозяйка дома Анна Леоновна провела нас в горницу. В центре стола стоял кипящий самовар, кастрюля с горячей картошкой, соленые грибы, огурцы... За обедом Владимир Иванович, хозяин дома и в прошлом председатель местного колхоза, жаловался на то, что трудно было управлять раньше хозяйством... Мол, мешало работать районное начальство: «Уполномоченные что ни день шастали к нам в колхоз и все учили, как надо работать, хотя иной не умел отличить овес от пшеницы. Вот и развалили сельское хозяйство, молодежь ушла в город. А теперь жить

можно, да людей не осталось в деревне, некому работать. А ведь человек всему голова». Закончил рассказ хозяин и вышел из-за стола покурить.

Тут, давно ожидавшая своей очереди, включилась в разговор хозяйка дома. Из ее рассказа мы узнали, что до Великой Отечественной войны Алексино было большой и многолюдной деревней. Молодежь по праздникам собиралась на гулянья. А в зимние вечера, поочередно, в домах собирались старые и молодые на посиделки, каждый с рукоделием: кто пряд, кто вязал, кто кузова плел.

«А то, бывало, начнут петь да плясать. Люди веселые раньше жили», — закончила свои воспоминания Анна Леоновна. Мы поблагодарили хозяев дома за гостеприимство и отправились восвояси.

Хозяин провел нас до калитки и, прощаясь с нами, сказал: «Милости просим в любое время, не забывайте наш дом...»

Путешествие в Дубков*

Наконец-то давнишняя мечта осуществилась, и мы с Вячеславом Юрьевичем, тоже любителем путешествий, рано утром прибыли в Новоржев.

Зная только, что древний город Дубков находился где-то за Выбором, решили ехать на автобусе по маршруту Новоржев – Выбор – Веска – Заречье.

У сидевшего рядом с нами пожилого мужчины мы спросили, не знает ли он, как попасть на городище Дубково. Он недоуменно посмотрел на нас и невнятно, как бы обращаясь сам к себе, пробормотал: «Дубков, какой это Дубков? Да нет, не знаю такого Дубкова». Пассажиры внимательно стали присматриваться к нам и перешептываться. «Да нет такого города, во всей округе, кроме нашего Новоржева», — сказал другой пассажир, желая поддержать нашего соседа по автобусу.

Вскоре в разговор вступила женщина. Она спросила: «А чьи вы будете?» «Из Пушкинского заповедника», — ответили мы. «А вот я сама из Выбора, но о городе не слыхивала. Вот дед мой, помяни его Бог, сказывал, что где-то за Веской есть деревня и называется она Городищем». Упомянув деревню Городище, она подсказала тем самым нам дальнейший маршрут. И мы на том же автобусе через полчаса прибыли в поселок Веску.

В центре поселка нашли контору овцеводческого совхоза имени Героя Советского Союза А.В.Германа. Вошли в кабинет директора, где за длинным столом, покрытым зеленым сукном, сидел средних лет человек, — это и был директор совхоза Иван Семенович.

Мы обратились к нему с просьбой помочь доехать до городища Дубкова. Он удивленно посмотрел на нас и переспросил: «На Городище, да туда не попадете, нет дороги, летом и то с трудом добираемся, там у нас возле Городища покосы и пастбища. Вот если согласится наш лихой тракторист Алешка, — продолжал директор — сейчас я его вызову». Иван Семенович куда-то позвонил, и через минут десять под окно кабинета подкатил «Беларусь».

Поблагодарив директора за помощь, мы вышли на улицу, где за рулем трактора сидел симпатичный белокурый парнишка Алешка.

* Из архива М.Е.Васильева, 1996 г.

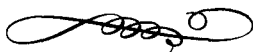

Мы представились, сели в кабину и поехали. Вскоре свернули с большака на проселок, исковерканный глубокой колеей. По бездорожью предстояло проехать около восьми километров. Наш трактор бросало то влево, то вправо, иногда он ложился набок.

Подъехав к высокой горе, мы с облегчением вздохнули и по крепостной дороге поднялись на городище через земляные ворота, к удивлению нашему, сохранившиеся с того далекого прошлого. На площадке городища несколько каменных крестов, покрытых мхом, да фундамент, видимо, бывшего храма. Городок Дубков защищал Псковскую землю от литовцев с северо-востока, выдержал несколько вражеских осад и окончательно разрушен был во время Ливонской войны. Алеша предложил пойти к источнику, обладающему целебными свойствами. Узкая тропинка привела нас на восточный склон городища, где из-под земли небольшой струйкой вытекает сверкающая, как серебро, водица. По рассказам Алеши, за этой водицей приходят старушки из окрестных селений.

Отведав родниковой водицы, мы вновь вернулись на вершину городища. Вокруг него много оврагов, болот, озер, лесов. Алеша рассказал нам легенду о Дубкове: «Вот кому повезет и увидит с городища семь озер, тот обязательно найдет клад и станет счастливым».

Слушая рассказ Алеши, мы любовались необозримыми просторами и мечтали приехать сюда вновь весной и, если повезет, увидеть семь озер.

Поиск*

...Там, где Луговка струится
Меж отлогих берегов, —
От большой дороги справа
(Между полем и холмом)
Вам представится дубрава,
Слева сад и барский дом...

А.С.Пушкин

Речку Луговку не раз приходилось Пушкину переезжать и переходить по дороге в Святые Горы на ярмарки.

На ней когда-то была плотина, стояла мельница, бывшая в совместном владении деда поэта, Осипа Абрамовича Ганнибала, и крестьян деревни Бугрово (по рассказам старожилов, вода в речке была отменно чистая, много рыбы и раков водилось).

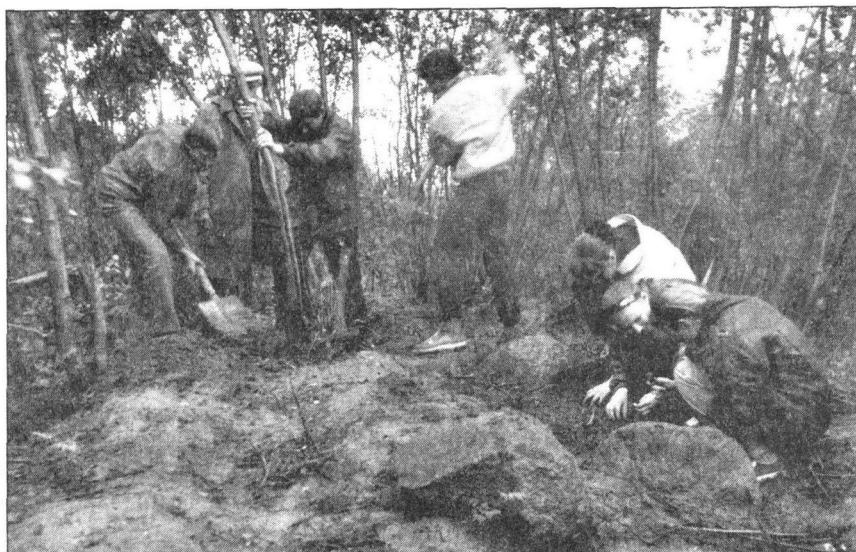
Но широкая известность Луговки в народе и даже за пределами воронического края связана главным образом с преданиями о чуде, случившемся на ее берегах во времена царствования Ивана Васильевича Грозного.

В «Святогорской повести», хранившейся в библиотеке Святогорского монастыря, о явлении чудес отроку Тимофею сказано: «В лето от сотворения мира 7071, от Рождества же... 1563, явися, по изволению Божию, образ Божией Матери Умиления, на воздухе, в неизреченном свете, пригорода Воронича жителю Тимофею Терентьеву, пасущу ему тогда скот, близь Лугвицы, и глас бысть к нему: прииди по шести летах на Синичью Гору и узрещи благодать Божию...»

На месте первого явления пастуху иконы «Умиление» Божией Матери в незапамятные времена была поставлена часовенка, а внутри лежал камень-следовик — «Богородицын» камень. Автор книги «Описание Святогорского Успенского монастыря», игумен Иоанн, луговскую часовню относил к числу самых древних в этих местах. Совершавшийся ежегодно из стен Святогорской обители во Псков крестный ход с чудотворными иконами останавливался у этой часовни, и там служился молебен.

В двадцатые годы XX столетия часовня была разобрана и увезена.

* Из архива М.Е.Васильева, 1995 г.

Раскопки на месте бывшей часовни в д.Луговке (1994 г.)

Часовня в д.Луговке. Восстановлена в 1994 г.
Слева направо — неизвестный, А.В.Буковский, Н.Е.Ершов, М.Е.Васильев

Прошло более десяти лет с того времени, когда С.С.Гейченко предпринял первую попытку найти место бывшей часовни и восстановить ее.

Недавно поиск был продолжен вместе с учащимися средней школы им. А.С.Пушкина. Однако трудность в определении места бывшей часовни заключалась в том, что при реконструкции старой дороги Пушкинские Горы — Вече, проводившейся в семидесятые годы на участке возле деревни Луговки, полотно дороги выпрямили. А при строительстве моста через речку прокопано

Александра Ивановна Иванова (1910 г.р.),
д.Луговка

новое русло, тоже в целях выпрямления реки. Старое русло постепенно стало терять свои очертания и зарастать кустами. Но все же ранней весной, после половодья, оно еще хорошо заметно. Небольшой холмик, бывший на правом берегу речки, где стояла часовня, в результате проведенных работ оказался на левом берегу Луговки.

Прежде чем приступить к закладке шурфов на сопке, мы обратились к памяти старожиллов деревни. Так, жительница Луговки Александра Ивановна Иванова (1910 г.р.) вспоминала: «Часовенка была деревянная, а когда строили дорогу, тогда речку провели прямо и то место, где стояла часовня, оказалось на этой стороне. А дорога проходила возле самой часовни, то место и теперь видать...»

Таисия Прокофьевна Никандрова рассказала следующее: «...Часовню украли ночью и увезли куда-то. Тогда и всё ограбили, что было в часовне, а камень, наверное, закопали под дорогу. Моя тетушка зажигала в ней лампадку. А однажды проснулась, глядь — а часовни и нет».

Старожил д.Луговки Геннадий Федорович: «Я хорошо помню тот камень со следом, он не очень большой, а пропал, когда строили дорогу...»

Работу на сопке мы с учащимися школы им. А.С. Пушкина начали с того, что выкорчевали деревья, кусты и заложили пять небольших шурфов, в результате открылся фундамент небольшого строения. Освободили от дерна и ольхи четыре больших угловых валуна и несколько камней-кругляков, бывших под боковыми стенами строения. При раскопках были найдены остатки разрушенной каменной отмостки бывшей постройки, по-видимому, это бывший подход к часовне, а также обломки голубоватого стекла от разбитой лампадки.

Свидетельства жителей деревни Луговки и найденные остатки фундамента убедили, что наш поиск завершился успешно. Еще не погасли на маковках деревьев лучи вечернего солнца, когда мы усталые, но счастливые возвращались домой.

Вскоре на берег реки Луговки из Святогорской обители при участии большого числа верующих пришел крестный ход, и место явления иконы «Умиление» Божией Матери блаженному Тимофею вновь освятили.

Прогулка по Велью*

О светло светлая
И красно украшенная земля Русская!
Многими красотоми дивишь ты,
Реками и источниками местнотчимыми,
Городами великими, селами дивными!...
Всего ты исполнена, земля Русская.

Слово о гибели земли Русской

Мы шли по влажной песчаной дороге, по обе стороны которой стоял сосновый лес. Сквозь строй сосен виднелись курганы-захоронения славян-кривичей, поселившихся здесь еще в VIII–X веках. И чем ближе подходили к селу, тем все громче звучал колокол. Мягкие звуки колокольного звона долетали до нашего слуха и, постепенно удаляясь, таяли где-то далеко-далеко в гуще леса.

Звон напоминал о празднике, дне Бориса и Глеба. Когда вошли в село и поравнялись с храмом, услышали «Отче наш», шла служба. Когда-то велейский церковный хор славился на всю округу.

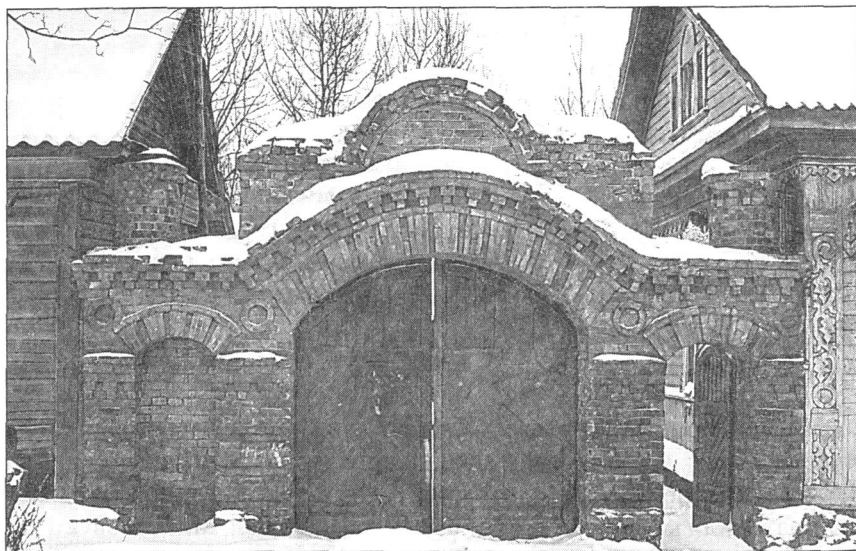
Село Велье раскинулось на возвышенности по обе стороны дороги, от которой параллельно одна другой сбегает улицы, упираясь концами в Черное озеро, где на берегу приютились баньки.

Село сохранило старинную планировку когда-то обширного городского посада и ряд купеческих усадеб. Перед нашим взором проходили страницы минувшего.

По дороге я рассказал своим спутникам о Ягужинских, о фаворитах Екатерины II, князе А.Д.Ланском, Г.А.Потемкине и о князе А.Б.Куракине, владевших Вельем во второй половине XVIII века.

Сохранившиеся в селе усадьбы купцов Крестовских, Машневых, Болталовых и других напоминают, что Велье когда-то было значительным торговым центром с ярмарками. В центре двора усадьбы Крестовских, свидетельствуя о былом, стоит огромное каменное здание — льнохранилище, удивляя наших современников прочностью кладки и рисунками на стенах.

* Из архива М.Е.Васильева, 1996 г.

Ворота дома купцов Машневых (вторая половина XIX в.)

Амбар в селе Велье (XIX в.)

Влево от центральной улицы дорога ведет в бывший пригород Пскова Красногородск. Подходя к городищу, она, раздваиваясь, как бы обнимает его с двух сторон. В далеком прошлом — это та самая «Ливонская» дорога, по которой немецкие рыцари приходили штурмовать крепость.

Тут вспомнилось и то, что по этой самой дороге осенью 1825 года Александр Сергеевич Пушкин спешил в Лямоново, имение Пещуровых, чтобы встретиться с лицейским товарищем А.М.Горчаковым, узнать о его здоровье, услышать новости, познакомить его со страницами своей рукописи «Борис Годунов» и упомянуть потом об этой встрече в стихотворении «19 октября» (1825):

...Ты, Горчаков, счастливцев с первых дней,
Хвала тебе — фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Все тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

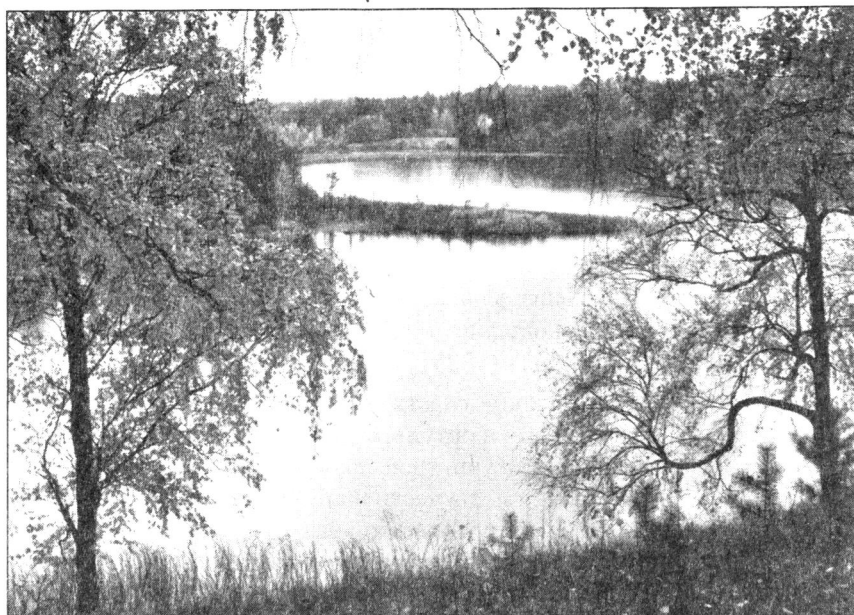
Поднимаемся на древнее велейское городище, господствующее над всей округой. В те далекие времена Велейская крепость была со всех сторон окружена водами трех озер: Черного, Чадо и Велье.

Северо-восточную и северо-западную стороны города защищали мощные каменные стены с башнями, юго-восточную и юго-западную — земляные валы и деревянные стены с башней, обращенной к «Ливонской» дороге. Город удивлял врагов своей неприступностью, а друзей — строгой красотой и величием.

И вот мы на самой высокой точке земляного вала, на месте, где стояла эта башня, и, кажется, сами становимся участниками горячего боя с рыцарями, карабкающимися на кручи неприступной крепости, и слышим лязг мечей и стоны раненых...

Кое-где на городище еще заметны следы археологических раскопок, проведенных в семидесятые годы, с помощью которых были открыты и изучены остатки уникальных крепостных стен с четырьмя башнями, воротами и тремя крепостными дорогами.

Подходим к месту, где были главные ворота крепости с огромной каменной башней, обращенной к посаду. На эту башню ложилась наибольшая ответственность в защите города.

Вид с городища Велье на озеро Черное

М.Е.Васильев, его сын Андрей (второй слева в нижнем ряду) с добротами из с.Селиваново (Тульская обл.) на городище Велье (лето 1993 г.)

Псковский пригород Велья впервые упомянут в летописи в 1368 году в связи с нападением немецких рыцарей на город: «...В лето 6876 рать немецка у Велья из Налесья была и с погонею билися; по грехом нашим бысть неспособе Божие, много голов паде и добрых людей».

Год же 1408 стал для вельян еще более тяжелым испытанием, но и на этот раз крепость не поддалась врагам: «...сила... литовская, — сообщает летопись, — и немецкая под Вельем стояще... и оступиша около града, и хотеша пленити дом святого Архангела Михаила, а мужей вельян мечю предати. И Бог град соблюде...»

Это, по сути дела, была первая непосредственная осада самой Велейской крепости объединенными силами ливонцев и литовцев.

На протяжении почти 250 лет крепость успешно отбивала все атаки ливонцев и литовцев, зарившихся на богатства Псковской земли.

Ливонская война razорила псковские земли, в том числе и Велейщину. Иван Грозный после занятия неприятелем Великих Лук, Невеля и Заволочья в 1580 году решил большую часть вооружения и защитников из Красного, Велья, Воронича и Острова перевести во Псков, не надеясь удержать эти города в своих руках. Это обстоятельство и облегчило занятие крепости в 1581 году литовцами. Вскоре оборонное значение Велья упало, и оно стало называться просто городищем.

С крепостного вала видно, как картинно устроилась среди деревянных построек села каменная Крестовоздвиженская церковь, построенная в 1763 году талантливым вельянином Леонтием Автономовичем Травиным, первым краеведом-историком опочечкой земли.

В этой церкви в 1780 году присутствовала на богослужении императрица Екатерина II, торжественно встреченная жителями села колокольным звоном велейских и окружных церквей, чем государыня осталась весьма довольна. Сохранилось предание, что императрица после службы в церкви совершила прогулку на городище и любовалась окрестностями.

За разговорами и прогулками по окрестностям села не заметили, как приблизился августовский вечер. Мы вновь поднялись на городище, уселись на валу и любовались закатом солнца. Над городищем летали паутины, предвещающая хорошую погоду. Незаметно над селом опустились сумерки, из-за облака выкатилась луна, остановилась и повисла над озером. Белокаменный храм величественно возвышался над уснувшим селом, отражаясь в водах озера. Ночную тишину нарушало лишь стрекотание кузнечиков. Ночь вступила в свои права, становилось все прохладнее.

Когда мы проснулись, лучи восходящего солнца уже играли на храме и вершинах сосен. В селе начинался обычный трудовой день.

Дорога печали*

Стояли дни поздней осени, когда отправились мы с группой учащихся средней школы им. А.С.Пушкина на поиск фрагмента древней дороги, соединявшей Литовское княжество с Москвией и проходившей через Воронич. Дорога эта, известная с XV века, начиналась в Кракове и пролетала через Вильнюс, Полоцк, Опочку, Воронич, Врев, Новгород и далее в Москву. По ней в 1517–1526 годы проезжал посол Священной Римской империи, автор «Записок о московских делах» барон С.Герберштейн, оставивший описание Воронича и других псковских городов. В 1581 году этим же путем пришла армия Стефана Батория и разорила город Воронич.

А.С.Пушкину хорошо была известна история этого пути по письменным источникам, преданиям и легендам. Он не раз вместе с тригорскими барышнями совершал по нему «путешествия в Опочку...».

Наш же интерес к этому древнему пути был обусловлен главным образом тем, что по этой старой дороге везли тело А.С.Пушкина от Тригорского в Святогорский монастырь.

Младшая дочь Прасковьи Александровны, Екатерина Ивановна Осипова, принимавшая участие в похоронах поэта, об этом событии рассказала В.П.Острогорскому, посетившему могилу А.С.Пушкина в 1898 году. «Вдруг, видим в окно: едет к нам возок с какими-то двумя людьми, а за ними — длинные сани с ящиком. Мы разбудили мать и вышли навстречу гостям: видим, наш старый знакомый, Александр Иванович Тургенев... Какой ведь случай! Точно Александр Сергеевич не мог лечь в могилу без того, чтобы не проститься с Тригорским и нами. Матушка оставила гостей ночевать, а тело распорядилась везти теперь же в Святые Горы вместе с мужиками Тригорского и Михайловского, которых отрядила копать могилу...».

Другая свидетельница этого прискорбного события, Агриппина Захаровна, служившая в доме Тригорского горничной, часто рассказывала о встрече тела Пушкина своему правнуку Андрею Васильевичу Зиновьеву: «...всем домом вышли мы встретить покойного михайловского барина, многие плакали; перекрестили мы его и вписали поминать, значить, раба Божия Александра...».

* Псковская правда, 7–8 февраля, 1997 г.

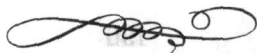
Похороны Пушкина с картины Федорова

Обследование участка древней дороги от Тригорского до Луговки мы начали от Воронича, сохранившего старую планировку бывшего здесь Горнего посада. По воспоминаниям старожилов деревни, дорога в пушкинское время спускалась с тригорского холма вниз на дно оврага и, проходя у южного подножия городища, поднималась в деревню Ворониц. Далее проходила по крайней улице, называвшейся Опочечкой, выводила на Буй-поле.

На широком поле, называемом до сего времени Буй, мы зафиксировали следы старой дороги, хотя отдельные участки уже поросли березовыми рощицами, кустарниками ольхи и лозняка. Далее она вела через деревню Коты, ныне не существующую.

По пути я рассказывал своим спутникам, учащимся средней школы имени А.С.Пушкина Наде Шабановой, Лене Драгуновой и Ире Тимофеевой, о том, как ночью пятого февраля 1837 года по этой самой дороге проследовал траурный поезд с телом поэта в Святогорский монастырь.

Наше короткое по времени путешествие в незабываемое прошлое закончилось у бывшей переправы через речку Луговку с мечтой, что когда-нибудь изучение остатка траурного пути от Луговки до Святых Гор будет продолжено.

По древнему тракту*

Сигорицы, куда мы приехали с Иосифом Теодоровичем Будылиным, экскурсоводом Пушкиногорского бюро, небольшой поселок и конечная станция автобусного маршрута Остров – Сигорицы. Отсюда мы свернули влево на проселок, по которому предстояло пройти до самого Владимирца. Преодолеть пятикилометровое расстояние можно бы за один час, но мы затратили целых три.

Широкое полотно старой дороги оказалось все изрезано колесами трактора, и все четыре колеи заполнены месивом грязи. По мере нашего продвижения вперед дорога становилась все хуже и хуже. Даже иногда появлялась мысль отказаться от мечты, столько лет вынашиваемой нами, побывать во Владимирце. Свернуть же с дороги и пробираться стороной не было возможности из-за непролазных зарослей кустарника.

А ведь когда-то эта самая дорога была знаменита не только на Руси, но знакома и Западной Европе. По этой же дороге совершил свое первое путешествие в 1516 году в Москву посол Священной Римской империи, ученый и дипломат барон С.Герберштейн (с миссией примирения польского короля Сигизмунда с великим князем московским Василием Иоанновичем). Он в своих «Записках о московских делах» упомянул о всех псковских городах, стоявших на его пути, и о дороге, по которой мы теперь с таким трудом брели во Владимирец: «...Затем мы прибыли в Воронич, город, стоящий на реке Сороти, которая, приняв в себя реку Воронеж, впадает в Великую реку немного ниже города. От Воронича, — продолжает Герберштейн, — дорога на Владимирец и Порхов, города с крепостями, затем на село Опочку и Новгород, а от туда через Волок, Торжок, Тверь, Клин в Москву...».

Шли мы и сетовали, почему же люди забыли старую истину, что от состояния дорог зависит благополучие общества, его экономическое и духовное развитие. Не случайно так много народных песен посвящено путям-дорогам.

И вот, когда силы наши были на пределе, перед нами, измученными и потерявшими всякую надежду выбраться из этой непролазной грязи, появились первые признаки недалекого жилья: лес становился все реже и светлей, послышался и лай собак.

* Рукопись очерка хранится в архиве семьи М.Е.Васильева.

Вскоре вышли на поляну, освещенную лучами предвечернего солнца. Отсюда открывался вид на высокий двухступенчатый холм, густо поросший деревьями. На нижней ступени его возвышался белокаменный храм. Издали казалось, что деревья в своем золотом убранстве, освещенные лучами солнца и заключившие в свой круг белую церковь, ведут праздничный хоровод.

Долго любовались мы этой сказочной картиной, забыв об усталости, и даже не верилось, что перед нами Владимирец!

Вскоре подошли мы к деревне. Слева от дороги, у второго дома, опершись о плетень, стоял в потертой военной гимнастерке низкорослый пожилой мужчина. Поздоровавшись с нами, он первым долгом пригласил нас к себе на ночлег.

На противоположной стороне дороги у дома стоял «Беларусь». Какие-то двое мужчин то и дело входили в дом и выносили оттуда узлы, коробки и подавали парню, стоявшему в кузове и торопливо укладывавшему весь этот скарб. У калитки плакала старуха. Хозяин нашего будущего ночлега рассказал нам, что соседний дом покидают двое стариков и уезжают жить в Донецк, к дочери. «Осиротела наша деревня, — с грустью произнес наш знакомый, — жить в родном Владимирце стало невмоготу, вот и уезжают на чужбину». Из его же слов узнали, что с осени и до весны связь Владимирца с Сигорицами из-за бездорожья почти прекращается и люди лишаются медицинской помощи и магазина. А те, кто остается зимовать в деревне, сушат сухари, запасают муку, соль, спички и пр. Весну ждут во Владимирце, как большой праздник, ибо с ее приходом приезжают дачники-ленинградцы и деревня вновь оживает.

Заручившись ночлегом, отправились мы на городище. Перешли луг, светлую речку Лиственку, от старожила, повстречавшегося на пути, узнали, что на этой речушке была плотина и водяная мельница, а рыбы — руками бери.

Поднявшись по полузаросшей крепостной дороге на вершину холма, имевшую форму прямоугольной площадки и обнесенную высокими земляными валами, мы любовались окрестностями Владимирца и вспоминали трагические события на земле Псковской.

Крепость, как сказано в летописи, основал князь Владимир Андреевич, ставленник Москвы, для защиты псковских владений не только от литовцев, но, по-видимому, и от своих соседей, новгородцев, в 1462 году.

«...Того же лета, — говорится в летописи, — псковичи поставиша городок на Володьчине горе Володимирец...».

За нарушение традиций Пскова и превышение княжеских полномочий вече изгнало князя Владимира. Но убоясь гнева Москвы, псковичи отправили с богатыми дарами своих послов к великому князю Иоанну Васильевичу просить другого наместника: «...В лето 6971 выгнаша псковичи князя Володимира Ондреевича изо Пскова, а иныя люди на вечи с степени съпхнули его; и он поехал на Москву с бесчестием к великому князю Ивану Васильевичю жаловатися на Псков. И потом, на зиму, послаша псковичи послы своя, Тимофея посадника Власьевича...».

Городок Владимирец, простоявший более ста лет на страже Псковской земли, полностью разрушило войско С.Батория.

Со старым Владимирцем, до разорения его литовцами, можно познакомиться по Псковским писцовым книгам 1585–1597 гг. Те же Писцовые книги знакомят нас с Владимирцем и после «литовского разорения». В них пригороды Владимирец, Выбор, Врев, Дубков и другие после Ливонской войны названы городищами.

Все население этих городов состояло после «литовского разорения» из духовенства, молодых тяглых людей и бобылей, не было в них ни ратных, ни служилых людей. Во Владимирце отмечены всего три тяглых двора, восемь бобыльских. До Ливонской войны из всех псковских пригородов Владимирец был менее всех населен, мало проживало в нем торговцев и ремесленников, жители занимались в основном земледелием.

«...В Владимирце же на верхнем посаде двор наместнич, а на нем 2 избы да клеть развалялась, да на верхнем же посаде дворы черные...».

Владимирский уезд был значительно меньше соседних, его территория состояла из трех губ: Никольской, Сигорицкой и Голубиницкой, в последней был Великопустынный монастырь.

В петровское время Владимирец приписывается к Порхову и становится погостом, где в престольные праздники проходили ярмарки. Известно также, что крестный ход, совершавшийся со святынями Святогорского монастыря во Псков, на обратном пути заходил во Владимирец, торжественно встречаемый местными жителями.

В воспоминаниях о былом Владимирца время пролетело незаметно, подкрались сумерки, и мы, простившись с городищем, отправились в село.

Когда вошли в дом, нас уже ждал крестьянский ужин: горячая картошка, студень, творог со сметаной, соленые огурцы, жбан топленого молока, ржаной хлеб, испеченный в русской печи.

Короткий отдых

За ужином хозяйка дома Мария Ивановна без умолку рассказывала о своем житье-бытье, а сам хозяин, Данила Васильевич, сидел на низенькой скамеечке у печки и все курил. Из ее рассказа узнали немало подробностей из биографии супругов. И о том, что Данила Васильевич — участник Великой Отечественной войны (1941–1945), ранен и от того и прихрамывает на правую ногу. Воевал он на Псковщине, в партизанской бригаде А.В. Германа и был свидетелем его гибели. Видно было, как старый партизан порывался вступить в разговор, наверное, хотелось ему самому рассказать о ратных делах. Но как только он вступал в разговор, Мария Ивановна тут же его перебивала.

Так, за весь вечер ему не удалось дождаться своей очереди. Супруги хотя часто хворают, но еще держат корову, нетель, семь овец, свинью, кур и ухаживают за 50 головами колхозного молодняка. «Да вот, — посетовала хозяйка, — стало тяжеловато корм скотине заготовливать». Тут вспомнила она свою обиду. «Ввалился в дом зимой агроном колхозный, теперича его недавно председателем поставили. Пристал, идол, и не выходит из избы. Отдайте, мол, ваш стожок сена в долг, колхозный скотдохнет. Пришлось выручить, и по сей день все не отдает. А стожок-то был у нас про запас, дачники нам летом подсобили загото-

Городище Заволочье

минается под двумя названиями: Заволочье и Ржева Пустая. Очевидно, это связано с тем, что название Ржева Пустая закрепилось за уездом, центром которого ранее был город Ржева, построенный новгородцами на границе с Литвой, позднее заброшенный. Название это продолжало существовать даже тогда, когда в уезде был построен новый административный центр — город Заволочье. Таким образом, под Ржевой Пустой подразумевался уезд, а под Заволочьем город — центр этого уезда.

Город Заволочье был расположен ближе, чем Ржева, к литовской границе и находился в значительно более благоприятных условиях для организации обороны на озере Подцо.

Первым боевым испытанием для нового города явились события 1580 года — время второго похода на Русь войска Стефана Батория. Осенью город был осажден отрядом Замойского, численно превосходившим защитников крепости. Однако первый приступ оказался безрезультатным. Узнав о неудаче штурма и больших потерях, Баторий прислал Замойскому подкрепление в количестве 2000 воинов. Проведя тщательную подготовку, дав войску отдохнуть и бросив свежие силы, Замойский сумел овладеть крепостью. Захватом Заволочья закончился второй поход Батория*.

Почему же польский король так упорно стремился овладеть Заволочьем?

* Болховитинов Е. История княжества Псковского. — Киев, 1831. — Ч.1. — С.197.

Этот город имел большое стратегическое значение, что отмечалось многими современниками. Например, Р.Гейденштейн писал, что «Заволочье расположено на таком месте, от которого идет главная дорога к Пскову, и, очевидно, может служить немало важным препятствием при походе на Псков»^{*}.

Личный секретарь Батория С.Пиотровский, сопровождавший короля в походе на Псков, в своем дневнике от 26 июля 1581 года так описывал эту крепость: «Как утка на озере, стоит замок — предмет прошлогодних подвигов пана канцлера. Король осматривал крепость со всех сторон с большим вниманием, и так как это место укреплено самой природой, то он хвалил доблесть канцлера, который взял его в такую непогоду»^{**}. Из Заволочья Баторий двинулся к Пскову через Воронич и Остров.

О крупных потерях польской армии при взятии Заволочья известно из дипломатической переписки Ивана Грозного с Баторием перед заключением мира. Король обосновывал свои требования высокой контрибуции большими потерями, которые понесла его армия в войне. На что Грозный отвечал: «Христианское ли то дело, что твои паны крови христианской не жалеют; если тебе убыток, так ты бы Заволочья не брал, кто тебе об этом челом бил».

Новые испытания выпали на долю крепости в начале XVII века. В 1612 году с помощью изменников-бояр Заволочье захватил польский

Потомок стрельцов крепости Заволочье с женой Марией Дмитриевной, д.Заволочье (1976 г.)

^{*} Гейденштейн Р. Записки о Московской войне. — СПб., 1889. — С.157.

^{**} Пиотровский С. Дневник последнего похода С.Батория на Россию. — СПб., 1967. — С.57.

воевода Лисовский: «в то же время Лисовский Заволочье взял...»*, но вскоре город был освобожден опочецкими и себежскими казаками.

На протяжении почти всего XVII века крепость Заволочье играла значительную роль в трех войнах, которые велись Москвой с Речью Посполитой за возвращение своих земель, утраченных в XIV–XVI веках.

К концу XVII века крепость Заволочье была почти целиком восстановлена.

После Северной войны крепость полностью потеряла военное значение, стены ее обветшали, башни обрушились.

Описание бывшего пограничного стража-крепости в шестидесятых годах XVIII века дано в «Топографических известиях...»: «Город Ржева Пустая и Заволочье построен на острове в полуденной стороне озера Подца, сквозь которое протекает из Великолуцкого уезда ко Пскову река Великая. На другой стороне того озера и той реки к востоку находится предместье, в котором церковь. Город Пустая Ржева и Заволочье огражден земляным валом окружностью в 400 сажен. Была в нем деревянная стена с башнями, но сгнила»**.

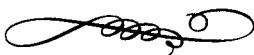
В 1777 году по указу Екатерины II уездный центр из Заволочья был перенесен во вновь построенный город Новоржев. Заволочье теряет свое административное значение и постепенно превращается в деревню, расположенную на месте бывшего посада. Но жители ее и по сей день хранят память о ратных подвигах своих предков.

О бывшем здесь когда-то городе напоминают земляные насыпи — остатки валов, на которых стояли крепостные стены, а круглые площадки — это места бывших башен. Две дороги с восточной и западной сторон ведут на городище на острове. Восточная дорога — главная, она с помощью моста (деревянные сваи которого еще и теперь торчат из воды) соединяла крепость с предместьем. Частично сохранились деревянные трубы — остатки водопроводной системы, существовавшей в городе. По остаткам фундаментов можно проследить линии двух бывших городских улиц. Небольшое болото напоминает о когда-то существовавшем здесь озерке, воды которого утоляли жажду защитников города.

В летние погожие дни можно видеть, как любознательные путешественники перебираются на лодках-плоскодонках к месту бывшего пограничного стража Русского государства — крепости Заволочье.

* Псковская третья летопись // ПСРЛ. — Т.4. — 1848. — С.30.

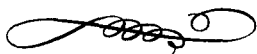
** Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. — Т.1. — Ч.IV. — СПб., 1774. — С.358–364.

Список сокращений

- ВУА** — Военно-учетный архив (фонд ЦГВИА)
- ИА** — Институт археологии АН СССР
- ЛОИА** — Ленинградское отделение
Института археологии
- КСИА** — Краткие сообщения
Института археологии
- НПЛ** — Новгородская первая летопись
- ПАО** — Псковское археологическое общество
- ПЛ** — Псковские летописи
(под ред. А.Н. Насонова)
- ПСРЛ** — Полное собрание русских летописей
- ПСС** — Пушкин А.С. Полное собрание
сочинений. — В 16 т. — М., 1937–1949.
- Тр. ПАО** — Труды Псковского археологического
общества
- Чт. ОИДР** — «Чтения в Обществе истории и
древностей российских при
Московском университете»
- ЦГАДА** — Центральный государственный
архив древних актов
- ЦГВИА** — Центральный государственный
военно-исторический архив
- ЦГИАЛ** — Центральный государственный
исторический архив Ленинграда

Содержание

Памяти Михаила Ефимовича Васильева (Г.Н.Василевич)	5
Ученый, педагог, просветитель М.Е.Васильев (И.Т.Будылин, Л.А.Васильева)	7
Хранитель музея (В.Рымарчевская)	21
Этапы развития обороны псковско-литовского рубежа в XIII-XVII веках (монография)	25
Характеристика военной ситуации на западных границах Русского государства	25
Глава I. Крепостные сооружения на псковско-литовском рубеже новгородского этапа обороны	39
Глава II. Крепости псковского этапа обороны	48
Южные пограничные псковские крепости Черница, Коложе и Удриха (Новое Коложе)	48
Велье	57
Опочка	66
Роль Опочечкой крепости в обороне Псковской феодальной республики и Русского государства	66
Оборонительные сооружения города Опочки	71
Население Опочки	80
Город Красный	83
Глава III. Заволочье (Ржева Пустая) – крепость московского этапа обороны	88
История города Заволочье (Ржевы Пустой)	88
Боевые испытания города Заволочье	90
Крепостные сооружения города Заволочье	98
Население Заволочья	107
Заключение	111
Литература	113

«Минувшее проходит предо мною...»

(научно-исторические очерки о древностях

псковского края)	117
Первые укрепленные поселения	118
Курганы, жальники и культовые камни	124
Крепость Воронич	131
Посад Воронича.	133
Велье	139
Городище Врев.	149
Памятные кресты и часовни	152
Литература	163

Посады пригородов Велья, Воронича и Врева

(доклад на научной конференции

Пушкинского заповедника, 21–22 августа 2002 г.)	165

По псковским городам и весям (популярные очерки)

На Чернице-реке.	174
Путешествие в Дубков	181
Поиск	183
Прогулка по Велью.	187
Печанский край.	192
Дорога печали	194
По древнему тракту	196
Городище Заволочье	201

Список сокращений	205

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ
МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 28

М.Е.Васильев

**Из истории земли Псковской
(исследования, поиски, находки)**

Редактор Е.Б.Егорова
Корректор О.Н.Крендясова
Компьютерная верстка и макет Т.В.Иванникова

Издательская лицензия № 00663 от 5.01.2000
181370, Псковская обл., Пушкиногорский район, с. Михайловское
Тел.: (81146)-217-62, 223-19, 234-90

Макет изготовлен ООО «ПрофИнтер»
125445, Москва, Валдайский про., д. 8, стр. 1

Сдано в набор 05.09.2003. Подписано в печать 29.09.2003
Формат 60×90 1/16. Гарнитура Петербург.
Объем 15 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.

Типография ООО «Галлея-Принт». Заказ
111024, Москва, 5-я Кабельная улица, д. 2Б

ISBN 5-94595-032-7

9 785945 950320 >